

Пьеса или повесть?

Эпический контекст в драматургии А. П. Чехова

Э. С. АФАНАСЬЕВ,
кандидат филологических наук

А. П. Чехов, уже зрелый писатель, весьма скептически относился к драматургической состоятельности своих пьес. «Вышла повесть. Я более недоволен, чем доволен, и, читая свою новорождённую пьесу,— писал он о «Чайке» А. С. Суворину из Мелихова осенью 1895 года,— ещё раз убеждаюсь, что я совсем не драматург» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978. Письма. Т. 6. С. 100). Это высказывание вряд ли продиктовано одной лишь знаменитой скромностью Чехова. Как видно, автора «Чайки» смущала избыточная эпичность его пьесы, именно это обстоятельство не удовлетворяло придирчивого к себе драматурга.

Той же осенью Чехов писал А. С. Суворину, что в «Чайке» «много разговоров о литературе, мало действия...» (Там же. С. 85). Авторское недовольство вызывали не художественные просчёты, не какие-то «отдельные» погрешности текста (скажем, излишняя «описательность» в речи персонажей, неотчётливость интриги, композиционная «расслабленность» и т. д.— на это Чехов шёл сознательно), его мучали вопросы принципиальные: в какой мере допустимы в драматическом произведении эпические элементы, в какой степени его пьеса соответствует драматическому жанру?..

Повод для таких размышлений давала Чехову и современная литературная критика, называвшая его пьесы «драматизированными повестями» и обвинявшая автора в незнании «элементарных требований сцены». Впрочем, подобным образом оценивались и многие пьесы А. Н. Островского. Можно, конечно, оспаривать эти отзывы или обойти их вниманием, однако тенденция к эпизации в русской драматургии XVIII—XIX веков — факт

общеизвестный. Этим грешили на театре многие, от Фонвизина до Островского включительно. Их тяготение к эпике в ущерб сценичности несомненно ослабляло напряжённость, драматургию действия, но эти потери отчасти возмещали введённые в пьесы бытовые и нравоучительные картины, нередко весьма злободневные.

Такие картины в психологических пьесах Чехова, за исключением, пожалуй, «Иванова», занимают скромное место. И тем не менее чеховская драматургия по ряду признаков близка эпическому роду, можно даже сказать, обязана ему своим «происхождением». Так, в его пьесах почти нет действия, сценическое время растянуто, отсутствуют или сведены к минимуму нормативные для драматического произведения коллизии между персонажами. Зрительское внимание направлено не на их взаимоотношения, не на события частной жизни, а на нечто более значительное, как бы происходящее вне сцены. Наконец, ситуации чеховских пьес — несостоявшиеся любовные «романы» и во многом амбициозные или наивно-романтические жизненные планы персонажей в значительной мере «литературны», вторичны и едва ли могут служить базой для драматургических новаций.

Сценическая жизнь персонажей подаётся Чеховым эпически безыскусно, поступки их опрометчивы, речи длинны и кажутся бессвязными, они зевают, обмениваются подчас глупыми, даже бессмысленными словами, а вокруг будничная скука и всё так узнаваемо. На этом фоне они обречены решать безнадёжный вопрос: в чём же состоит, по выражению Епиходова («Вишнёвый сад»), «направление» их жизненного пути. И поскольку найти это «направление» не представляется возможным, а реальность, далёкая от совершенства, не удовлетворяет, существование их отравлено, жизнь воспринимается ими как суровый приговор.

Характерно, что душевные метания чеховских персонажей со стороны воспринимаются как надуманные или несерьёзные.

«— Выразать недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь,— это не великодушно»,— упрекает «его превосходительство» Сорина доктор Дорн.— Какой упрямец,— не соглашается Сорин.— Поймите, жить хочется!». А желание Тригорина искренне представляется Аркадиной сумасшествием. С точки зрения Ивана Войничко, профессор Серебряков «вечно жалуется на свои несчастья, хотя, в сущности, сам необыкновенно счастлив». По словам подполковника Вершинина, он «всю жизнь болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном, и с печами, которые всегда дымят», и он же с некоторой завистью рассматривает квартиру Прозоровых, с её «цветами, с массою света ...», где томятся молодые, образованные, интеллигентные люди. Не видя в судьбе других основательных причин для душевных мук

и терзаний, собственная жизнь каждому из них представляется чередой несообразностей, нелепостей, несовершенств.

В самом деле, кому из чеховских героев отдать свои симпатии, кто достоин предпочтения — сжигаемый пламенем литературного реформаторства Треплев, у которого, по словам Маши Шамраевой, «прекрасный, печальный голос; а манеры, как у поэта» (то есть налицо задатки таланта, недюжинного человека), или несколько флегматичный и приземлённый, хотя уже знаменитый писатель Тригорин? И кому более к лицу театральная слава: прекрасной, юной и романтической Нине Заречной или несомненно талантливой, но едва ли готовой к жертвенной любви Аркадиной?

На каких весах взвешивать эти и им подобные «преимущества»? Можно ли достойно выйти из такой вот деликатной ситуации лишь с помощью традиционных драматургических средств? Думается, нет. И потому на всём протяжении пьесы эти вопросы остаются открытыми и терзают персонажей своей неразрешимостью, а оттого их эмоционально-волевые, импульсивные поступки и душевные устремления ещё туже натягивают пружину сценического действия. Между тем на глазах персонажей некий «распорядитель» путает их жизненные планы и неотвратимо ведёт дело к неблагоприятной для них развязке, тем более болезненной, чем менее способны они влиять на ход событий. «Всё делается не по-нашему» — эти слова Ольги Прозоровой как нельзя более точно выражают мироощущение персонажей, а также специфику сквозного действия чеховских пьес.

Кто же этот таинственный «распорядитель» судеб? Если не предполагать в пьесах Чехова присутствия роковых сил, то в этой роли могут выступать только сами персонажи, но они, увы, не готовы взять на себя ответственность за собственную судьбу. Как говорит своим сёстрам Маша, «каждый должен решать сам за себя», причем не только в исключительных обстоятельствах.

Драматические коллизии в пьесах Чехова возникают не по чьей-то злой воле или своенравному умыслу, они как бы сопутствуют персонажам в эпически размеренном течении сценической жизни. И этот будто оцепенелый покой нарушается не извне — «приезд» у Чехова только повод, художнический приём и только, — а взрывается изнутри, давая естественный выход накопившейся человеческой энергии. Богатый простор для психологических наблюдений! И даже страсть, как мотив поведения персонажа, для Чехова лишь средство создания комических или драматических ситуаций, ею одной не исчерпывается содержание характера, а только намечаются эпически многомерные его черты.

В повседневных, отнюдь не проходных, скорее тягучих, нередко мучительных для персонажей ситуациях драматичным становится обыкновенное, заурядное, — то, что до Чехова оставалось

за пределами драматического искусства. Сцены частной жизни, представленные в пьесах эпически широко и вольно, пронизывает напряжённо-пульсирующий ход времени, столь же драматично поданы бытовые реалии и явления природы, отношения между персонажами натянуты как струна, произносимые ими реплики будто хранят в себе некий потаённый смысл, на самом деле мнимый. И вот на таком эпически свободном пространстве, подчинённом, однако, законам драматургии, действуют чеховские герои.

Чем вызвана, например, опрометчивость, сбивчивость поведения Треплева и Нины Заречной? Их житейской неопытностью, податливостью перед искушениями судьбы, жаждой быстрого и шумного успеха, материальной незащищённостью; с верного тона непомерно самолюбивого Треплева и восторженно наивную Нину Заречную сбивает присутствие Тригорина и Аркадиной, талантливых, добившихся признания, материально независимых. Одни только внутренние мотивы поведения этих молодых людей (что относится и ко всем прочим персонажам «Чайки») вне эпического контекста, вне предлагаемых обстоятельств не объясняют ни сути их действий, ни авторского (в данном случае иронического) к ним отношения.

Высказывания персонажей «Вишнёвого сада» нередко вызывают ироническую улыбку, а то и смех; комический эффект создаёт явное несоответствие высоких помыслов чеховских героев и их реальных возможностей. Комичны поползновения малограмотного, с ограниченным кругозором Лопухина устраивать людские судьбы, его стремления кого-то осчастливить. Комичны произносимые с пафосом назидательные или провидческие монологи Трофимова, ничем себя в жизни не проявившего и судящего о ней умозрительно.

Время и пространство в пьесах Чехова выполняют смыслообразующую роль. Ушедшая молодость, а с ней угасшие жизненные силы в корне преобразили психологию Иванова, но внешне в его судьбе мало что изменилось («Иванов»). По существу эпическим предстаёт в пьесе «Дядя Ваня» образ усадьбы. В «сценах из деревенской жизни» усадьба во многом определяет психологию и поведение персонажей: профессора Серебрякова и его жены Елены, городских жителей, непривычных к условиям сельской жизни, доктора Астрова, которому явно недостаёт усадебного, домашнего уюта в его подвижнической деятельности, Ивана Войничкого, утомлённого однообразием усадебного существования и потянувшегося к иллюзорной духовно-культурной деятельности и счастью с молодой, прекрасной женщиной.

Причина психологических коллизий в доме Прозоровых («Три сестры») — естественное взросление выросших в оранжерейной обстановке генеральских детей, оказавшихся перед необходимо-

стью вступления в большой, неведомый им мир. Переход из мира семейного, с его интимно-доверительными человеческими отношениями, во «взрослую» среду сопряжён с ломкой привычных стереотипов. Так, эскапады Солёного — следствие внутренней скованности, застенчивости недалёкого самолюбивого персонажа, психологически не «вписавшегося» в общество Прозоровых и потому вынужденного надеть маску «рокового» человека. Психологический срыв Ирины, нагрубившей на телеграфе незнакомой ей женщине, потерявшей сына, можно объяснить только неприятием этой чеховской героиней чуждой ей социальной среды. Очарованность Чебутыкина прозоровским миром обернулась для него душевной опустошённостью, «подпольным» существованием.

Ключ к пониманию коллизий «Трёх сестёр», как и всех других пьес Чехова, следует искать не в драматическом, а в эпическом их контексте. За драматическими коллизиями пьес нужно видеть логику становления судеб персонажей, обусловленную их характерами и предлагаемыми обстоятельствами, — эпический контекст драматических ситуаций. В сущности не драматичны и финалы чеховских пьес: в них выражается закономерное — осознание персонажами полной невозможности иных, не унижающих человеческое достоинство исходов.

Пьесы Чехова развивают реалистические традиции русской драматургии. Однако авторские сомнения относительно родовой специфики его пьес не были безосновательными: драматическое произведение ориентировано на определённые, веками складывавшиеся стереотипы его восприятия, крутая ломка которых способна обескуражить зрителя. Сняты ли эти опасения драматурга столетним присутствием его пьес в репертуаре мирового театра?..

Ярославль

«...Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

В. Г. РАДУНСКИЙ

Парадокс: поэт, при жизни считавшийся абсолютно непонятым, дал огромное количество афоризмов, постепенно превращающихся в пословицы и поговорки. Кто сейчас не знает: «Быть знаменитым некрасиво», «Не спи, не спи, художник», «Во всём мне хочется дойти до самой сути»? Редкая журналистская статья обходится без сентенции о заложнике вечности «у времени в плену». Есть пьеса «У времени в плену» отнюдь не про Пастернака, есть роман «И дольше века длится день...», есть повесть «Уже написан Вертер»...

Среди этих метких выражений особое место занимает «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?». Оно родилось летом 1917 года и преследовало своего создателя при жизни и после как доказательство его аполитичности и оторванности от действительности. У врагов это был козырной туз, который выбрасывался всегда, когда следовало обвинить, разоблачить, напомнить, что автор таких строк не может быть «нашим» человеком.

А между тем широта поэтического размаха гиперболы, необычайный задор озорного образа, сама музыкальность фразы сделали своё дело. Обращение к детворе давно превратилось в пословицу. Её употребляют всякий раз, когда чьи-то действия не согласуются со временем, противоречат ему. Так эти пастернаковские слова, вырванные из контекста стихотворения, воспринимаются всеми.

Будущим поколениям будет непонятно, каким образом Б. Пастернак снискал у современников славу поэта, оторванного от реальности. Он — автор «Дурного сна», направленного против «околесицы» Первой мировой войны, автор «Весеннего дождя», посвящённого восторгу «слепащего выхода на форум» летом 1917 года, автор «Русской революции», возмущённый террором большевиков в 1918-м. Потомки увидят в его произведениях историю страны, возмечтавшей воплотить в жизнь многовековые идеалы спра-

ведливого общества и ради этого окунувшейся в кровь и грязь всех возможных и невозможных несправедливостей: убийств, расстрелов, провокаций. Противоречие идеала с практической повседневностью ощущалось поэтом очень остро и болезненно, оно составило трагическое содержание послереволюционного творчества Пастернака, с одной стороны, желавшего жить «заодно с правопорядком», но, с другой — никогда не примирившегося с гибелью «замученных живьём» друзей, с «шигалёвщиной» советского строя и «потёмкинскими деревнями» колхозов.

Но всё это ещё впереди. Летом 1917 года он пишет стихотворение «Про эти стихи», вошедшее в его знаменитую книгу «Сестра моя — жизнь». Из него и взяты известные строки о «тысячелетье на дворе». Попробуем вернуть их в контекст.

Как обычно у Пастернака, информация, присутствующая в заглавии, не повторяется. Тем не менее её необходимо учитывать, чтобы понять произведение. И в нашем случае глаголы, которыми открывается стихотворение: *истолку*, *открою* — не имеют при себе прямых дополнений (истолку и открою — что?); представляется ясным — речь идёт об «этих стихах». Поэт сообщает «рецепт» их изготовления:

На тротуарах истолку
С стеклом и солнцем пополам...

Это должны быть «горячие» стихи (с солнцем), переливающиеся (вместе с размельчённым стеклом) всеми цветами радуги. Изготовленные на тротуарах, то есть на улице, они вбирают в себя многоголосие городской речи, не гнушаясь никакими её лексическими пластами: ни диалектизмами, ни «прозаизмами», ни «бытовизмами». Об этой особенности поэтического языка Пастернака уже неоднократно писалось.

Изготовленным на «тротуарах» стихам предстоит зазвучать в квартире поэта. Она находится на чердаке с сырыми углами. Вероятно речь идёт о реальной комнате на самом верху многоэтажного дома в Лебяжьем переулке. В другом стихотворении «Из суеверья» он сравнил её со спичечной коробкой: «Коробка с красным померанцем — /Моя каморка» (В те годы на этикетках спичечных коробок изображался померанец.) Жилище, судя по всему, неприхотливое. Но стихи, которые Пастернак собирается открыть потолок и углам, должны преобразить неудобную мансарду:

Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме,
К карнизам прынет чехарда
Чуждачеств, бедствий и замет.

Не ведая, в каком тысячелетии он находится, поэт при

описании времён года очень внимателен к природному календарю. Запрётся в свою каморку он глубокой осенью и проведёт в ней всю зиму. Время изображено им в естественном движении — с сумрачными ноябрьскими и декабрьскими днями, со снежными заносами, с солнцеворотом в середине декабря по старому стилю (и в конце месяца — по новому), когда зима поворачивает на мороз, а солнце — на лето, с первыми новогодними солнечными лучами, предвещающими весну света.

Внезапно вспомню: солнце есть;
Увижу: свет давно не тот.

Послерождественский «разгулявшийся» денек «прояснит много из того, / Что мне и милой невдомёк». В предполагавшемся последнем прижизненном издании Пастернак уточнил: «откроет много из того». Поразительная чуткость ко времени года, способность учиться у *разгулявшегося* денька не оставляла поэта на протяжении всего его творчества.

Но сам он бывал непрочь набросать автошарж, изобразив себя этаким книжным червем, боящимся жизни и далеким от нее, заслоняющимся «в кашне от ветра».

Это стихотворение про стихи и творчество. Творчество, в котором художник соединяется («дружит») со своими предшественниками, игнорируя временную дистанцию разных поколений. Он «курит» с Байроном и «пьёт» с Эдгаром По, общается по-приятельски с Лермонтовым...

Имена выбраны Пастернаком в собеседники не случайно. Лермонтову он посвятил «Сестру мою — жизнь». Причём посвятил не памяти поэта, убитого на дуэли почти сто лет назад, а ему самому. «Точно его тем летом (1917 года.— В. Р.) где-нибудь ещё можно было встретить», — писал он впоследствии литературоведу Д. Е. Максимову, отмечая «таинственное могущество лермонтовской сущности, эту драму свежести, что ли, и её секрет и загадку». Пастернаку нравилась статья Максимова, в которой критик называл Лермонтова поэтом, утвердившим идеи личности и свободы «как самые высокие ценности и критерии». «Поэзия Лермонтова, — отмечал он, — противостоит всяческому застою, регламентации мышления и полированию человеческой личности» (Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Избр. произведения: В 2 т. Л., 1957. Т. 1. С. 5—6). В письме к учёному поэт заметил, что тот удачно выразил его, пастернаковские, мысли, владевшие им ещё со времени «Сестры».

Идеи личной и творческой свободы были характерны и для Байрона.

Эдгар По, как и Лермонтов, упоминается в «Сестре» неод-

нократно. В первых редакциях эта книга стихов должна была открываться эпиграфом из стихотворения американского поэта «To Helen» — «Елене». Эдгар По, обращаясь к «милой», тоже уничтожал границы времени, не замечая тысячелетий: её красота вернула поэта «домой» — к славе древней Греции и величию Рима. «Елене» носит название и одно из произведений, входящих в сборник «Сестра моя — жизнь».

Для Пастернака радость творчества не пропадает и тогда, когда речь идёт о трагическом: о «бедствиях», об «аде».

Кроме «друзей»-книг с ним, уже не мысленно, а явно, возлюбленная, которая «проторила тропку» к его двери — «дыре, засыпанной крупой» — снегом. Ей — свидетелю всех «чуждачеств, бедствий и замет» — тоже откроется нечто важное, когда «гал-чонком глянет Рождество».

Творчество невозможно без любви. К единственной «милой», к «милым» — детворе, главным участникам рождественских праздников, ко всем людям.

Когда ты с друзьями, с дорогой подругой и стихами, сверкающими «стеклом и солнцем», ты уже не замечаешь ни сырых углов, ни чердачного помещения, ни ежедневных серых неурядиц.

Ты счастлив!

А про счастливых было сказано сто лет назад до появления «Этих стихов». Сказано А. С. Грибоедовым в его комедии «Горе от ума»:

Счастливые часов не наблюдают.

Эти слова давно уже оставили свой контекст и автора и превратились в поговорку.

Знаменитая фраза Пастернака — по существу развёрнутая метафора-гипербола к этому афоризму. Счастливые не замечают часов... А очень счастливые, очень-очень? Те не замечают тысячелетий.

Так, используя образную основу литературного афоризма, уже вошедшего в народную бесписьменную традицию, Борис Леонидович Пастернак создал свой вариант, который, кажется, тоже уйдёт в фольклор.

*«Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня!»,
или
Куда могут завести учёного
поиски подтекста*

А. Е. КРЫЛОВ

Магнитная плёнка хранит несколько рассказов Владимира Семёновича Высоцкого о случае, произошедшем с ним на одном из гастрольных концертов. Суть его в следующем. После выступления к автору подошёл незнакомый человек и начал благодарить за песню «Письмо к другу, или Зарисовка о Париже» с рефреном:

...Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны — как в бане пассатижи,

и далее, в другом припеве —

Нужны — как русской бане лыжи!

«Я знаю, ни про какой это ~~про Париж,~~ а про Иркутск.

Здорово ты про нашу баню написал!— восторгался зритель на полном серьёзе.— У нас там гвоздей полно и холодно». Дескать, и пассатижи и лыжи — в самый раз.

Так вот, мне всегда казалось, что Высоцкий эту ситуацию придумал, в крайнем случае — сильно преувеличил. Для увеселения публики. Теперь уверен точно, что нет. Было.

Единственный способ всерьёз прокомментировать представленный в редакцию «Русской речи» текст — предоставить слово самому поэту:

«...Как люди поняли — это, конечно, в меру образованности. И некоторые иногда попадают в точку, иногда — рядом. И я как раз больше люблю, когда рядом: значит, было что-то, на что даже я не обратил особого внимания. Ведь если б мы *всё* имели в виду, когда пишем, это было бы ужасно: тогда бы мы ничего просто вообще не написали ... Это — *вы* находите... Поэтому, когда люди видят в моих песнях что-то ещё — близкое той проблеме, которую я трогаю, — я очень счастлив. Но иногда — они не попадают совсем» (*Из выступления в Институте Курчатова, 1979 год*).

Будет уместным также вспомнить ещё одну песню тридцатитрёхлетнего Высоцкого, написанную «для себя» и не исполнявшуюся никогда в концертах.

Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь, —
А что имел в виду — то написал, —
Вот — вывернул карманы — убедитесь!

От себя добавлю, что слово *постен* всё же есть в словаре В. И. Даля, только искать его надо на букву «д»: «Домовой м. домовик, дедушка, постѣн, постень...» (М., 1978. Т. I. С. 466).

Р. С. Ещё раз перечитал статью «Смотрины», вспомнил честную, прямую песню Александра Галича «Памяти Пастернака» (1966) и ужаснулся, представив на секунду, что «добытое» (по выражению И. Е. Намакштанской) и «расшифрованное» оказалось бы верным. Как чудовищно обеднело бы стихотворение, которое художник Михаил Златковский назвал «самой русской песней Высоцкого»! Но, слава Богу, представил лишь на секунду.

«Смотрины» В. Высоцкого и «Свадьба» Б. Пастернака

И. Е. НАМАКШТАНСКАЯ,
кандидат филологических наук

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *смотрины* толкуется как «старинный русский бытовой обряд знакомства жениха и его родственников с невестой». Следовательно, услышав ранее или прочитав в оглавлении недавно изданного двухтомника произведений Владимира Высоцкого название песни «Смотрины» (Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 438—440), мы ожидаем встречу именно с такой сюжетной ситуацией. И действительно:

Там у соседа мясо в щак —
На всю деревню хруст в хрящах,
И дочь — невеста, вся в прыщах, —
Дозрела, значит.
Смотрины, стало быть, у них —
На сто рублей гостей одних,
И даже тощенький жених
Поёт и скачет.

Всё вроде бы понятно, хотя сразу же возникает масса вопросов: почему в первой строфе, где тоже описывается начало праздника, ничего не говорится о смотринах? Почему поэт в первой строфе гостей характеризует как «гость — солидный, налитой», а в третьей оценивает их количество ста рублями? Почему в начале песни — «пир горой», а дальше — «мясо в щак — / На всю деревню хруст в хрящах»?

Поиск ответов на эти и многие другие вопросы, как, например, почему так настойчиво поэт упоминает печь («И с тягой ладится в печи, / И с поддувалом». «То печь чадит от нехорошей тяги...», «И печка — в синих изразцах / И с поддувалом»), привёл нас к мысли о том, что в песне, построенной на контрасте благополучия соседа и жизненных неурядиц и неудач главного персонажа, существует три плана: описание какого-то праздника у одного соседа (1, часть 5-й и 15 строфы), смотрин — у второго (3, 7, 8, 9, 11, 12, 13 строфы), «сплошных передёрг» — у главного героя, сравнивающего свою жизнь с жизнью соседей и сетующего на свою судьбу (2-я, 4-я, вторая часть 5-й, 6-я, конец 7-й, 10-я, 14-я, 16-я строфы).

Лексический и семантический анализ каждой из названных

частей песни привёл нас к следующему, несколько неожиданному, на первый взгляд, выводу: *в подтексте своей песни Владимир Высоцкий изобразил события, развернувшиеся вокруг Бориса Пастернака после присуждения ему в 1958 году Нобелевской премии.*

Теперь о том, какие сигналы имеются в тексте на данное содержание подтекста.

Прежде всего о фонетических созвучиях. Думается, что слово *передраги* содержит намёк на *Переделкино*, где жил Б. Пастернак, сочетание *хруст* в *хрящах* — созвучно с фамилией *Хрущёв*, в обращении *паскуда* можно обнаружить части двух слов: *Пастернак* — *иуда*, которыми «награждался» поэт в период кампаний против него.

Используя семантические, сочетаемостные и идиоматические потенции слов, поэт создаёт смысловую гамму, из которой приходится буквально добывать заложенную, а точнее, закодированную им мысль.

Вернёмся ещё раз к первой строфе. На наш взгляд, она, как и пятнадцатая и первые четыре строки пятой строфы, посвящена Швеции, причём, в первых двух названных строфах (1-й и 5-й), даётся описание банкета, посвящённого лауреатам Нобелевской премии, а в последней (15-й) — *спокойный и обеспеченный быт «печки в синих изразцах», то есть Швеции, где*

Наутро там всегда покой,
И хлебный мякиш за щекой,
И без похмелья перепой,
Еды навалом,
Никто не лается в сердцах,
Собачка мается в сенцах,
И печка — в синих изразцах
И с поддувалом.

Но почему поэт выбрал такой символ для государства? Думается, что он сделал это, исходя из исконного значения печи в славянской традиции и особого отношения к ней, ведь печь была показателем благополучия и трудолюбия хозяев дома. Её обожествляли, украшали, даже ублажали за то, что согревала, кормила, хранила огонь и помогала избавляться от недугов. Но почему в песне печка именно «в синих изразцах»? Скорее всего, это намёк на обилие озёр в Швеции.

А вот у главного героя «печь чадит от нехорошей тяги», значит, у него нет такого благополучия, как у первого названного соседа. Упоминание огорода можно понимать и как намёк на фамилию Пастернака, ведь пастернак — это огородное растение, и как намёк на то, что поэт любил работать и много работал

в огороде. В четвёртой строке сконцентрирована информация о начале «нобелевских неприятностей»:

А у меня цепные псы взбесились —
Среди ночи с лая перешли на вой...

Думается, никому не надо объяснять, что значит ночной вой собак для сельского жителя. Именно этой народной приметой и воспользовался Высоцкий — собаки воют не к добру, а ночной вой предупреждает о предстоящей опасности.

Что касается содержания пятой строфы, то здесь мы прежде всего хотели бы начать с того, чтобы снять с поэта обвинение в том, что он неправильно употребил словосочетание «гусей некормленных *косях*» (Новиков В. И. В Союзе писателей не состоял. М., 1990. С. 122). Дело в том, что Высоцкий настолько хорошо владел русским языком, что зачастую не только использовал различные лексические значения, но играл на отдельных смысловых полутонах и нюансах. И в данном случае «дело даже не в гусях», а в неприятностях, которые *пошли* у Б. Пастернака *косяком*.

А дальше, как говорится, больше:

Тут у меня постены появились ...

Слова *постены* нет в словарях. Это неологизм поэта, значение которого в книге «Я, конечно, вернусь...» (М., 1988. С. 305) интерпретируется как «домовые», а Вл. Новиков раскрывает его как «тараканы» (Новиков В. И. В Союзе писателей не состоял. С. 124). Мы предлагаем третий вариант интерпретации этого слова, а именно: *постены* — это посетители из-за рубежа (журналисты и те, кто хотел пообщаться с новым лауреатом Нобелевской премии), которые буквально атаковали Пастернака и об ограничении приёма которых поэт был предупреждён (Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы к биографии. М., 1989. С. 652). Поэтому в следующей строке фраза имеет такое продолжение:

Я их гоню и так и сяк — они опять ...

В 7—13 строфах содержится описание реакции официальных и писательских кругов на Нобелевскую премию Пастернака.

Сосед малёночка прислал —
Он от щедрот меня позвал,—
Ну, я, понятно, отказал,
А он — сначала.
Должно, литровую огрел —
Ну и, конечно, подобрел ...
И я пошёл — попил, поел,—
Не полегчало.

Известно, что Пастернака вызывали в разные инстанции для объяснений по поводу выхода в свет «Доктора Живаго» за рубежом.

Девятая строфа описывает позицию Н. С. Хрущёва в «деле» Пастернака:

Сосед орёт, что он — народ,
Что основной закон блюдёт:
Что — кто не ест, тот и не пьёт,—
И выпил, кстати.
Все сразу повскакали с мест,
Но тут малец с поправкой влез:
«Кто не работает — не ест,—
Ты спутал, батя!»

Остановимся подробнее на лексико-семантическом анализе содержания тринадцатой строфы. В ней рассказывается о расширенном заседании секретариата Союза писателей, которое состоялось 27 октября 1958 года и на котором Б. Пастернак был исключён из членов Союза писателей. Итак, начнём с самой первой строки:

Потом у них была уха ...

Здесь, как и в анализируемом нами ранее примере со словом *косяк*, В. Высоцкий эксплицирует только одну часть идиомы, оставляя за нами право домысливать остальное. Итак, мы считаем, что в данном случае подразумевается крыловская *демыанова уха*, помогающая поэту передать информацию о том, что повестка дня была навязана заседанию. Следующая строка

И заливные *потроха*

построена таким же образом экспликации части идиомы, на этот раз — «съесть кого-то с потрохами», подразумевающей исключение Пастернака из членов Союза писателей.

О том, как проходило обсуждение «Доктора Живаго», закодированного в песне в образе жениха, рассказано в следующих двух строках:

Потом поймали жениха.
И долго били...

Строка «Потом пошли плясать в избе» также спроецирована на поговорку «Плясать под чужую дудку» и содержит информацию о направленности выступлений на заседании, закончившемся тем, что его участники «всё хорошее в себе доистребили».

Далее рассказывается о переживаниях главного героя, где Высоцкий даёт намёк и на существующие фотопортреты Пас-

тернака, на которых он «набычась, а потом и подбочась». Хотя намёк можно понимать и в смысле: сначала обидевшись, а потом и ополчившись на оппонентов. Но мы всё-таки придерживаемся первой версии. А дальнейшие размышления

И думал я: а с кем я завтра выпью
Из тех, с которыми я пью сейчас?!

напоминают нам о том, что среди обвинителей Пастернака было много его добрых знакомых и приятелей.

И в конце песни, не изменяя себе, Высоцкий использует часть устойчивого сочетания *«Душа горит от обиды»* и намёки на идиомы *«Хлебнуть горя»*, *«Расхлёбывать кашу»* и *«Окатить холодной водой»* (как известно, колодезная вода очень холодная):

А у меня — и в ясную погоду
Хмарь на душе, которая горит,—
Хлебаю я колодезную воду,
Чиню гармошку, и жена корит.

В заключение надо отметить, что данная песня, написанная В. Высоцким в 1973 году и в первом варианте имеющая название *«Свадьба»*, текстуально (не по подтексту) очень сильно контрастно перекликается со стихотворением Б. Пастернака *«Свадьба»*, давшим толчок для поиска подтекста в песне В. Высоцкого.

Хотелось бы выразить благодарность сотрудникам института славянских и балтийских языков Стокгольмского университета Наталье Галацки, Михаилу Сафонову и доценту П.-А. Будину за помощь и доброжелательное участие в обсуждении материала статьи.

Надеемся, что данным исследованием нам удалось приоткрыть ещё одну страницу творчества великого русского поэта Владимира Высоцкого.

Стокгольм, Швеция

От «Смотрин» и «Свадьбы» к «Разводу» мнений...

В практике академического издания, каким является «Русская речь», есть несколько способов общения с авторами статей, вызывающих несогласие по существу затронутых проблем, языку изложения. Нет нужды их все перечислять. Но вот лишь некоторые, пригодные в случае со статьёй И. Е. Намакштанской «Смотрины»: вернуть рукопись автору вместе с любезным, но категорическим отказом; опираясь на мнения высокоавторитетных рецензентов,

специалистов по творчеству В. Высоцкого и Б. Пастернака, высказать редакторские претензии к тексту рукописи и предложить, если будет на то согласие автора, коренным образом этот текст переосмыслить. Однако было решено печатать статью Инны Егоровны Намакштанской, в течение пяти лет работавшей по контракту в Швеции, в первозданном виде, без каких-либо изъятий, поправок, с сохранением авторской стилистики, также вызывающей — и тут мы уверены в поддержке наших постоянных читателей — серьёзные нарекания. Среди тех, к кому в пору сомнений и раздумий пришлось обратиться, был текстолог Андрей Евгеньевич Крылов, составитель и комментатор двухтомника Владимира Высоцкого, на который ссылается автор «Смотрин». Его небольшую заметку, не вполне выдержанную в академическом тоне, но исполненную искреннего чувства, мы и печатаем следом, полагаясь на филологическое чутьё доброжелательных читателей, ревнителей русского языка и здравого смысла.

Ю. И. Семикоз

ИВАН КОНЕВСКОЙ

Настоящая фамилия Ивана Ивановича Коневского (1877—1901) — Ореус. Он принадлежал к старинной дворянской военной семье, выходцев из Швеции. Отец его был генералом, военным историком. Будущий поэт родился в Петербурге, получил хорошее домашнее образование, поступил сразу в третий класс гимназии, после которой в 1897 году стал студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. Рано познакомился с новейшими течениями западноевропейской литературы и философии. Переводил Верхарна, Анри де Ренье, Метерлинка, Ницше. В 1897—1898 годах совершил два путешествия в Западную Европу. В это же время постепенно вошел в петербургские литературные круги, стал бывать у Фёдора Сологуба. У него Коневской встретился с Валерием Брюсовым, гостившим тогда в Петербурге. Молодые поэты подружились. Брюсов привлёк Коневского к сотрудничеству в московском символистском издательстве «Скорпион». Первое своё стихотворение (сонет «Снаряды», 1896) юноша опубликовал под псевдонимом, образованным от названия монастыря на острове Ладожского озера.

В 1900 году Иван Коневской на собственные средства издал сборник стихов «Мечты и думы». Писал философские эссе и статьи о западноевропейской живописи. Выступал с критическими работами, защищая позиции молодых символистов. Однако поэзия Коневского, вливаясь в русло символизма, была лишена налёта экзотики или формальных экспериментов, характерных для раннего Брюсова и его соратников: она была архаизированной по стилю и вся погружена в философские раздумья. Страстное стремление проникнуть в тайны бытия, воспеть любовь как веянье горнего мира ставят стихи Коневского в некую связь с предшествующей ему поэзией Вл. Соловьева и более поздней — раннего Блока. В 1900 году написал небольшое исследование «Мистическое чувство в русской лирике», в котором выдвигал на первый план фигуру Тютчева. Ощущение одухотворённости земного бытия, восприятие природы как мирового организма, пронизанного присутствием божества, — существеннейшие черты стихотворений Коневского. В его стихах звучит мотив единения, слияния с миром, — того состояния, которое он называл «целомудрием». Задетый мистическими веяниями и влиянием Ницше, Коневской искал абсолютной свободы духа — свободы от оков

истории, человеческой плоти, от уз вещной природы. Поэт раздумывал и о возможности иных, неведомых нам форм жизни. Брюсов писал о Коневском в очерке «Мудрое дитя»: «Он усмотрел рабство и бессилие человека не в условностях общежития, а в тех изначально навязанных нам отношениях к внешнему миру, с которыми мы приходим в бытие: в силе наследственности, в законах восприятия и мышления, в зависимости духа от тела». Всё это не мешало, а сопутствовало Коневскому в его преклонении перед животворящей силой природы.

Иван Коневской одним из первых среди русских символистов развивал учение о слове как символе, как своеобразном магическом мосте, связывающем нас с трансцендентным, запредельным миром. Стих Коневского — негладкий, с обильными вкраплениями славянизмов, далёкий от разговорной речи, с непростыми синтаксическими построениями. Поэзию Коневской рассматривал как средство философского постижения мира и старался возможно точнее выражать мысль, а напевный стих некоторых символистов — и прежде всего стих Бальмонта — отвергал. Брюсов отмечал, что не только в стихах, но и в прозе, и в письмах, и в обыденной беседе Коневской «употреблял один и тот же язык, в котором точности и остроте выражений решительно приносились в жертву легкодоступность и плавность речи». Архаический колорит стихотворных строк Коневского как бы открывал дорогу стилистике (вместе с философическими устремлениями) Вячеслава Иванова, Юргиса Балтрушайтиса, Юрия Верховского.

Будучи крайне застенчивым и замкнутым, в беседах Коневской проявлял самоуверенность, держался доктринёрского, учительского тона. Как замечал в своих мемуарах П. П. Перцов, поэт своим духовным обликом напоминал Кириллова в «Бесах» Достоевского.

По окончании университета Коневской отправился в путешествие по северо-западу России. 8 июля 1901 года он выехал поездом из Риги. Обнаружив, что он оставил паспорт в гостинице, Коневской на станции Зегевольд (Сигулда) сошёл с поезда, чтобы со встречным поездом вернуться в город. Стояла жаркая погода, и он решил искупаться. В омуты реки Аа Коневской утонул. Ему было тогда всего двадцать три года. Тело его не сразу было найдено и опознано. Местный пастор похоронил его близ Зегевольда среди леса (православного кладбища в тех местах не оказалось); впоследствии прах поэта был перевезён в Петербург.

Всё, что составляет литературное наследие Коневского, можно рассматривать как *juvenilia*, как юношеские опыты. Тем не менее Брюсов считал поэзию Коневского «одной из замечательнейших на рубеже столетий». Ревностными стараниями Брюсова было издано посмертное собрание сочинений И. Коневского («Стихи

и проза», 1904). Обрело известность прочувствованное стихотворение Брюсова «На могиле Ивана Коневского» (1911). Имя погибшего юноши-поэта на время стало своего рода легендой символизма, лесная могила Коневского была местом паломничества, хотя позднее интерес к его творчеству заглох.

Характеризуя личность Ивана Коневского, Брюсов писал: «...всматриваясь в его духовное существо, в это странное сочетание житейской неопытности с громадным запасом познаний, детского любопытства к жизни с глубиной суждений и речей, я и тогда не мог найти выражения, которое лучше передало бы моё впечатление, как слова: мудрое дитя».

Н. В. Банников

ДО И ПОСЛЕ

За что люблю я с детства жизнь и землю?
За то, что всё в ней тайной веселит,
За то, что всюду вещему я внемлю —
Ничто не дарует, но всё сулит.

Когда крутым крушеньем удручённый
В погоне за надменной мечтой,
Спустился в сумрак жизни обыдённой
Вниз по ступеням лестницы витой,—

В безвестной тишине я буду весел,
Скользнув в укромно-милую мне клеть:
Косящата окна я не завесил,
И думно буду духом я светлеть.

Видны мне из окна небес просторы,
Волнистая вся область облаков —
Увалы млечные, седые горы,
И тающие глыбы ледников.

И, рассекая ласковые пены,
Как целой тверди безмятежный взор,
Сияют во красе своей нетленной
Струи небесных голубых озер...

24 апреля 1898

ПРИПЕВ

А земля идёт, и солнце светит,
То скупясь, то щедрясь на тепло.
Кто заветный ход вещей отметит,
Кто поймёт, откуда всё пришло?

И в реках струи живые стынут,
И в реках же тает нежный лёд.
Кто те люди, что перстом нас двинут —
И ускорен будет вечный ход?

Тут — зима, а там — вся нега лета.
Здесь иссякло всё, там — сочный плод.
Как собрать в одно все части света?
Что свершить, чтоб не дробился год?

Не хочу я дольше ждать зимою,
Ждать с тоской, чтоб родилась весна,
Летом жить лишь с той мольбой немою,
Чтоб была и осень суждена.

Не хочу, томлюся, и живу я,
И живу я всё ж, надеюсь, век,
И, вздыхая, жизни не порву я:
Плачь, а втайне тешься, человек!

31 января 1899
Петербург

ОЗЕРО

Дева пустынной изложины,
Лебедь высот голубых,
Озеро! ввек не встревожено
Дремлешь ты: праздник твой тих.

Тих он и ясен, как утренний
Свет вечно юного дня:
Столько в нём радости внутренней,
Чистого столько огня!

Ласково духа касаются
Влаг этих млечных струи.
Небо свежо улыбается:
Нега — и в беге ладьи...

ЗИМНИЙ ГОЛОС

О старость могучая круглого года,
Тебя я приветствую вновь.
Я юн, как мечта, и я стар, как природа,
Хранитель событий и снов.

Так радостно осени ветры свистали,
Носясь по жнивьям, зеленым,
И столько безумных дождей наметали,
Рыдая по сгубленным дням.

Великому жизнь обрелась запустенью,
И ждал обездоленный мир:
Ужели же смерти не минуть растенью,
И край навсегда уже сир?

И ветры с неведомых стран налетели
Под вечер промокшего дня,
И росы хрустальные к утру осели,
Таинственный холод храня.

Так славлю я снова священные зимы.
Пусть греются зёрна, что грезят в земле,
И мыслей посев дальновидный, озимый,
Медлительно всходит в челе!

ТИХИЙ ДОЖДЬ

О дождь, о чистая небесная вода,
Тебе сотку я песнь из серебристых нитей.
Грустна твоя душа, грустна и молодая.
Теченья твоего бессменна череда,
И сходишь на меня ты, как роса наитий.

Русская речь у микрофона

Продолжая актуальную тему о культуре речи, звучащей по радио и телевидению (см.: Русская речь. 1995, № 1), мы попросили кандидата филологических наук, одного из авторов «Словаря ударений русского языка» (1993) Ф. Л. АГЕЕНКО рассказать о задачах, принципах организации и составе Словаря, а также поделиться опытом, накопленным за годы работы в качестве редактора-консультанта в дикторских группах радио, телевидения и в Информационном Телевизионном Агентстве.

Наверное, никогда проблема произносительной нормы не имела той остроты, которую она приобрела в последние годы.

Современные литературные нормы испытывают большие колебания. Можно даже говорить о процессах их расшатывания. Поэтому вопрос о правильности и чистоте речи профессиональных работников телевидения и радио (дикторов, ведущих, журналистов, корреспондентов и т. д.), призванных нести высокую культуру речи в массы, является весьма актуальным.

Сейчас наступил новый этап развития телевидения и радио. Изменился характер теле- и радиовещания. Появилось много передач с прямым эфиром. Значительно расширился круг лиц, допущенных к микрофону, что само по себе является прогрессивной тенденцией. В этом проявляется одна из важнейших черт нашего времени — демократизация общения.

Однако этот процесс имеет и свои издержки. Наблюдается снижение культуры речи лиц, выступающих в эфире. Раньше эталоном литературного произношения была речь дикторов. Сейчас их место заняли журналисты и ведущие. Конечно, толковые журналисты привносят в передачу черты своей индивидуальности, свое отношение к проблеме, и это весьма ценно. Среди них есть немало одаренных людей, внимательно относящихся к слову.

Но есть и такие, для которых принцип строгого соблюдения норм литературного ударения и произношения, бережного отношения к языку отодвигается на второй план. Поэтому, наблюдая за речью профессиональных работников телевидения и радио, мы в ряде случаев отмечаем отклонения от норм орфоэпии.

Приведем некоторые из них: кредиторская задолженность, противоборствующие лагеря, стóрицей (воздать), уставной капитал, чиня́т препятствия, це́новая политика, языко́вые меньшинства и т. п. В некоторых словах иноязычного происхождения наблюдаются неоправданные наращивания согласных: инциНдент, беспрецеНден-тный, констаНтировать, дермаНтин, желаНтин, эКскорт вместо *инцидент, беспрецедентный, констатировать, дерматин, желатин, эскорт*.

Произношение согласных перед *е* в заимствованных словах является одним из наиболее актуальных вопросов нормализации. Большинство слов иноязычного происхождения, прочно вошедших в лексику русского языка, произносятся в соответствии с нормами русской орфоэпии, т. е. со смягчением согласного перед *е*, например: бе(р')ет, брю(н')ет, (д')емократия, (д')емон, комп(р')есс, компе(т')енция, клар(н')ет, марки(з')ет, па(т')ент, му(з')ей, п(р')есс-конференция, и т. д., а не бе(рэ)т, брю(нэ)т, (дэ)мократия, (дэ)мон, комп(рэ)сс, компе(тэ)нция, клар(нэ)т, марки(зэ)т, па(тэ)нт, му(зэ)й, п(рэ)сса, п(рэ)сс-конференция. Однако иногда некоторые из этих слов произносятся выступающими на ТВ и радио с твердыми согласными, хотя это не соответствует литературной норме.

Вместе с тем некоторые заимствованные слова, относящиеся к специальной терминологии, следует произносить с твердыми согласными перед *е*: биз(нэ)с, (дэтэ)ктив, ин(дэ)кс, компью(тэ)р, кон(дэ)нсат, конфи(дэ)нциальный, кор(тэ)ж, (тэ)нденция, экс-тра(сэ)нс, ост(э)охондроз, ид(э)нтичный, ад(э)кватный и др. Встречающееся смягчение согласных в указанных случаях вызвано неоправданной русификацией заимствованной терминологической лексики.

Отмечаются колебания при произношении прилагательного *кредиторский*. Иногда произносят: «кредіторская задолженность». Но от слова *кредит* образуется прилагательное *кредитный*, а от слова *кредитор* — *кредиторский*. Значит — *кредиторская задолженность*.

Что касается слова *лагерь*, то в зависимости от значения оно имеет разные формы им. пад. мн. числа. Если имеется в виду военный, спортивный лагерь, используется вариант *лагеря*. Когда речь идет об общественно-политической группировке, течении, направлении, то употребляется форма *лагери*: *противоборствующие лагери*.

Распространенной ошибкой является произношение наречия *сторицей* (*сторицею*) с ударением на 1-м слоге — «сто́рицей». Оно употребляется с глаголами *дать*, *воздать*, *получить*, *окупиться*. Это устаревшее и книжное слово, но оно встречается в текстах теле- и радиопередач и означает «во много раз больше» (буквально — в сто раз больше. Прилагательное *сто́ричный*, сейчас малоупотребительное, — это сто раз повторенный).

Некоторые выступающие произносят «уставно́й капитал», не учитывая, что прилагательное от слова *устав* — *уста́вный*, а не *уставно́й*.

Иногда забывают, что глагол *чинить* в зависимости от значения имеет разные акцентные варианты: *чи́нить*, *чи́нишь*, *чи́нит* (исправлять, заострять) — обувь, одежду, карандаш; *чини́шь*, *чини́т* (устраивать, совершать) — препятствия, суд, расправу. В речи же некоторых выступающих звучит: «чи́нят препятствия» вместо *чиня́т препятствия*.

Наблюдается разноречие в употреблении прилагательного от слова *цена*. Говорят «ценова́я» и «це́новая» политика. В соответствии с рекомендациями действующих словарей следует употреблять вариант с конечным ударением: *це́на* — *ценово́й* — *ценова́я* политика (ср.: *сте́на* — *стеново́й*).

В зависимости от значения употребляются разные варианты ударения в прилагательном от слова *язык*: *языково́й* (относящийся к языку в значении «речь») — *языковы́е ошибки*, *языкова́я система*, *языково́е чутье*, *языковы́е меньшинства* и *языко́вый* (относящийся к языку в значении «орган в полости рта») — *языко́вая колбаса*.

Приведем небольшой список и других наиболее распространенных ошибок, встречающихся в эфире:

Произносят:

включи́м приемник

возраста́, возрастóв

возвращение на круги своя́

вруча́т орден

гра́жданство

Следует произносить:

включи́м приемник

(включу́, вступи́шь, вступи́т, вступи́м, вступи́те, вступи́а́т)

мн. ч. во́зрасты, -ов

возвращение на круги сво́я

вруча́т орден

(вручу́, вручи́шь, вручи́т, вручи́м, вручи́те, вруча́т)

гра́жданство

(2,2%) — два и два десятых %	два и две десятых %
(жу)ри	жюри (не жу)
истёкшие сутки	истекшие сутки (но: истёкший кровью)
конкурентноспособный	конкурентоспособный
красивее	красивее (красивый, красив, красива, красиво, красивы, ср. ст. красивее)
недуг	недуг
отключено электричество	отключено электричество (отключённый, отключён, отключена, отключено, отключены)
оторвало плотину	оторвало плотину, (оторвал, оторвала, оторвало, оторвали)
отставка принята	отставка принята (принят, принята, принято, приняты)
пока суть да дело	пока суд да дело
расценено	расценено (расценённый, расценён, расценена, расценено, расценены)
сняты	сняты (снят, снята, снято, сняты)
сорвало переговорный процесс	сорвало... (сорвал, сорвала, сорвало, сорвали)
ценз осёлости	ценз осёлости

Колебания в ударениях встречаются также при употреблении собственных имен.

Произносят:

Бала́шиха

Барбадо́с (государство)

Гора́жде (Босния и

Герцеговина, гор.)

Следует произносить:

Балаши́ха

Барба́дос

Гора́жде

Дю́нкерк (Франция, гор.)	Дюнкёрк
Ката́р (государство)	Ка́тар
Кие́во-Пече́рская лавра	Кие́во-Пече́рская лавра
Кижи́, Кижёй (музей-заповедник деревянного зодчества)	Ки́жи, Ки́жей
Моста́р (Босния и Герцеговина, гор.)	Мо́стар
Реу́тово (Моск. обл.)	Реу́тово
Се́нежское озеро	Сене́жское озеро
Скальфа́ро (Италия, президент)	Ска́льфарио

Ударения в новых собственных именах, появляющихся в практике ТВ и радио, обычно проверяются в соответствующих организациях: в местных комитетах по телевидению и радио, в редакциях иновещания и в посольствах тех или иных государств.

Например, в теле- и радиоэфире по-разному произносят название *Катынь* (под Смоленском) — место массового захоронения советских граждан, жертв репрессий в 1930-х годах; место расстрела польских офицеров органами НКВД в 1940 г.; *Катынский лес*.

В ответе на наш запрос телерадиокомпания «Смоленск» сообщила: «Название *Катынь* (место, поселок, позднее станция) произошло от древнего названия реки *Ка́тынки* и расположенных рядом *Ка́тынских курганов* — *Ка́тынской стоянки*, одной из самых древних на территории Европы...» В Словаре ударений русского языка (1993) приведены именно эти варианты: *Ка́тынь*, *Ка́тынский лес*. Добавим: не следует смешивать эти названия (под Смоленском) с наименованием *Хаты́нь* (в Белоруссии).

Из авторитетных источников мы получили также информацию о том, что имя и фамилия президента Италии произносятся так: *О́скар Луиджи Ска́льфарио*. Ударение в названии города Горажде (Босния и Герцеговина) ставится на 1-м слог — *Го́ражде*.

Разнобой в речи лиц, выступающих в эфире, отмечается не только при употреблении новых имен собственных, фигурирующих в теле- и радиопередачах, неправильно произносят такие общеизвестные названия, как *Ки́жи*, *Киево-Печерская лавра* и т. д.

Как правило, отклонение от норм ударения и произношения в речи комментаторов, ведущих, обозревателей, корреспондентов и др. объясняется прежде всего тем, что они далеко не всегда пользуются словарями русского языка и энциклопедиями.

Существует много современных словарей, которые надо изучать, с которыми надо работать, это «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1993), «Малый толковый словарь русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной (1993), «Орфоэпический словарь русского языка» (авторы: С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова, 1989), «Краткий словарь трудностей» Н. А. Есковой (1994) и др.

В 1993 году вышел в свет «Словарь ударений русского языка», созданный на основе переработанного и дополненного «Словаря ударений для работников радио и телевидения» (авторы: Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва). В данном издании снят подзаголовок «для работников радио и телевидения», этим подчеркнуто, что словарь имеет не узкопрофессиональное значение, а может удовлетворить потребности самых широких кругов населения. Словарь сохраняет основной принцип Словаря ударений для работников радио и телевидения и дает, как правило, рекомендации безвариантного литературного произношения и ударения для устранения разнобоя и обеспечения единообразия звучащей радио- и телевизионной речи. Выбор варианта делается в пользу наиболее употребительного в пределах нормы. Например, при наличии вариантов *бредово́й* и *бредо́вый* (Малый толковый словарь, 1993), *ортопе́дия* и *ортопеди́я*, *про́полис* и *пропо́лис* (Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1993), *та́ндем* и *танде́м* (Орфоэпический словарь) Словарь ударений отдает предпочтение наиболее разговорным: *бредо́вый*, *ортопеди́я*, *пропо́лис*, *танде́м*.

В отличие от других словарей русского языка, Словарь, как и прежде, помимо раздела «Имена нарицательные» содержит раздел «Имена собственные».

В раздел «Имена нарицательные» включались слова, вызывающие затруднения в области ударения: *вероиспове́дание*, *опто́вый*, *танцо́вищица*, *фено́мен* и др.; в области произношения: *деви́чник* (шн), *диспансе́р* (сэ), *конё́чно* (шн), *консе́нсус* (сэ), *пра́чечная* (шн), *се́рвис* (сэ), *ску́чно* (шн); и частично словоизменения: *дно*, *дна*, мн. *до́нья*, *до́ньез*, *носо́к*, — *ска́*, род. мн. *носко́в*; *чуло́к*, — *лка́*, мн. *чуло́к*, но: в перен. знач.: *синих чулко́в*; *шофе́р* — *а. мн. шофе́ры*, -ов.

Весьма разнообразно представлен 2-й раздел: «Имена собственные». В него включены разные типы собственных имен по принципу трудности с точки зрения ударения, например, фамилии государственных и политических деятелей: *Ку́чма* *Леони́д*, *Га́ли* *Бу́трос*, *Кара́джич* *Ра́дован*, *Кри́стофер* *Уо́ррен* (рэ) и др.; географические названия: *Бо́стон*, *Кара́кас*, *Ко́рдова*, *Ти́кси*, наименования органов печати: «*Рина́шита*» (Италия), «*Бо́стон гло́б*»

(США), «Файнэншл таймс» (США); названия политических партий, международных концернов, монополий: ИНК [и-эн-ка́] — Индийский национальный конгресс (партия), «Аксель Шпрингер-ферла́г АГ» [сэ, фэ; а-гэ́] (ФРГ, газетно-издательский концерн), «Бивербрук ньюс — пэйперс, лимитед» [пэ, пэ, тэ́] (Великобритания, газетный концерн); названия музыкальных и литературных произведений, литературных персонажей, музыкальных ансамблей, концертных залов, театров, музеев и т. д.: «Альберт-холл» (концертн. зал в Лондоне), Амне́рис[нэ́] (персонаж оперы Верди «Аида»). «А́нджело» (поэма Пушкина, опера Кю́й), «Ви́льям Ра́тклиф» (опера Кю́й), «Герни́ка» (картина Пика́ссо), «Грю́нэс Геве́льбе» [нэ, вэ́] (ФРГ, музей в Дрездене), «Махабха́рата» (инд. нар. эпос), «Метропо́литен-опера» (США, оперный театр), «Рама́яна» (инд. эпос), «Ри́кки э По́вери» (Италия, вокально-инструмент. ансамбль) и т. д.

Помимо информации об ударении даются сведения о произношении (Брехт Бе́ртольт [рэ́], Гобсе́к [сэ́], Дю́рер А́льбрехт [рэ, рэ́] и частично о словоизменении: Бандро́вска-Ту́рска—Бандро́вской-Ту́рской; Ба́нска-Би́стрица, -ы; Мазу́рок Ю́рий, Мазу́рка Ю́рия и др.). Попутно отметим, что проблема словоизменения имен собственных весьма актуальна в практике ТВ и радио, но основная задача нашего Словаря — дать сведения об ударении. Поэтому информация о словоизменении приводится частично, для трудных случаев.

Нас часто спрашивают — какими принципами руководствуются авторы Словаря ударений при выборе варианта ударения в собственных именах. Постараемся ответить на этот вопрос на примере русских фамилий и фамилий иноязычного происхождения, принадлежащих русским.

Прежде всего следует обратить внимание, как произносят или произносили свои фамилии сами их носители. Также изучаются документальные данные и свидетельства современников.

В радио- и телепередачах иногда можно услышать, как одни и те же фамилии произносятся по-разному: Бальмо́нт и Ба́льмонт, Дежнёв и Де́жнев, Капи́ца и Ка́пица, Петро́в-Соко́лов и Петро́в-Соколов, Ско́рина и Ско́рина, Ро́занов и Роза́нов, Телешов и Телешо́в, Э́фрос и Эфрос и др.

Фамилия известного русского землепроходца — *Дежнёв*. Именно так произносил свою фамилию сам ее носитель, хотя нередко в речи выступающих можно услышать: Де́жнев. Фамилия происходит от слова *дежёнъ*, *дежня́* «квашеное молоко, либо творог с толокном» (см. Словарь В. И. Даля). Есть мыс Дежнёва,

есть также проезд Дежнёва в Москве. А вот внешне похожая фамилия *Лежнев* произносится с ударением на 1-м слоге: *Ле́жнев* (от слова *лёжень*, *лёжня* — лежащее бревно).

Постоянно колеблется в употреблении фамилия известного русского писателя Николая Телешова. Нередко можно услышать — Телешо́в, что не соответствует желанию самого носителя фамилии. Кстати, сейчас изменилось написание фамилии у его внука. Он — Владимир Андреевич Тёлешев.

Фамилия ученых-физиков Петра Леонидовича и Сергея Петровича Капица произносится с ударением на среднем слоге: *Капи́ца*. Так же произносит свою фамилию и известный ученый-географ Андрей Петрович Капи́ца, брат Сергея Петровича, но есть писатель — Пётр Иосифович Ка́пица.

Иногда встречается неточное ударение в фамилии известного режиссера Анатолия Эфроса. Нередко даже актеры произносят Эфрoс вместо правильного Эфрос. А фамилию Николая Эфроса, театрального критика, историка театра, журналиста, следует произносить с ударением на последнем слоге — Эфрoс.

Нам иногда задают вопрос — всегда ли рекомендации Словаря ударений совпадают с предписаниями Большого Энциклопедического Словаря?

Как правило, совпадают, за исключением отдельных случаев. Иногда обнаруживается, что носитель фамилии произносит ее не так, как указано в БЭС. Например, известный академик ученый-физико-химик называет себя Петряно́в-Соколо́в, а БЭС дает Петря́нов-Соколо́в. В одной из радиопередач ученый попросил ведущего исправить ошибку и отныне произносить его фамилию правильно — Петряно́в-Соколо́в. Так она приводится и в Словаре ударений.

По-разному произносят фамилию известного русского писателя Василия Розанова. Иногда ставят ударение на среднем слоге (*Роза́нов*), хотя в соответствии с литературной традицией следует произносить эту фамилию с ударением на 1-м слоге: *Ро́занов*. Так же произносится фамилия известного хирурга Владимира Ро́занова и литературоведов братьев Ивана и Матвея Ро́зановых. Их фамилии также приводятся в Словаре ударений.

Иногда неправильно произносят фамилию белорусского первопечатника и просветителя, который впервые в переводе на славянский язык выпустил «Псалтырь» и 20 книг Библии, а также основал в Вильнюсе первую типографию. Это — Франциск Скори́на, а не Ско́рина, как его называют некоторые выступающие, да к тому же не склоняют фамилию. Но в соответствии с правилами, женские и мужские имена и фамилии, оканчивающиеся

на -а неударное, склоняются, ср.: До́га, -и, Гло́ба, -ы, Ло́рка, -и, То́ма, -ы, Фонда, -ы и др., так же Скори́на, -ы.

Представляет интерес фамилия Михалков. По свидетельству известного российского актера, режиссера, сценариста Никиты Сергеевича Михалкова, род Михалковых берет начало из Литвы, он внесен в книгу дворянства. Представители этого рода когда-то называли себя Миха́лковы. Но в разные периоды нашей истории принадлежность к дворянству оценивалась по-разному, поэтому известные носители этой фамилии стали называть себя Михалко́вы, чтобы не подчеркивать дворянского происхождения.

Отмечается разноречие в постановке ударения в фамилии русского поэта Константина Бальмонта. Существуют разные точки зрения по поводу ударения в этой фамилии. Выдающийся ученый-языковед В. В. Виноградов, по свидетельству его учеников, например, доктора филологических наук Л. К. Граудиной, произносил фамилию поэта с конечным ударением. Исследователи творчества поэта научные сотрудники Института мировой литературы также отдают предпочтение варианту Бальмо́нт. Этот вариант принят в широких литературных кругах. В книге А. В. Суперанской «Ударение в собственных именах в современном русском языке» (М., 1960. С. 153) читаем: «Современники произносили его фамилию Бальмо́нт, что, видимо, соответствовало и его собственному произношению. Только Бальмо́нт, бальмо́нтовский встретилось нам в поэзии (И. Бунин, Саша Че́рный, И. Сельвинский, В. Маяковский, И. Анненский и др.)». Саше Че́рному принадлежат такие строки: «Еда не майский горизонт и не лобзание русалки, но без нее и сам Бальмонт в неделю станет тоньше палки» (стихотворение «Оазис»).

Более того, дочь поэта Нина Константиновна Бруни-Бальмонт, участвовавшая в радиопередаче, посвященной поэту, просила передать дикторам просьбу отца — произносить его фамилию с конечным ударением: Бальмо́нт. Сама она, по свидетельству современников, в частности, академика доктора исторических наук Бонгарда-Левина (кстати, ученый произносит свою фамилию Бонга́рд-Левин по фамилии матери Бонга́рд, французского происхождения), лично знавшего ее, произносила свою фамилию: Бру́ни-Бальмо́нт.

Это устная традиция. Проследим, какой вариант закрепился в письменной традиции. Как решают этот вопрос энциклопедии?

Малая Советская Энциклопедия (1958), Краткая литературная энциклопедия (1962), Большая Советская Энциклопедия (3-е издание) (1970), Лермонтовская энциклопедия (1981), Советский Энциклопедический Словарь (5 изданий с 1979 по 1989) — все они приводят вариант с конечным ударением — Бальмо́нт.

Но в биографическом словаре «Русские писатели» (1989) под ред. П. А. Николаева и в Большом Энциклопедическом Словаре (1993) дается вариант — Бальмонт. Ссылаются на письмо поэта В. В. Обольянинову, где отмечается литовское происхождение фамилии и ставится ударение на 1-м слоге.

Однако есть и другие данные. Марина Цветаева, например, которая была другом поэта, в своей книге «Проза», изданной в 1969 г. в Нидерландах (Letchworth, Hertfordshire), делает сноску к фамилии Бальмонт: «Прошу читателя, согласно носителю, произносить с ударением на конце». Более того, на следующей странице М. Цветаева снова над фамилией Бальмонт ставит ударение — Бальмо́нт.

Известный специалист в области собственных имен доктор филологических наук Л. П. Калакуцкая в своей книге «Фамилии. Имена. Отчества» (М., 1994. С. 8) также отдала предпочтение варианту Бальмо́нт: «Совершенно справедливо замечание М. Цветаевой, сделанное ею по поводу фамилии поэта Бальмонта, которую весьма часто можно слышать с ударением на 1-м слоге».

Показательно, что в биобиблиографическом «Словаре русских писателей» (М., Просвещение, 1990. Т. I. С. 57) под ред. Николаева П. А. ударение в фамилии поэта приводится на последнем слоге: Бальмо́нт.

«Словарь ударений русского языка» (1993), учитывая многолетнюю литературную традицию, также дает вариант — Бальмо́нт.

Мы привели лишь некоторые примеры колебания ударения в русских и частично иноязычных фамилиях, принадлежащих русским, и рассказали о принципах отбора акцентологических вариантов для Словаря ударений русского языка. Но для каждого типа собственных имен существуют свои методы отбора вариантов ударения.

«Готовьтесь к речи с пером в руке»

Н. Н. КОХТЕВ,

доктор филологических наук

Нужна ли подготовка к публичному выступлению? Нужна. Ведь устное выступление — это путешествие с определенной целью. И его маршрут должен быть нанесен на карту. Тот, кто не знает, куда он идет, обычно приходит неизвестно куда.

Однако подготовка к выступлению бывает различной. Во многом это связано с родом и видом речи. Так, митинговая речь обычно бывает краткой (5—10 минут), зависит от ситуации и может быть произнесена после минимальной подготовки или даже без нее. Так же иногда рождается выступление в прениях на собрании или в парламенте. В некоторых случаях экспромтом произносятся и социально-бытовые речи: приветственные, надгробные, застольные. Но этот «экспромт» относителен: ведь прежде чем произнести такую речь, мы должны отвлечься от всего и хотя бы немного подумать, о чем же мы будем говорить. Считать ли это подготовкой?

В 1928 г. вернулся из Сорренто в Москву М. Горький. Чествовали писателя в Большом театре. Речь о его творчестве должен был произнести А. В. Луначарский, который узнал об этом за сорок минут до начала торжества. На тщательную подготовку просто не было времени. И вот интересно: речь, произнесенная по случаю приезда Горького, — один из самых блестящих образцов ораторского искусства Луначарского. В ней глубоко анализируется творчество писателя, она увлекательна по форме. Что это, импровизация? Когда коллеги, знавшие о внезапности выступления, спрашивали об этом Анатолия Васильевича, он отвечал, пожимая плечами: «Ну какая же импровизация? Ведь сколько я писал о Горьком еще до революции и, разумеется, продолжаю как критик заниматься его творчеством». Как видим, к этому выступлению он «готовился всю жизнь».

Так что импровизированная речь, как правило, строится на основе хорошо известного материала, знаний и опыта оратора. Иначе говоря, выступающий к ней мало готовится или совсем не готовится накануне ее произнесения, но имеет достаточные знания, а также опыт произнесения речей, чтобы ограничиться минимальной подготовкой или произвести ее «экспромтом».

В большинстве же случаев все виды выступлений тщательно продумываются и готовятся заранее. Кропотливой работы требуют и политические, и судебные, и академические речи. Пожалуй, рекорд по длительности подготовки к выступлению поставил русский физик А. Г. Столетов. В 1889 г. ученый получил из Санкт-Петербурга приглашение от распорядительного комитета VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей прочитать лекцию на одном из общих собраний съезда. Получив приглашение, он тотчас же принялся готовиться к ней. В течение четырех с лишним лет он периодически возвращался к тексту: менял план, вносил уточнения, вызванные новыми открытиями ... А 3 января 1894 г. на VIII съезде естествоиспытателей две тысячи собравшихся с затаенным дыханием слушали блестящую речь ученого.

Сохранились сведения современников о «технике» создания блестящих лекций филолога Ф. И. Буслаева. Летом, во время отдыха на даче, ученый намечал темы курсов лекций, отбирал нужные книги и штудировал их, делал различные выписки, то есть собирал материал для лекций. Осенью писал черновые рукописи «для себя», в которых до мельчайших подробностей излагал то, что хотел сообщить слушателям. Одновременно готовились научные публикации по тем же проблемам для журналов, сборников, книг. За день до выступления весь материал лекции приводился в порядок: Ф. И. Буслаев готовил беловую рукопись с широкими полями, написанную чисто и крупно. Это была окончательная шлифовка полного текста лекции.

Невозможно также без кропотливой предварительной работы прочитать лекцию по естественным наукам. Ведь она часто сопровождается демонстрацией наглядных пособий и опытов. Так, К. А. Тимирязев перед каждой лекцией заранее отрабатывал с ассистентами опыты, сам подбирал аппаратуру, делал диапозитивы, вместе с художниками разрабатывал схемы, рисунки, диаграммы.

С чего же начинается подготовка к речи? С уточнения темы, направленности и названия выступления. Предмет разговора определяет либо сам оратор, либо те, кто приглашает его выступить. Конечно, тема должна быть актуальной, интересной, конкретной, вызванной жизненными потребностями, доступной для понимания. Ее следует четко сформулировать, чтобы она вызвала интерес у публики.

Направленность речи бывает различной. Например, на лекции

по математике ставят перед собой основную цель — информировать аудиторию, дать ей определенные сведения по математическим проблемам. А в выступлении о Н. В. Гоголе нельзя ограничиться только информацией (если даже она новая!), а надо постараться затронуть чувства слушателей, взволновать их, чтобы, придя домой, они еще раз перечитали гениальные творения писателя. В речи на митинге оратор старается сформулировать у собравшихся убеждения, представления, которые стали бы мотивами их поведения, определили их отношение к событиям. Иначе говоря, он призывает толпу к определенным действиям. Чаще всего в речи цели перекрещиваются, то есть выступление должно информировать слушателей, затронуть их чувства, побудить к действиям.

Некоторые выступления не имеют названий: краткие митинговые, парламентские речи, некоторые виды социально-бытовых выступлений. Для других речей, например судебных, характерны индивидуальные названия со стандартным началом: у А. Ф. Кони обвинительные речи «По делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова», «По делу об убийстве статского советника Рыжова», «По делу о мултанском жертвоприношении». Встречаются такие заглавия, которые направляют мнения слушателей, например: «Спасите природу!», «Мы — за разоружение!» Привлекают внимание выступления с рекламным названием: «Летающие тарелки: правда или вымысел?», «Мафия — у нас», «Нужны ли нам атомные электростанции?».

Важный этап в подготовке выступления — оценка состава слушателей и обстановки, в которой будет произнесена речь. Как оценивать их?

Прежде всего оратор должен получить сведения об аудитории. Каков ее социальный состав (рабочие, крестьяне, интеллигенция), образовательный уровень (начальное, среднее, высшее образование), направление образования (гуманитарное, негуманитарное), возраст, пол, национальность? Однородна или неоднородна аудитория? Многочисленна ли она? Каковы настроение слушателей, их отношение к теме, к оратору, знакомство с данным вопросом? Хотят ли они удовлетворить свои духовные запросы, повысить свою квалификацию или просто заполнить свой досуг?

Очень важно обстоятельно выяснить, где будет происходить выступление: на улице, в зале или в небольшом помещении. Есть ли там стол, трибуна, микрофон? Когда состоится выступление (утром, днем, вечером), после какой другой речи оно планируется. Ведь каждое последующее должно быть по содержанию и форме интереснее предыдущего, что связано с законами восприятия.

Начиная работать над речью, целесообразно составить ее предварительный план, который затем будет уточняться. Это

рабочий план, он нужен только в процессе подбора материала. И, конечно, будет меняться.

Насыщенность речи фактическим и теоретическим материалом зависит от ее вида, темы и состава слушателей. Одно дело — лекция или доклад, в которых разбираются какие-либо научные явления, другое — речь юбилейная. В докладе, лекции, судебной речи требуется приводить множество фактов, чтобы доказать свои положения и убедить слушателей. В речи юбилейной, по своей сущности эмоциональной, факты связаны со знаменательной датой или личностью.

Умело подобранные факты и цифры обогащают речь, делают ее доказательной, конкретной, доходчивой. Вспомним слова известного ученого, физиолога И. П. Павлова «факты — воздух ученого». Можно считать, что факты — воздух оратора.

Как отбирать факты? Прежде всего они должны быть достоверными и абсолютно точными. Черпать сведения для выступления следует из солидных источников. При этом опытный оратор подчиняет конкретный материал общей идее речи. Если же мысль тонет в обилии примеров, речь не достигнет нужного эффекта. «Перегруженная фактами лекция, — считал Д. И. Менделеев, — очаг, до того заваленный дровами, что он начинает затухать».

Очень важно для выступающего личное отношение к факту. В лекции В. О. Ключевского, посвященной царствованию Елизаветы Петровны, была произнесена такая фраза: «У нее, императрицы, в гардеробе было 15.000 платьев, два сундука шелковых чулков ... и ни одной разумной мысли в голове». Естественно, концовка фразы (после многоточия), выражающая отношение историка к Елизавете, придает особый смысл приведенным выше подробностям ее частной жизни, усиливает действенность речи.

Как добываются факты? Они могут быть результатом наблюдений, изучения жизни, различных явлений, но основная масса сведений черпается из энциклопедий, справочников, научной и научно-популярной литературы, газет, журналов, документов и других книжных (письменных) источников.

Как же работать с этими источниками? Существует несколько методов, которыми мы должны уметь пользоваться. Прежде всего, это беглый просмотр книги или журнала, чтобы узнать, что можно взять для себя из этого источника. При этом можно легко освежить в памяти прочитанное ранее. Далее следует выборочное чтение, когда внимание останавливается на отдельных фрагментах, относящихся к теме выступления. И, наконец, при углубленном чтении, которое можно назвать изучением, делаются дословные выписки (цитаты), составляются конспекты отдельных частей или всей книги, а также журнальных или газетных статей.

Писать или нет полный текст речи? Некоторые ораторы на

этот вопрос отвечают однозначно — писать. Вот мнение известного судебного деятеля П. С. Пороховщикова (П. Сергеича) из книги «Искусство речи на суде». Он утверждал: «Мы не будем повторять старого спора: писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не исписав несколько сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке (...)»

Остерегайтесь импровизации.

Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее.

Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику. У вас не будет надлежащей уверенности в себе.

Лучшего не будет в вашей речи. Импровизаторы, говорит Квинтилиан, хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми.

Наконец, имейте в виду, что и крылатый конь может изменить.

Люди, знающие и требовательные, и в древности, и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский — это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого и эти части соединены между собой в общее неуязвимое целое. Вы должны достигнуть неуязвимости, иначе вы не исполнили своего долга».

Как видим, начав с категорического утверждения о необходимости писать полный текст речи, П. С. Пороховщиков заканчивает тем, что можно ограничиться «подробным логическим рассуждением», то есть чем-то вроде конспекта. Известно, что многие ораторы пишут именно конспекты, а не полный текст. Например, К. А. Тимирязев составлял сначала краткий план, расширял его до конспекта, который неоднократно переписывал, уточняя расположение материала и формулировки.

Но есть и другие суждения по этому поводу. Так, известный судебный деятель А. Ф. Кони в статье «Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля)» рассказывает, что речей своих он никогда не писал. Раз два пробовал набросать вступление, но убедился в бесплодности этого: судебное следствие дает такие житейские краски и так перемещает центр тяжести измерения, что даже несколько слов вступления «оказываются вовсе не той увертюрой, выражаясь музыкальным языком, с

которой должна бы начинаться речь». И далее он продолжает: «Самую сущность речи я никогда не писал и даже не излагал в виде конспекта, отмечая лишь для памяти отдельные мысли и соображения, приходившие мне в голову..., и набрасывая схему речи, перед самым ее произнесением, отдельными словами или условными знаками ...

Я всегда чувствовал, что заранее написанная речь должна стеснять оратора, связывать свободу распоряжения материалом и смущать мыслью, что что-то забыто или пропущено». Такое отношение к речи, то есть составление схемы, плана, позволяют себе только опытные, одаренные ораторы. Среди них встречаются и такие, которые не пишут даже краткого плана выступления. Например, П. Б. Ганнушкин, известный специалист в области психиатрии. В архивах ученого не сохранилось никаких подготовительных записей к лекциям. Вся предварительная работа шла, по-видимому, в голове. Подобный метод подготовки речей требует сосредоточенности, предельной концентрации мысли. Перед началом выступления профессор чувствовал необычайное волнение и только в аудитории успокаивался.

Итак, при подготовке к выступлению можно писать его полный текст, можно ограничиться конспектом, тезисами, планом (развернутым или кратким). Это зависит от опытности и знаний оратора и, конечно, от длительности речи, ее рода и вида.

Но вот полный текст речи или ее конспект, тезисы или план готовы. Что же дальше? Нужно ли репетировать речь? Полезно прочитать речь, а еще лучше воспроизвести ее устно, уточнив время звучания (примерно 100—120 слов в минуту). Это так называемая репетиция, то есть произнесение текста либо мысленно (внутренний монолог), либо вслух (внешний монолог). Лучше всего произносить текст вслух, особенно для начинающего оратора и даже перед зеркалом, следя за произношением, мимикой и жестами.

Во время репетиции необходимо обратить внимание на технику произношения. Прежде всего на орфоэпию — образцовое литературное произношение, соответствующее произносительным нормам, а также на правильное ударение в словах.

Следует обратить внимание и на дикцию, и на темп речи, и на громкость голоса, и на его высоту. Репетируя свое выступление, оратор следит за тем, чтобы голос звучал ясно, в меру громко, не был бы монотонным. Следует обращать внимание и на паузы: они облегчают дыхание, позволяют сформулировать мысль, подчеркнуть ее («держать паузу»), и на фразовые и логические ударения, с помощью которых можно выделить речевые отрезки или отдельные слова. Очень важно для оратора уметь выразить голосом различные чувства и переживания. За этим тоже надо следить во время репетиции.

Важно уметь слушать и слышать себя, чтобы иметь возможность корректировать и совершенствовать свою речь.

Выразить свои чувства, свое отношение к тому, о чем идет речь, помогает мимика, жесты, поза. О том, как серьезно к ним надо относиться, говорил в «Духовном регламенте» (1721 г.) Петр I: «Не надобно проповеднику шататься вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками всплескивать, в боки упираться, подскакивать, смеяться, да не надобе и рыдать».

Выступление подготовлено и отрепетировано. Настал момент встречи со слушателями. Как произносить речь? Читать или говорить?

Существуют три способа выступления: чтение текста речи, воспроизведение его по памяти с чтением отдельных фрагментов, свободная импровизация.

Способ произнесения речи прежде всего зависит от ее рода и вида. Читают речи официального содержания, от текста которой нельзя отступить: это речи дипломатические, торжественные, юбилейные или приветственные, также доклады и содоклады официального содержания и некоторые другие.

Что касается остальных родов и видов речей, то, как правило, их произносят, потому что, читая речь, оратор рискует потерять контакт с аудиторией и воздействие на нее сведется к нулю.

В Государственной думе (1906—1917 гг.) — законосовещательном, представительном учреждении России — ораторы могли читать по тексту основной доклад и содоклады. Выступления же в прениях произносились обязательно без бумажки. Если это требование нарушалось, то председательствующий при одобрении всего зала лишал слова незадачливого оратора. Можно было пользоваться записями в двух случаях: когда в качестве иллюстрации приводились цифры и когда цитировались положения основного доклада или содокладов. Вот таким образом воспитывалась у депутатов Государственной думы культура устной речи.

Провал ораторов, читающих текст по бумажке, во многом объясняется тем, что речь их становится быстрой, монотонной и утомляет слушателей. Они не умеют читать, они не умеют имитировать при чтении устную речь. А это очень важно.

Конечно, искусство свободной речи приобретается не сразу, а в процессе длительной работы и необходимых тренировок. Но для того чтобы его, наконец, приобрести, надо говорить без бумажки. Можно держать перед собой план, тезисы или конспект речи, можно даже иметь ее полный текст, но только не читать, уткнувшись в записи и забыв об аудитории. Конечно, нелегко одновременно формулировать мысль и излагать ее вслух. Но научиться этому можно, если тщательно готовиться к выступлению.

Если вы интересуетесь эзотерикой...

Е. Н. ШАГАЛОВА

В последнее время появляется большое количество новых слов, понимание которых порой вызывает затруднения. Также «реанимируется», возвращается к жизни значительная часть лексики, еще недавно «замороженной» в толковых словарях. Статья рассматривает лексику, тем или иным образом относящуюся к эзотерике, если объединить под этим термином все, что касается оккультизма, магии, спиритизма, астрологии и других широко распространенных учений. Слово *эзотерика* является производным от *эзотерический* (греч. *esoterikos* — внутренний), что обозначает «тайный, скрытый, предназначенный исключительно для посвященных (о религиозных обрядах, мистических учениях, магических формулах)». Распространение древнего мистического и магического знания и как следствие актуализация давно известной лексики и появление новых слов в этой области обусловлены все возрастающим вниманием человека к внутреннему миру, к субъективному аспекту человеческого бытия. Конечно, анализируемая лексика не является достоянием исключительно эзотерических трудов, она занимает важное место и в художественной литературе, а в последнее время широко употребляется в периодических изданиях, в телепередачах и т. д. Значительная частота употребления отдельных слов обуславливает появление у них переносных значений, анализ которых не является задачей нашей работы.

Реинкарнация (лат. *re* «пере, вновь» + *inkarnatio* «воплощение»). Слово известно во многих языках, но в русский, по-видимому, пришло из английского. В английском языке *реинкарнация* (*reinkarnation*) — это перевоплощение, рождение в новом теле или другой форме жизни, новое воплощение. В русском языке слово имеет такое же значение. Труднее дело обстоит со словом *инкарнация*, имеющим в английском языке более сложную семантическую структуру. Так, словарь Вебстера приводит четыре значения этого слова: 1. Воплощение (действие и состояние). 2) а. Обретение божеством плоти; б. Единство божественного и человеческого начал в Иисусе Христе. 3. Олицетворение чего-либо. 4. Время, проведенное в той или иной форме жизни. Для пояснения последнего значения приведем пример из словаря Вебстера: «В другой инкарнации он, возможно, был первым вице-президентом Вальтером Теллером». В русском языке в третьем значении слова *инкарнация*, как правило, используется *воплощение*. Так, в Словаре современного русского лите-

ратурного языка (1991 г.) среди четырех значений слова *воплощение* находим и это: полное выражение чего-либо в чем-либо облике, характере и т. п.; олицетворение чего-либо; проявление индивидуальности, специфики и т. п. кого-, чего-либо в ком-, чем-либо. «*Марианна стала для Нежданова воплощением всего хорошего, правдивого на земле*» (Тургенев. *Новь*).

Проанализированные примеры употребления слов *инкарнация* и *реинкарнация* свидетельствуют о том, что эти два понятия разграничиваются не всегда четко и достаточно произвольно подменяют друг друга в разных контекстах: «Так, может, зазеркалье — вовсе не праздная выдумка сказочников, а существующий в другой реальности мир? И возможна инкарнация — перевоплощение души?» (Сельская жизнь. 1994. 10 февр.); «Сказав „давно“, я имел в виду — в прошлой жизни, в другой инкарнации» (Майринк Г. Ангел западного окна. СПб., 1992); «Древние пифагорейцы наряду с ранними греческими философами, такими, как Платон, также верили в перевоплощение ... Для Платона вера во врожденное знание (т. е. знание, полученное без обучения при жизни) и в реинкарнацию объяснялись просто тем фактом, что мы обладаем определенными знаниями, которые мы не могли получить, опираясь на наши органы чувств» (Жизнь после смерти. М., 1991).

Слово *реинкарнация* входит в русский в синонимический ряд: *метемпсихоз, перевоплощение*.

Метемпсихоз — слово греческого происхождения (*metempsychosis*) и толкуется как переселение, переход души из одного организма после его смерти в другой (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, 1935; Словарь современного русского литературного языка; Словарь иностранных слов, 1994). В словаре современного русского литературного языка приведены цитаты к этому слову из «Войны и мира» Л. Толстого и «Ибикуса» А. Н. Толстого. В наши дни слово *метемпсихоз* встречается очень редко: «Индуизм не приемлет теорию одной жизни. Нынешняя жизнь определяется предыдущей и определяет последующую... Нет никакой необходимости рассматривать здесь индуистское учение о карме, которое тесно связано с теорией метемпсихоза» (Жизнь после смерти. М., 1991). И даже в этом примере, можно предположить, что появление слова в русском переводе обусловлено его использованием в оригинальном английском тексте.

Рассматривая явление реинкарнации, нельзя обойти стороной такие понятия, как *карма* и *ксеноглоссия*.

Карма переводится с санскрита как «деяние» и является одним из основных понятий индуистской религии и философии. В широком смысле *карма* — это общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющая характер его нового рождения. В узком смысле — влияние совер-

шенных действий на характер настоящего и последующего существования. Слово давно вошло в лексикон русского языка и зафиксировано многими толковыми и энциклопедическими словарями, однако в последнее время оно стало особенно распространенным. Приведем примеры употребления слова в современных текстах; «Ранее удел маргиналов и чудаков, философия Нового Века с ее верой в реинкарнацию (переселение душ), карму и тонкие энергии, становится сегодня достоянием американцев здравомыслящих и добропорядочных» (Московские новости. 1994. № 16); «Подобное взаимопритягивается, отсюда закон Кармы — воздаяние по деянию» (Наумкин А. П. Калагия. М., 1993).

Наряду с существительным *карма* часто используется прилагательное *кармический*: *кармическое воздействие* (Майринк Г. Ангел западного окна. СПб., 1992); *кармические отношения* (Наумкин А. П. Калагия. М., 1993); *кармические воспоминания* (Файдыш Е. К. Состояния сознания. М., 1991).

Ксеногlossия. Это слово лишь недавно появилось в русском языке, и если определение его значения не вызывает никаких затруднений, то этого нельзя сказать об источнике его появления. В слове *ксеногlossия* легко узнаются два корня греческого происхождения: *xenos* (чужой) и *glossa* (язык). *Ксеногlossия* — это способность понимать иностранные языки, не изучавшиеся обычным способом, и разговаривать на них. Различают *речитативную ксеногlossию*, когда человек начинает говорить на иностранном языке, который он прежде не изучал, но при этом не понимает значения слов и не может ответить на этом языке, и *ответную ксеногlossию*, когда человек понимает и знает, как ответить.

Что касается появления слова в русском языке, то оно, с одной стороны, могло проникнуть через посредство английского, с другой стороны, могло образоваться из греческих корней непосредственно в русском языке. В пользу первой версии может свидетельствовать тот факт, что слово *ксеногlossия* встречается в книге «Жизнь после смерти», представляющей собой сборник статей американских ученых и переведенной на русский язык в 1991 году. При этом его не удалось найти в толковых словарях английского языка (а также французского и немецкого), но это может быть обусловлено, например, тем, что слово *ксеногlossия* является английским неологизмом. Состоящее из корней греческого и латинского происхождения, оно может возникать одновременно в нескольких языках или приходить в данный язык через язык-посредник.

Проиллюстрируем употребление слова: «Примеров сохранения ксеногlossии после выхода из транса вообще не установлено. Однако встречались такие примеры ответной ксеногlossии, когда человек демонстрировал четкое знание исторических событий, о которых

ни тот, кто был под гипнозом, ни тот, кто задавал вопросы, не могли знать при этой жизни» (Жизнь после смерти. М., 1991).

Левитация (фр. *levitation*, англ. *levitation*, лат. *levitas* «легкость»). В английском языке *левитация* — это перемещение по воздуху человека или предмета вопреки силе гравитации при помощи сверхъестественных сил. В конце XIX века слово было заимствовано французским языком, и в словаре Робера мы находим следующее толкование: «поднятие человека в воздух без какой-либо опоры». В русском языке слово *левитация* имеет такое же значение и впервые зафиксировано в Словаре иностранных слов 1994 года, что является доказательством его недавнего заимствования. Однако через посредство какого языка (английского или французского) слово попало в русский, сказать трудно. Учитывая общую тенденцию проникновения в настоящее время в русский язык преимущественно англицизмов, можно выбрать эту версию как наиболее вероятную.

В Словаре иностранных слов (1994 г.) слово *левитация* толкуется следующим образом: «предполагаемая способность человеческого организма к преодолению силы притяжения и перемещению в пространстве по воздуху, порой за несоизмеримо краткие (по отношению к расстоянию) отрезки времени». Были зафиксированы и другие представители этого словообразовательного гнезда: глагол *левитировать*, существительные *левитатор* и *левитант* (лицо, осуществляющее левитацию), а также окказиональное употребление глагола совершенного вида *левитнуть* с несколько ироническим оттенком.

Приведем наиболее интересные контексты употребления этих слов: «Суждения о природе левитации весьма противоречивы. До недавнего времени те, кто полагал, что она возможна, объясняли ее умением уменьшить собственный вес почти до нуля. Рассчитывали давление воздуха на тело по закону Архимеда — получалось, что на высоте один метр тело зависнет в случае, если подъемная сила, действующая на него на уровне земли, будет равна всего-то восьми миллиграммам. Гипотезу можно было считать приемлемой, если бы полеты левитантов сводились лишь к подъему в воздух по вертикали» (Неделя. 1993. № 4); «Я всего-навсего лег на поле и закрыл глаза. Я ведь знал: там нужна моя помощь. И недолго думая, я — без всяких помех — левитнул в город» (Аврора. 1992. № 2).

Телекинез (греч. *tele* «вдаль, далеко» + греч. *kinesis* «движение»), *психикинез* (греч. *psiche* «душа» + греч. *kinesis* «движение»). Первое из этих двух слов не является новым и обозначает (так же, как в английском и французском языках) перемещение материальных объектов под мысленным воздействием без контакта. Впервые оно зафиксировано в словаре «Новые слова и значения», изданном в 1971 году. В 70-е годы входят в обращение

производные этого слова: *телекинетик* (человек, обладающий способностью телекинеза) и *телекинетический* (относящийся к телекинезу, к телекинету).

В последние годы в русский язык проникло слово *психокинез*, синонимичное слову *телекинез*. В данном случае можно, очевидно, говорить о влиянии английского языка, где это слово (англ. *psychokinesis*) в значении «перемещение объектов под мысленным воздействием без контакта» представлено в словаре Вебстера (1977). Можно предположить и индуцирование этого слова из греческих корней.

Примеры употребления: «По традиционным представлениям именно овладение праной дает возможность йогу демонстрировать необычайные способности, такие, как телепатия, телекинез, левитация и т. д.» (Файдыш Е. К. Указ. соч.); «Как телепатия и телекинез (или психокинез) нарушают установленные наукой закономерности, так для многих людей голоса и образы мертвых нарушают одно из основных допущений западных религий: не может быть контакта между живым и мертвым» (Жизнь после смерти. М., 1991); «Он делал то, что для обычных телекинетиков является верхом напряженности их психической формы: он передвигал предметы» (Журналист. 1974. № 2); «Чем черт не шутит, вдруг ясновидцы предскажут что-нибудь важное в военном отношении, а телекинетики научат сбивать ракеты СОВ» (Лит. газета. 1991. № 40).

Нами была рассмотрена лишь незначительная часть иноязычных слов, которые встречаются в эзотерической литературе и понимание которых может вызвать затруднения. За пределами статьи остался широкий пласт лексики санскритского происхождения, без которой невозможно представить себе восточные учения: *чакра*, *тантра*, *мантра*, *янтра*, *пранаяма*, *асана* и т. д. В рамках эзотерики заслуживают особого внимания и более известные слова, такие, как *астральный* (*астрал*, *астральное тело*), *витальный*, *ментальный*, и менее употребительные *месмеризм* и *тингировать*.

Материал статьи отражает общие тенденции развития языка на современном этапе. Во-первых, актуализируются некоторые пласты лексики; во-вторых, продолжается активное проникновение в русский язык слов иностранного происхождения, особенно англицизмов (*реинкарнация*, *левитация*, *психокинез*); в-третьих, на базе некоторых недавно заимствованных слов образуются словообразовательные гнезда (*левитация*, *левитировать*, *левитатор*, *левитант*, *левитнуть*); и в-четвертых, происходит развитие синонимии за счет заимствованных слов (*реинкарнация*, *метемпсихоз*, *перевоплощение*).

«Оффшор — налоговый рай за рубежом»

С. В. ПОДЧАСОВА

В «Финансовых известиях» уже в 1992 году можно было прочитать объявления: «Оффшорные компании», «Возможно образование оффшорных трастовых компаний по желанию». А затем, как многие, вероятно, и поступали, можно было открыть «Англо-русский словарь» и обнаружить там слово «offshore», обладающее несколькими значениями: «1) находящийся на расстоянии от берега; 2)двигающийся в направлении от берега; 3) произведенный за границей...». И в результате... остаться в полном неведении относительно смысла сочетания «оффшорная компания». Дело в том, что ни одно из перечисленных значений не является основным компонентом смысловой структуры заимствования *оффшорный*, хотя 1 и 2 значения входят в эту структуру в качестве периферийных составляющих.

Попробуем теперь обратиться к специализированному словарному источнику, в данном случае — к «Англо-русскому словарю по экономике и финансам». Здесь offshore переводится как: «1) находящийся за пределами морской границы, заокеанский; иностранный; 2) осуществляемый в других странах (например, о хозяйственной деятельности); 3) морской...» и, наконец, «4) оффшорный, не подпадающий под национальное регулирование». Комментируя словарную статью, укажем, что в ней более четко сформулировано содержание периферийных, неосновных значений (1, 2), а также включено основное значение вошедшего в русский язык слова *оффшорный* (4). Правда, это значение передано в самом общем виде и с помощью вариативной формы — *оффшорный* (к вопросу о внешней форме заимствования мы еще вернемся).

Достаточно подробное изложение смысла заимствованного слова мы найдем в русскоязычном словаре «Деловой мир» (Словарь-справочник бизнесмена), в статье, названной «оффшор-центры»: «от английского offshore, что буквально означает «на удалении от берега». Небольшие государства, как правило, островные, где в соответствии с местным законодательством иностранным резидентам предоставляются налоговые и др. льготы при совершении валютно-финансовых операций в иностранной валюте. В настоящее время в мире выделяется семь основных *оффшорных* центров (Багамы, Бахрейн и др.)...»

Приблизительно то же значение, что и *оффшор-центр*, имеют сочетания, использованные в следующих примерах (выделены курсивом): «Регистрация фирм в США и *офф-шорных* зонах. Счета в США и Швейцарии» (Домовой. 1993. Дек. № 4); «В

следующих наших публикациях мы дадим краткие обзоры по различным *оффшорным территориям*» (Недвижимость за рубежом. 1994. № 6—7).

Словосочетания же *оффшорная компания, фирма* и т. п. имеют значения «компания, фирма (и т. п.)», зарегистрированные в *оффшорной зоне (центре, территории)*: «Дом на юге Португалии. Приобретая недвижимость, Вы становитесь владельцем *оффшорной компании* в безналоговой зоне» (Моск. комсомолец. 1993. 19 дек.).

Определение *безналоговый* фактически формулирует основное содержание слова *оффшорный* и потому нередко заменяет его: «Ускоренная регистрация безналоговых (*offshore*) компаний в течение 1 часа на Багамских и Британских Виргинских островах» (Домовой. 1993, сент. № 1); «Продажа безналоговых компаний за рубежом в присутствии клиента» (Коммерсант. 1994. 15 марта).

Сравнивая данные двуязычных словарей с примерами газетной речевой практики и русского моноязычного словаря, мы вправе сделать вывод о произошедшем при заимствовании изменении семантики: основное значение английского слова (буквальное — «удаленный от берега») сместилось к периферии смысловой структуры заимствования *оффшорный*. В то же время одно из второстепенных значений слова *offshore* «безналоговый» стало центральным для прилагательного *оффшорный*. Подчеркнем, что зафиксировать семантическую трансформацию стало возможным прежде всего благодаря текстам. От них мы шли к схемам, в том числе и лексикографическим. Вспомним высказывание Г. В. Колшанского: «Совокупность значений слов, приводимых в словарном гнезде, есть лишь лингвистическая абстракция, т. е. обобщение и свод тех реальных значений, которые свойственны слову в процессе общения, и которые всегда скрывают в себе это единство конкретного и абстрактного...» (Контекстная семантика. М. 1980. С. 129).

Переходя к вопросу о внешней форме нового слова, сразу же заметим, что и его сможет решить окончательно лишь речевая практика. Наше дело — установить причины колебаний в написании заимствования и, если возможно, сделать предположения относительно его окончательной письменной формы. Обратимся к газетным текстам: «Своя фирма за рубежом. Регистрация *оффшоров* в минимальные сроки»; «Доступный билет в налоговый рай ОФФШОР в США». Оба объявления были помещены на одной странице газеты «Финансовые известия» (1994. 20—26 янв.); «*Офф-шор* в США» (Домовой. 1993. Сент. № 1).

Написания *оффшор/оффшор/офф-шор* представляют собой наиболее точные воспроизведения средствами русского языка транскрипции английского этимона *offshore*. От этих вариантов легко образуются формы множественного числа (см. первый пример). Но, претендуя на статус существительного, приведенные лексемы сразу же обна-

руживают свою семантическую неполноценность. Так, смысл слова *офшор* в первом объявлении становится ясен лишь благодаря разъяснениям, данным в предыдущем предложении. Смысл же второго и третьего рекламного объявления останется для многих невыясненным (непонятно, имеется в виду фирма или территория, обладающая офшорным статусом).

Семантическую неполноту можно было бы устранить двумя способами. Один из них — использование вариантов *офшор/оффшор/офф-шор* в качестве части сложносоставного слова (как *оффшор-центр*). Недостаток такого способа — в сложности произнесения вслух. Попробуем выговорить: «оффшор-фирма» или «оффшор-территория». Не случайно такие образования пока не появились на страницах газет.

Второй способ ликвидации двусмысленности заимствования, которому и отдано предпочтение газетчиков, — использование прилагательных *офшорный/оффшорный/офф-шорный* в сочетании с существительными *фирма, территория* и т. д. Заимствование при этом подвергается оформлению в соответствии с законами русской грамматики («частичной морфологической субституции» — см.: Л. П. Крысин. «Иноязычные слова в современном русском языке». М., 1968). Мы наблюдали подобное во многих приведенных примерах, а также в следующих: «*Офф-шорным фирмам: счета в США и Швейцарии*» (Домовой. 1993, сент. № 1); «*Продажа офф-шорных компаний*» (Домовой. 1994. Март. № 3); «*Консультации по использованию оффшорных компаний с целью планирования и минимизации налогов вы получите в наших офисах в центре Москвы, там же можно сделать заказ на приобретение или открытие оффшорной фирмы, банка или страховой компании...*» (Недвижимость за рубежом. 1994. № 6—7).

Семантика нового слова продолжает усложняться, о чем свидетельствует, в частности, значительное расширение круга его сочетаемости. Заимствование успешно вошло в понятийную сферу русского языка. В то же время практически на равных используются три его варианта (*офшорный/оффшорный/офф-шорный*). Сложно предугадать, воспользуются ли газетчики советом А. В. Суперанской, предлагавшей ликвидировать двойное написание согласных, если они не относятся к разным морфемам (А. В. Суперанская. Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного русского правописания. М., 1964) и будут пользоваться вариантом *офшорный*. Или же по-прежнему во внешней форме заимствования будет проявляться тенденция следовать законам языка-источника и подчеркивать значение удаленности, выраженное частью *off-*. Однако в интересах всех нас, носителей русского языка, желательно, чтобы процесс нормирования формы слова *оффшорный* шел как можно быстрее.

«МУЖ, В ДОБРОДЕТЕЛЯХ СОВЕРШЕНЕН...»

Митрополит Макарий в историческом
повествовании XVI века

*Н. В. ТРОФИМОВА,
кандидат филологических наук*

История Руси XVI века полна ярких, запоминающихся личностей, оставивших глубокий след в русской культуре. Литература того времени не осталась равнодушной к этим историческим персонажам. Напротив, именно в это время она начинает проявлять глубокий и разносторонний интерес к человеку, искать новые средства и приемы его изображения.

Одним из виднейших деятелей Руси XVI века был новгородский

архиепископ, а с 1542 года — митрополит Московский и всея Руси Макарий (1481/82—1563), проживший долгую для того времени жизнь. Макарий был образованным, книжным человеком, именно поэтому почти все наиболее значительные культурные начинания XVI века связаны с его именем. Достаточно вспомнить хотя бы Великие Четьи Миней — крупнейшее и самое полное в то время собрание «душеполезных книг», которые составляли повседневный круг чтения культурного православного человека и были задуманы Макарием еще в его бытность архиепископом Новгородским. Макарий сумел собрать вокруг себя талантливых книжников, которые под его руководством и создали огромный труд, отредактированный самим митрополитом. До нас дошло три списка этого памятника.

Или другое произведение — «Книга степенная царского родословия», представляющая собой, по определению С. А. Бугославского, «систематизированную летопись в агиографической обработке» (Бугославский С. А. Главнейшие характерные черты московского периода русской литературы. Чернигов, 1916. С. 9). Оно было совершенно по форме и рассказывало об истории Руси, передавая ее через идеальные биографии русских князей от княгини Ольги до Ивана IV. Этот уникальный по форме свод исторических событий в пышном риторическом стиле создавался под руководством и с благословения митрополита Макария.

Деятельность Макария как иерарха церкви и духовного наставника русских людей получила широкое отражение в разнообразных произведениях XVI века. При этом летописи донесли до нас не только деяния, но и речи митрополита по случаю важных событий Руси, а также послания по разнообразным поводам, зафиксированные в документальном виде. Именно поэтому становится возможным проследить, как литературные памятники разных жанров передавали своеобразие облика этого значительного для русской исторической жизни и духовной культуры лица. Для этого мы обратились к трем крупнейшим историко-литературным памятникам середины XVI века.

«Книга степенная царского родословия», написанная в первой половине 60-х годов XVI века, приводит многочисленные упоминания о деятельности митрополита Макария в связи с различными событиями духовной и светской жизни Руси эпохи правления Ивана IV. Однако сам замысел произведения, ставящего своей целью прославить род русских князей, не требовал подробной разработки образов духовных лиц. Поэтому в большинстве случаев лишь упоминается о деятельности митрополита как иерарха церкви (перенесение чудотворных икон, советы со всем священным собором, крещение царских детей).

Яркий и драматический рассказ содержит только описание

страшных пожаров в Москве в 1547 году. Здесь митрополит Макарий предстает как человек, даже в самых тяжелых условиях ревностно выполняющий свой долг: «Тогда же преосвященный Макарий, митрополит всеа Руси, и иже с ним освященный собор в соборной велицей церкви Пречистыя Богородицы прилежные молитвы и моления со слезами простираху к Богу, да отвратит от нас праведный гнев Свой и ущедрится на ны и помилует нас. Пламени же велику всюду палящу, и самая тоя великия церкви кровля горяше и паперть каменная у церкви тоя от зельного огня распадется. Внутрь же церкви тоя зной нестерпим бысть. Митрополиту же вельми от зноя изнемогаша, едва выведоша из церкви. Он же взял с собою образ Богоматери, его же великий чудотворец Петр митрополит своею рукою написал, и книгу Божественная Правила, юже Киприан митрополит из Царяграда принесл».

В этом отрывке наряду с детальным описанием разрушительного действия огня (огромное пламя, горящая кровля, разрушенная паперть, зной внутри церкви) торжественно-риторически называется о действиях митрополита. Здесь и повторы типа синонимических или близких по смыслу слов (*молитвы и моления, отвратит гнев — ущедрится — помилует*), этикетные эпитеты (*соборной велицей церкви, прилежные молитвы, праведный гнев*), ритмически организованные фрагменты. Отметим, что даже в этом случае в тексте предстает перед нами в первую очередь Макарий — иерарх церкви, и лишь затем Макарий как человек, испытывающий вместе со всеми тяжесть стихийного бедствия.

В целом стилистика этого отрывка соответствует торжественно-риторическому стилю «Степенной книги».

Наибольшее количество фрагментов, характеризующих деятельность митрополита Макария, обнаруживаем в Никоновской летописи, последняя редакция которой — Никоновский лицевой летописный свод — была завершена также в 60-х годах XVI века.

По традиции летописные рассказы фиксировали важнейшие события истории, при этом исторические лица изображались через поступки. Исследователи отмечали, что Никоновская летопись в этом отношении представляет собой исключение, передавая эмоциональные состояния персонажей (См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947). Кроме того, Никоновской летописи свойственна документальность повествования о событиях XVI века, что вызвало появление в ней значительного количества посланий и речей. Эти особенности прослеживаются и в рассказах о митрополите Макарии.

И здесь, так же как и в «Степенной книге», в первую очередь показана деятельность Макария — высшего духовного иерарха: венчание на царство Ивана IV и его венчание с Анастасией,

молитвы во время разнообразных событий. Среди этих традиционных для летописи фрагментов выделяется также рассказ о пожарах 1547 года, аналогичный рассказу «Степенной книги». Но какое огромное различие в описании одного и того же события! «А митрополита Макария едва вызываша из церкви, великого для попущения Божия дымнаго духа мало не позадохшася в церкви; и поиде митрополит из церкви, и с ним шел Кекса Татищев, княже Владимиров яселничей, да священник съборной Пречистенской же Жижелев Иван, и те оба згорели на площади, а митрополит уйде на город на тайник к реке и Москве. И тамо ему бысть дымный дух тяжек и жар велик, и за невозможение от жару и от дымнаго духу начаша его с тайника спущати, обязав ужищем, на възруб к реке Москве; и прервася ужище, и разбися митрополит и едва отдыха, и отвезоша его в монастырь на Новое еще жива» (Текст Никоновской летописи цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей. М., 1965).

Без сомнения, это описание не может оставить читателя равнодушным, летописец старается донести до читающих напряженную и трагическую атмосферу событий. И это ему удастся в гораздо большей мере, нежели автору отрывка в «Степенной книге». Почему? Прежде всего, потому, что его волнует судьба людей, о которых он пишет: и тех, что сгорели на площади, и самого митрополита. Именно поэтому акцент сделан не на поведении Макария во время его последнего богослужения в соборе, не на перечислении книг и икон, спасенных им из собора, а на трудном его пути уже на выходе из церкви, когда он, так же, как его спутники, подвергался опасности сгореть заживо. Таким образом, здесь перед нами в первую очередь человек, мужественно и стойко до последней минуты выполнявший свой долг и несший в то же время вместе со всем народом бремя страшного стихийного бедствия.

С литературной точки зрения особый колорит достоверности, сиюминутности происходящего придает рассказу прежде всего детализация событий, те подробности, которые мы очень редко находим в летописях, особенно по отношению к высшим духовным лицам. Кроме этого, напряженность событий подчеркивается простотой языка — отрывок выдержан в разговорно-деловой манере, порой граничит с просторечием (*позадохшася, спущати, обязав ужищем, едва отдыха*), в нем очень много глаголов и глагольных форм, практически отсутствуют торжественно-риторические эпитеты, характерные для рассказа «Степенной книги».

В приведенном фрагменте, несмотря на его стилистическую простоту, мы явственно ощущаем определенный ритм. Этот ритм свойствен многим летописным текстам, начиная с самых древних, и создается он в значительной мере анафорическим союзом «и»,

начинающим предложения и части предложений. Постоянное ритмическое движение, подчеркнутое этим союзом, поддерживает общий напряженный тон повествования.

Необычно многочисленны в Никоновской летописи речи и послания митрополита Макария, многие из которых зафиксированы по тексту этой летописи в «Актах исторических», то есть рассматриваются как документы. Особенно значителен круг этих фрагментов, связанный с казанскими походами Ивана IV: речь к войску в 1550 году во Владимире, речь к Ивану IV по поводу построения Свияжска в 1551, послание в Свияжск 21 мая 1552 года, речь к Ивану IV перед выступлением в поход, послание 13 июля 1552 года в Муром, речь при встрече царя и войска в 1553. Все эти послания и речи отличаются логической стройностью, дидактической направленностью и умеренно-риторическим стилем. Они характеризуют митрополита как доброго пастыря, заботящегося о нравственном облике русского воинства, бояр и простых воинов, убеждающего их забыть о личных несогласиях, избавиться от всех грехов во имя единой высшей цели — победы над врагом. В посланиях Макарий широко использовал ретроспективную историческую аналогию, приводя в пример Ивану IV победоносные походы его предков и библейских персонажей, особенно часто интерпретируя притчу о волках и овцах. Эти речи и послания — свидетельство несомненного ораторского дара и высокого книжного уровня культуры московского митрополита.

Итак, Никоновская летопись, благодаря ее документальности, дает нам богатый материал, характеризующий личность митрополита Макария достаточно разносторонне. В то же время некоторые из рассказов о митрополите являются подлинно художественными повествованиями.

Третий исторический памятник середины 60-х годов XVI века, привлекающий внимание изображенной в нем личностью митрополита Макария — это «Казанская история», написанная в связи с победой над Казанью и рассказывающая о деятельности митрополита в период казанских походов Ивана IV.

Вообще «Казанская история» — памятник, наследующий многообразные жанровые традиции, но в интересующей нас части преобладающей оказывается традиция воинских повестей. В этом жанре примерно до конца XIV века не было принято вводить в качестве действующих персонажей лиц духовного звания. Но уже в эпоху Куликовской битвы в произведениях воинской традиции начинает отражаться духовное покровительство русской церкви борьбе с монголо-татарским игом. Так, памятники Куликовского цикла говорят о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Ивановича Московского перед Мамаевым побоищем, а «Сказание о Мамаевом побоище» вводит как действующее лицо

и митрополита Киприана, нарушая тем самым историческую достоверность.

В «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, воинской повести второй половины XV века известной автору «Казанской истории», действует патриарх Анастасий, оказывающий императору духовную, а порой и практическую поддержку в обороне Царьграда. Это персонажи, представленные, как было принято в воинской повести, в основном через действия, реже — через речи.

Автор «Казанской истории» многократно возвращается на протяжении повествования к личности Макария, используя как средства его изображения авторскую характеристику, описание поступков и речи митрополита, что позволяет показать его разносторонне и приблизить литературный облик к историческому.

Авторская характеристика дана в сцене молебна в Успенском соборе, который повелел Иван IV «совершати и самому светлейшему митрополиту Макарию, правящему тогда митрополию руския церкви московския, мужю в добродетелях совершенну...» (Текст произведения цитируется по изданию: Казанская история. М. — Л., 1954).

Первая из речей митрополита, приводимая в «Казанской истории», произнесена перед выступлением Ивана IV в поход, она напоминает аналогичные речи в Никоновской летописи под 1551 и 1552 годами по содержанию и по стилю. В частности, в обоих источниках используется библейский образ доброго пастыря, полагающего душу за своих овец. Правда, в стилистическом оформлении этого образа в «Казанской истории» сказывается общая тональность «новой, красной и сладкой» повести, в частности, автор использует эмоционально окрашенные эпитеты, отсутствующие в летописи: «О пресветлый царю и предобрый пастырю, полагай душу свою за словесныя овца своя, их же благодарова тебе паствити...» (подчеркнуто мною. — Н. Т.). Для сравнения приведем аналогичные образы из Никоновской летописи. В речи 1551 года «Тебе подобает, царю.., подвизатися за благочестие, за порученную тебе от Бога паству.., да не расхитят безбожнии волцы порученных ти овец», в речи 1552 года: «да не наречешися наимник, но истинный пастырь, иже душу свою предаеши за овца...». Из сопоставления отрывков видно, что в летописи образ более краток, в «Казанской истории» риторически украшен.

Интересно, что, продолжая рассказ об этой речи, автор «Казанской истории» подчеркивает пророчество, которое высказывает Макарий, тогда как в летописи речь содержит лишь наставление и надежду на божественное покровительство. В «Истории» читаем: «И святейши же митрополит Макарий благословляет самодержца животворящим крестом и святою водою покропи, и молитвою вооружи, и конечную победу на Казань, и пророчествует ему,

ко уху глаголя: „...и всемогущий же бог, молитвами пречистых его матери, подает ти ныне помощь и конечное одоление на супостаты твоя, и на свой престол Руского царства здрав и радостен с победою возвратишися, со всем своим христоролюбивым воинством, и многолетен будеши на земли и со царицею своею“». Это пророчество напоминает предсказание Сергия Радонежского Дмитрию Ивановичу в «Сказании о Мамаевом побоище», а также видения и чудеса, предвещавшие в памятниках предшествующего времени победы героям.

Примечательно, что рассказ о том, как митрополит благословляет Ивана IV в поход, подчеркивает значение наставления митрополита с помощью сравнений с библейскими лицами: он отпускает царя «яко ангел божий Гедеона на царей Мадиямских, и яко Самоил кроткаго Давида на силнаго исполина Голиада...». Эти сравнения встречались в воинских повестях (например, в «Сказании о Мамаевом побоище»), но первое из сравнений содержится в послании Макария от 13 июля 1552 года: в Никоновской летописи, где он говорит о Божьей помощи Гедеону, а второе находим в «Степенной книге» в рассказе об отправлении Ивана IV в Казань: «И взем благословение, яко же Давид от Самоила». Оба эти сравнения содержат мысль о необходимости для победы Божьей помощи, которую и воплощает благословение митрополита. Появление же этих сравнений во всех трех памятниках в связи с личностью Макария подчеркивает его высокий духовный авторитет.

После победы над Казанью Иван IV посылает гонца с известием к трем лицам: брату Георгию, митрополиту Макарию и царице Анастасии. Князь Георгий и митрополит Макарий «скоро потекоша в великую соборную церковь пресвятыя владычицы наша б-городицы., повелевше на площади во вся тяшкая звонити, тако же и по всему граду Москве по всем церквам святым звонити и пети благодарственные молебны во всю неделю. И начаша молебная совершати преосвященный митрополит со епископы. И у всех реки слез ото очю на брады и на перси проливаху и на землю тецаху...». Здесь Макарий представлен не только как глава русской церкви, действующий согласно своему сану, но и как часть всего народа, проявляющего свои чувства в горячей молитве благодарности.

В главе о встрече победоносного войска в Москве помещена вторая речь митрополита к царю, отличающаяся от аналогичной в Никоновской летописи. Общей для них является лишь мысль о том, что Ивану IV казанской победой дана Божья благодать, о которой он всегда должен помнить. Далее речь по Никоновской летописи посвящена сравнению победы над Казанью с прошлыми славными победами русских князей. В «Казанской истории» вторая половина речи Макария содержит поучение царю для мирной

жизни: «И ты убо печальным спомогай, и нищим и алчущим пища подавай, и нагим одежда. Боляре и велможа своя честны имей и обогащай их, да не будут скудны ничем же. И ко всем слугам своим, к малым же и к великим, любовь тихо показуй, и потребная им подавай, по апостолскому словеси, да с радости тебе служат, а не въздыхающе; повинных же не скоро смертию осужай, но со испытанием великим; аще будет достоини за дела своя казнь прияти смертную, но и то с милостию и с пощадением, и отпущати им дващи и трищи, да покаются и престанут от злб своих и к тому не творити сих». Данные митрополитом советы не только отвечают христианским заповедям, но и в значительной мере повторяют наставления, высказанные Макарием в послании 13 июля 1552 года, хотя там они облечены в более пространную риторическую форму.

Интересно, что «Казанская история» подчеркивает исключительное влияние духовных наставлений митрополита Макария на царя: сразу после этой речи рассказывается о воплощении советов Иваном IV: «И поучен бысть надолзе от митрополита царь самодержец, и поклонися до земля отцу митрополиту на духовном поучении его, со многим смирением и страхом *яко от божиих уст* наказание от него прим, и обещася ему та творити и быти... И многу того дне милостину нищим и по монастырем черньцем и по градцким церквам иереом вда. И всех осуженных на смерть и в темницах сядящих на волю испусти. И земския дани своя людям облегчи. И милостину разосла по всей державе своей...». Таких прямых указаний на огромное влияние митрополита Макария на деятельность Ивана IV в период Казанского похода мы не находим ни в Никоновской летописи, ни в «Степенной книге», а между тем факт этот соответствует действительности.

Упоминается митрополит в «Казанской истории» еще дважды — в рассказе о царских пирах в честь победы и в связи с крещением казанского царя Едигера, то есть в качестве официального лица.

Таким образом, «Казанская история» представляет художественный облик митрополита Макария (в отдельный период его деятельности), достаточно заверченный и исторически достоверный, при этом в нем подчеркнуты стороны, представляющиеся автору наиболее важными и значительными.

Три произведения, написанные современниками митрополита Макария, относящиеся к разным жанрам исторического повествования, доносят до нас облик этого замечательного человека, пастыря доброго русских людей всех сословий, милосердного, мужественно исполнявшего свой долг в любых условиях, обладавшего огромным авторитетом у своих современников, — словом, «мужа, в добродетелях совершенна».

ВОТ ТЕБЕ КОКУЙ, С НИМ И ЛИКУЙ!

Головные уборы восточных славянок

Е. В. АНТОШЕНКОВА

Значение головного убора в женской одежде было чрезвычайно велико. Известно, что замужняя женщина, в отличие от мужчин и девушек, не только «на людях» не могла показаться с непокрытой головой, но также и среди своих домашних должна была ходить в головном уборе. Эта старинная традиция берет начало с того времени, когда женским волосам приписывались магические свойства. Не случайно в фольклорных, а позднее в литературных источниках ведьмы и колдуньи часто изображались с распущенными волосами, которые они освобождали из-под покрыва перед началом какого-нибудь магического действия.

У мордвы, например, долгое время существовало поверье, что зараза (чума, холера и т. д.) приходит в виде женщины или девицы с распущенными волосами. Поэтому в народной среде считалось, что открытые волосы женщины могут навредить не только чужим, посторонним людям, но и ее родным. После свадьбы она, расставаясь с девичьей «красотой» (символом ее была коса), укладывала волосы в новую прическу и навсегда закрывала их головным убором, подчас очень громоздким. Неприкосновенность покрыва головы замужней женщины охранялась законом, нарушение его каралось высоким штрафом и порицалось обществом. «Осоромотить» женщину, или «опросто-волосить» ее (сорвать головной убор) — значило — обесчестить.

Головной убор довольно сложной конструкции, именуемый *сорокой*, принято считать элементом костюма замужней женщины.

Существовали разные виды сорок: *сорока с повоем* — «род кички, на челе пониже, а с боков повыше, иногда по такому волоснику только повязывается шитая ширинка»; *сорока сажная* — «убрана шитьем, низаньем, даже камнями либо жемчугом; *крылатая* или с *крылом*: волосы стягиваются *сдерихой* на затылке, *сорока* прикрепляется сзади *крыльями*, лопастями, иногда спереди жемчужная *подвязь*, на самой сороке, она же *очелы*, *челышек* или *копытце*» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV).

Ряд исследователей полагают, что данное наименование имеет довольно ясное происхождение, то есть оно является производным от названия птицы — сорока из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев. Для сравнения: карельское слово *harakk* обозначает

«сороку, чепец» и шведское *kraka* «чепчик» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III). Заметим, что шведское слово *kraka* обозначает «ворону». Главный аргумент в пользу родства головного убора и известной птицы — это наличие у первого смортьев и хвоста. Известны также наблюдения такого рода: «если смотреть на затылок женщины в этом уборе, все равно, что смотреть на сидящую птицу с подогнутыми крыльями» (Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян. *Slavia*. 1926. Вып. 2). Тем не менее, нельзя упускать из виду, что далеко не все *сороки* внешне напоминали пеструю птицу.

Сороки были разными и по своей конструкции, и по цвету. У них могли отсутствовать птичьи атрибуты: крылья и хвост. Нам представляется, что причина такого названия, возможно, кроется в другом. Со времен язычества на Руси почитался культ птицы, так, например, утка, курица считались оберегом, символом замужней женщины. В день свадьбы молодые ели жареную курицу как залог будущей плодovitости супруги. Птица сорока могла выполнять такую же функцию. Женщине после бракосочетания надевали на голову убор, имеющий зооморфное название, и значит с этого дня добрый дух, поддержкой которого заручились таким образом, как бы брал ее под защиту и обещал большое потомство. То же самое можно сказать и о кокошнике, но об этом позже.

Кроме того, древний славянский костюм имел так называемое ярусное разделение. Головные уборы, естественно, были связаны с солнцем, небом, и поэтому характер орнамента у них отличался от орнамента рубах. На головных уборах присутствовали в композиции орнамента солярные (солнечные) знаки. Птица как раз таковым и была. Вполне вероятно, что элемент в орнаменте повлиял на название всего убора в целом. Тем более, что в качестве аксессуаров к этому головному убору часто использовались подвески из птичьих перьев, пуха. Однако это всего лишь гипотезы, которые требуют подкрепления дополнительными исследованиями.

Г. С. Маслова отмечает интересный факт, что иногда сороку (готовной убор), в которой крылья слились с доньшком, называют *кокошником*. Отсюда ее предположение, что из слияния сороки с кичкой, то есть с твердой основой, мог произойти и *кокошник* (Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX — нач. XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. Т. 31).

Ношение сороки определялось различными жизненными ситуациями. Так, будничная сорока молодой женщины не имела сплошной золотой вышивки, хотя ее отделывали золотой нитью и блестками. Особую сороку носили после родов и в великий пост; вдовья сорока была обычно белая.

Несмотря на то, что *сорока* была более распространена на юге, чем на севере России, слово это считается общерусским. Оно было широко известно в рязанских, смоленских землях, в районах Мещеры. В XVIII веке *сорока* была зарегистрирована как головной убор и в среде нижегородских будаков (майданные крестьяне, некогда приписанные к казенным будным майданам), правда, выглядела она несколько иначе, чем у южан. У будаков *сорока* традиционно надевалась на волосник, но имела такую форму: «оборки с небольшими отростками по бокам передней части», эти отростки назывались «рога», отсюда и название — *сорока с рогами* (Ухмылина Е. В. Название старинной женской одежды нижегородских будаков // Исследования и материалы по русской древнеславянской языковой истории. М., 1975. Т. I. С. 78). Вполне возможно, что в данном регионе одно название имели два совершенно самостоятельных головных убора: кичка и *сорока*, поскольку рогатой в ряде мест делали именно кичку, но на волосник надевалась только *сорока*.

Г. В. Судаков, проследивший распространение данного слова, отметил, что хотя оно и является общерусским, однако на огромной территории бассейна Северной Двины оно было достаточно редким (Судаков Г. В. Старорусская лексика одежды в жанровостиловом и географическом аспектах // Лексическая и грамматическая семантика. Смоленск, 1986). Это еще раз подчеркивает, что *сорока* является составной частью костюма южнорусских женщин в большей степени, чем севернорусских. Тем более, что в среде последних, по свидетельству памятников письменности, *сорока* все больше вытеснялась кокошником.

В отличие от *сороки* кокошник по своему происхождению считается севернорусским головным убором. Но само наименование довольно широко распространено в памятниках южнорусской письменности: воронежских, рязанских. Например: «Восемь кокошников золотных полотняных комского полотна...» (Голубев А. А. К истории бунта Стеньки Разина в Заволожье); «А в сундуке платья и низанья... кокошник низаной с яхонты и с изумруды» (Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1884); «Три кокошника, овленный, два кокошника товтяных, три кокошника метколиных» (ЦГАДА, ф. 406, оп. 1, 4).

Г. В. Судаков считает, что общерусское слово *кокошник*, обозначающее головной убор замужних женщин, превосходит по частоте употребления слово *кика* (примерно та же функция, что и у кокошника). В приведенной им таблице распространения головных уборов *кокошник* одинаково встречается и на севере России, и в средней полосе, и на юге, за исключением Курской области, а также на западе, кроме Дорогобужского района Смоленской области (Судаков Г. В. Лексика старорусского языка. М., 1983). Однако некоторые этнографы считают, что на юго-западе

с центром в Курской губернии кокошники носили, но форма у них была своеобразная: двухгребенчатая или седлообразная (Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. М., 1970).

Интересна этимология слова *кокошник*. М. Фасмер считает, что оно является производным от *кокошь* — курица, петух (Фасмер. Указ. соч. Т. II). В. В. Стасов видит происхождение этого названия от финского *кюкко* — курица (Стасов В. В. Русский народный орнамент. Вып. I. 1872). Существует предположение о византийском или татарском происхождении термина *кокошник*, однако, на наш взгляд, подобное предположение недостаточно основательно.

Общее значение этого слова таково — «старинный русский головной убор замужней женщины» (СлРяз. XI—XVII вв. Вып. 7. 1980). Более конкретно: «женский головной убор, состоящий из очелья или тульи; расширенной сверху и закрывающей волосы». Очелье кокошника вышивалось золотом, серебром, разноцветными нитками и шелком; унизывалось жемчугом или бисером с цветными вставками (Савваитов П. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896).

Главная особенность кокошника — два рога, соединенных «князьком», которые образуют своеобразный гребень. Внутри гребня кокошника часто прячутся волосы, собранные на макушке головы. Одним из самых древних типов кокошника считается тот, у которого прямой гребень сидит поперек головы от уха до уха. Он характеризуется как *ежнорусский*. Считается, что этот тип дал образование украинского *очипка*.

Многие исследователи указывают на то, что кокошник носят только замужние женщины, надевая его сразу со вступлением в супружескую жизнь. В старину девица молилась о своем замужестве в день Покрова: «Покров Пресвятая Богородица, покрой мою буйную голову жемчужным кокошничком, золотым подзатыльничком» (Зеленин. Указ. соч.).

Однако у Даля мы находим такое суждение: «*Кика* и *сорока* носят только замужними.., а *кокошник* носят и девицы» (Даль. Указ. соч. Т. II).

Интересен факт, свидетельствующий о том, что женский головной убор типа кокошника был найден в погребении VII века на территории Тамбовской области, а также на древней глиняной статуе на территории Киевщины (Маслова. Указ. соч.). Такие сведения наводят на мысль о глубокой древности данного головного убора. Кокошник, как и чепец, имел сословную значимость. Если кичка или сорока были именно крестьянскими уборами, и их шили сами крестьянки, то кокошники изготавливались специальными мастерицами. Носили кокошники и купчихи, и дворянки, и горожанки. Делались они из атласа, льна, тафты, меткаля и другого тонкого материала и расшивались золотом, украшались бисером.

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА СТОЛОВОГО ОБИХОДА

Н. И. КОВАЛЕВ, Н. Я. КАРЦЕВА, М. Н. КУТКИНА

Испокон веков на Руси чаепитие, дружеские застолья и пиры были своеобразным проявлением общественной жизни. Поэтому все, что связано с традициями еды,— неотъемлемая и важная часть нашей национальной культуры. Не зная, что пили и ели наши предки, нельзя представить себе их быт наиболее полно. Читая «Князя Серебряного», «Евгения Онегина», «Мертвые души» и другие произведения русской литературы, зачастую бывает трудно понять, о чем же идет речь. Кроме того многие слова нашего обихода имели когда-то иной смысл. В нашем очерке мы попытаемся напомнить некоторые забытые слова столового обихода.

Сырники. Готовят их из творога, а называют *сырниками*. Дело в том, что когда-то наши предки не знали сычужных сыров и называли *сыром* — творог. В. Даль указывает, что *сыр* — южное название творога и поясняет, что «сыром зовут немецкий сыр, выработанный из парного молока».

Когда развилось отечественное сыроварение и продукт этот

вошел в быт народа, появилась необходимость различать творог и сыры. В слове же *сырники* сохранилось старое название творога.

Грибы. Авторы «Домостроя» и других письменных памятников XVI—XVII веков различают *грибы* и *грузди*, *рыжики*. *Грибами* называли только те из них, которые имели горбатую шляпку, а все остальные грибы носили название *губы*. Еще и теперь существует на Урале блюдо *губница* (похлебка из рыжиков, груздей и т. п.). Теперь слово *гриб* получило более широкий смысл.

Пирожное. *Пирожным* называют мелкоштучные кондитерские изделия, а вот И. А. Крылов *пирожником* называл человека, делающего и продающего пироги. Служанка из повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» говорит: «...а пирожное было бланманже синее, красное, полосатое», т. е. называет *пирожным* — желе. Слово *пирожное* прожило долгую жизнь и с годами меняло свой смысл.

В старину «учреждение» русского стола состояло в 4-х подачах; «1) холодных яствах... 4) пирожном» (Лёвшин В. Словарь поваренный. 1795). Существовало и другое слово: *простольник*. Затем в аристократических кругах появилось — *десерт*. Дословно *простольник* — поданное после того, как все убрано со стола. В повести А. С. Пушкина служанка, не знавшая новомодного слова, называет желе по-старинному: *пирожное*, и это вызывало у читателей улыбку.

Тельное. Слово это пришло из глубокой древности. Теперь *тельным* называют только особый вид рыбных рубленых котлет, зраз, а еще совсем недавно так называли все кулинарные изделия, приготовленные из рубленой мякоти (тела) рыбы. На столе наших предков были *судаки* и *щуки тельные* (фаршированные), *тельное в студне* (заливное), *кулебяки тельные* (рыбный рулет) и много других блюд из рубленой рыбной мякоти. Спутники антиохийского патриарха Макария, посетившие Московию, были поражены тем, что во время поста им предложили свиные окорока и жареных кур. Однако выяснилось, что эти блюда были сделаны из рыбного тельного.

Именинный пирог. Народная мудрость гласит *Нет именин без пирога*. Даже сам пирог называли *именинным*. Теперь эта традиция забыта и потеряли свой прежний смысл строчки из «Евгения Онегина»: «Конечно, не один Евгений/Смятенье Тани видеть мог;/Но целью взоров и суждений/В то время жирный был пирог (К несчастью, пересоленный)».

Современные читатели недоумевают — неужели все гости были так голодны, что с нетерпением ожидали пирога...

Пирог был обрядовым блюдом на именинах. С ним было

связано множество примет. Пересоленный пирог сулил Тане слезы и горе (что впоследствии и сбылось).

Пирог играл на столе наших предков огромную символическую роль, и не случайно А. С. Пушкин одно из писем к А. Керн подписал: «Ваш яблочный пирог».

Кисель. Долгую и полную превращений жизнь прожило это слово. До середины XIX века русские люди не умели получать крахмал из картофеля и вместо крахмала использовали отмытый из отрубей — *сулой* — крахмалосодержащий отстой.

Для большинства киселей сулой заквашивали — это и дало название блюду. Часто готовили овсяные и гороховые кисели. Удивительную историю поведал нам автор «Повести временных лет». Некогда печенегі осадили город Белгород, и жители его терпели нужду и страшный голод. Тогда воеводы решили сдать город врагам, но мудрый старец посоветовал не делать этого. По его указанию нашли в подвалах княжеского дворца немного овса и меда. Из овса сварили *цежь*, а из меда сделали *сыту* (развели мед водой). И то и другое налили в бадьи и опустили в колодцы. Затем пригласили печенегов. Те пришли, считая, что речь пойдет об условиях сдачи города, но жители Белгорода достали из колодца *цежь* и *сыть*, слили их в котел, приготовили кисель и стали его есть на глазах удивленных нехристей. Узнав об этом и попробовав принесенный ему парламентарями кисель, хан сказал: «Этот народ нельзя победить — его сама земля кормит». Снял осаду и ушел.

Теперь все знают, что кисель едят холодным, а вот в столовых книгах патриархов московских и других памятниках говорится о киселях горячих и холодных. Такие кисели еще и теперь варят в далеких северных деревнях.

Кисель стал лакомством — сладким блюдом, а некогда это была любимая русская еда.

Толковые словари поясняют, что кисель — студенистое жидкое блюдо (Ожегов С. И. Словарь Русского языка. М., 1970), а в сказках говорится о кисельных берегах и молочных реках. Любили наши предки не жидкие, а густые кисели, которые можно было резать ножом. Вот о таких киселях действительно можно было сказать кисельные берега.

Нелепое слово. Торговые работники и товароведы придумали термин *субпродукты*. Русские же слова, обозначавшие разные продукты, получаемые при убое скота, почти совсем забыты. Еще совсем недавно существовала особая терминология для их обозначения:

гусачек — неразделенное легкое и горловина;

осердьё — неразделенное легкое, горловина и сердце;

сбой — ножки, головы, хвосты, уши и губы;

потроха — кишки, желудки, почки, печень.

Замена этих понятий одним словом *субпродукты* не только обеднила наш словарный запас, но и создала много трудностей.

Карасики и другие пирожки. Уходят из нашего быта вместе с названиями и сами блюда, украшавшие столы наших предков. Когда-то цари и бояре, крестьяне и горожане лакомились *карасиками*. Это треугольные пирожки из пресного лапшового теста с разными начинками.

Карасики пряжили — жарили в растительном масле. Эти румяные мелкие пирожки напоминали золотистых жареных карасиков.

Расстегаи сохранились до наших дней, но позабыты названия их разновидностей: мелкие закусочные *новотроицкие* и большие нарезные *московские* расстегаи.

Кулебяка на четыре угла. Слово *кулебяка* по мнению В. Даля происходит от древнерусского глагола *кулебячить* — сворачивать, мять в руках. Вот как описывает Н. В. Гоголь *кулебяку на четыре угла*: «Да кулебяку сделай на четыре угла. В один угол положи ты мне щеки осетра да визигу, в другой запусти гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молоко сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там всякого...»

Начинка в такой кулебяке укладывалась в виде четырех клиньев (слож), разделенных блинчиками.

Завтрак у Коробочки: «...на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припеккой с лучком, припеккой с маком, припеккой с творогом, припеккой со сметочками, и невесть чего не было».

Теперь читателям надо объяснить, что *скородумки* — оладьи или пышки, приготовленные «на скорую руку» на соде и кислом молоке; *шанишки* — особые пышки с «намазкой» из сметаны с мукой или каши; *пряглы* — пышки «пряжные», т. е. жареные в жире. Многие не знают и что такое *припека*. В. Лёвшин писал в 1795 году: «Блины с припекою называются, когда испеченный блин, не снимая со сковороды, намазать с одной стороны творогом с яйцами стертными и прижарить в пылу».

Делали блины и пышки и с другой *припекой*.

Загадочное блюдо. В письменных памятниках начиная с XVI века часто встречается блюдо со странным названием *таврэнчук* (иногда *тарэнчук* и даже *варенчук*). Толковые словари поясняют, что это русское рыбное блюдо. Однако еще И. Забелин заметил, что название это, вероятно, тюркского происхождения. Действительно, тюркологи установили, что в основе названия лежит корень *тагран*, что значит рубить, и даже есть у некоторых тюркоязычных народов похлебка из баранины *тагранчук* или в

русской транскрипции *тавранчук*. Рыбных же блюд эти народы не знали.

У жителей Нижнего Дона и теперь существует похлебка из баранины *тагранчук*. После крещения Руси церковь ввела строгий режим постов, и постных дней было более 240. Вот тогда и появился — рыбный *тавранчук* (обычно из осетровых рыб).

Кундюбки. Еще в XIX веке готовили у нас *кундюбки* или *ушки* из пресного теста с мясной начинкой, которые выпекали в русских печах, а затем клали в зеленые щи или грибной суп. Делали их из пресного, тонко раскатанного теста.

Калья. Не так давно появились у нас *рассольники*. Прототипом их была *калья* с солеными огурцами или солеными лимонами. Это о ней И. С. Шмелев писал с восторгом: «А *калья*, необыкновенная *калья*, с кусочками голубой икры и маринованными огурчиками...». Некогда *калья* была украшением стола не только московских государей, но и простых горожан.

Няня — свиной желудок, начиненный кашей, мозгами, мякотью со свиных ножек. Такой *няней* угощал Собакевич Чичикова. Подавали ее к щам из квашеной капусты.

Сальник. Одним из самых дешевых и любимых простым народом блюд вплоть до XX века был *сальник*. Гречневую кашу смешивали с жареным луком, рубленой печенью, заворачивали в *сальник* (покрытую жиром перепонку-диафрагму) и жарили. *Сальниками* торговали в особых *обжорных рядах* на городских рынках. Было много разновидностей *сальников*.

Попадьин пирог. Так называли пироги или пирожки с разными начинками, завернутые в блинчики или переслоенные ими. Готовили их с рублеными яйцами. В деревнях существовал обычай одаривать священников на Пасху вареными яйцами. Их было так много, что *попадьи* использовали их для разных кулинарных целей, отсюда и название пирога.

Бобки. Много блюд умели делать на скорую руку наши бабушки. Одно из них *бобки* — пресное тесто (лапшовое) раскатывали жгутом, нарезали кусками и варили в молоке. У европейцев аналогичное блюдо называлось *суп с клецками*.

Киевское варенье. У Лескова и многих других писателей прошлого века упоминается *киевское варенье*, и мало кто знает теперь, что это сваренные в сиропе на меде, а затем просушенные ягоды, т. е. сухое варенье.

Коливо. «... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то коливо», — пишет И. Шмелев. *Коливом* называли сладкую кашу из целых зерен пшеницы, риса (его в старину называли *пшено сарацинское*) или крупной ячневой крупой со сладким медовым сиропом (сытью) и сушеными фруктами.

Гречневики (грешники). Для их приготовления варили вязкую

гречневую кашу, добавляли конопляное масло или лук, обжаренный на растительном масле, раскладывали слоем, после застывания резали на кусочки и обжаривали. Вл. Гиляровский пишет: «На мостовой перед палатками ходили пирожники, блинники, торговцы гречневиками, жаренными на постном масле». И. С. Шмелев вспоминал о них: «... а „грешники“ с конопляным маслом, хрустящей корочкой, с теплой пустотой внутри».

Жаль, что все это забыто!

Каравай. Современные толковые словари дают определение слову *каравай* — большой круглый хлеб. Однако слово это имеет и другие значения:

1) Украшенный особый свадебный хлеб. До сих пор в некоторых южных районах существует «каравайный обряд»: особо выбранные женщины-каравайщицы собираются и пекут такой хлеб, сопровождая работу игровыми песнями.

2) В старых поваренных книгах можно найти описание караваев, выпекаемых в виде куличей из жидкого теста.

3) Наконец, караваем называли выпечные изделия из каш, которые позднее стали называть *бабками*, а затем *пудингом*.

С ним каши не сваришь. Выражение *с ним каши не сваришь* имеет свою любопытную историю. Арабский путешественник Ибн-Фатлан (XI век) писал, что у русичей существует обычай при заключении мирного договора варить кашу вместе со своими бывшими врагами.

Жених и невеста варили вместе кашу, и без этого брачный союз был недействителен. Даже сам брачный пир называли *кашей*. Этому обычаю придавалось такое значение, что, как сообщает летопись (1239), Александр Невский, вступая в брак: «венчав в Торопце ту (там. — *Ред.*) кашу чинил, а в Новгороде другую». Очевидно, князь решил, что от этого брачный союз будет крепче.

Когда же женился Дмитрий Донской, он взял в жены дочь нижегородского князя, и по обычаю должен был варить кашу в доме невесты. Однако род отца суженой был менее знатным, и князь Дмитрий заупрямился. Долго спорили, и решено было варить кашу на полдороге между Москвой и Нижним Новгородом — в Коломне. Так что слово *каша* для наших предков имело более глубокий смысл.

Читая Пушкина. Казалось бы, каждая строчка, каждое слово, написанные великим поэтом, были изучены. И все же нет-нет да ставят учителя в тупик вопросы дотошных учеников о том, что значит «яичницу свари» (не пожарь!), «Страсбургский пирог нетленный» и др.

Яичницу свари. Яичницу-глазунью трудно было жарить в русской печи. Поэтому старая крестьянка в Захарове *варила* для Александра Сергеевича деревенскую яичницу, и в письме к

Соболевскому он пишет: *яичницу свари*. Орган зрения в старину называли *око*, а не *глаз*, поэтому и названия *глазунья* в древней Руси не было.

Страсбургский пирог нетленный. Паштетные лавки появились в России лишь в середине XIX века, а до этого привозили из Франции (Страсбурга) запеченные в тесте паштеты. После выпечки между тестом и начинкой наливали раскаленный свиной жир.

Винегрет. В меню Евгения Онегина были и *волован*, и *винегрет* (черновые наброски к роману). *Винегрет* А. С. Пушкин ставит рядом с изысканным французским *пирогом* (*волованом*) из слоеного теста. Бунин в рассказе «В Париже» пишет, что посетителю одного из ресторанов предложили *салат русский*, делая примечание, что там так называют винегрет. Раньше винегрет готовили из жареной дичи, каперсов, оливок, соленых груздей, маринованных грибов, мясного желе, заправки с оливковым маслом, соленых огурцов. О таком винегрете и пишет А. С. Пушкин. Во всем мире это блюдо называют *русским салатом*. *Винегретом* (от французского слова *винегр* «уксус») этот салат окрестили работавшие в России французские повара.

Читая А. К. Толстого. В романе «Князь Серебряный» перечислены блюда, подававшиеся на пиру у Ивана Грозного, и среди них *жареные лебеди*, *кулебяки*, *курники*, *блины*, *оладьи*, *калья с лимоном*, *верченые* (жаренные на вертеле) *почки*, *караси* (пирожки) *с бараниной*, *огромные вареные рыбы*, *зайцы в лапше*, *жареная дичь...*, *ухи разных видов*.

Название это теперь имеет только единственное число, а в старину были *ухи рыбные*, *куриные* и *звериные* (из дичи), *желтые* (с шафраном), *черные* (с гвоздикой и перцем), *белые* с луком, *горячие* и *холодные* (застывающие, как желе, и «остуженные»), *с телом* (кусками рыбы), *с тельным*, *с толченцами* (рыбными клецками), *щипаные* (с вяленой рыбой). Если же учесть, что эти *ухи* варили из самых разных рыб (судаков, плотвы, карасей, лещей, налимов, пескарей, осетров, стерляди, с отваром из сметков и т. д.), то можно себе представить, насколько они были разнообразны.

Слово *уха* (*ухи*) можно считать общеславянским: в сербско-хорватском языке — *юха*, по-украински — *юшка*. По мнению лингвистов, восходит оно к индоевропейскому корню.

Санкт-Петербург

СЛОВНИК СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

А. В. СУСЛОВА,
кандидат филологических наук

Собранный мною в Петербурге по различным документальным источникам, а также по материалам печати «Словник современных русских фамилий» представляет собой алфавитный перечень двадцати тысяч фамилий. Его можно назвать небольшим, так как подобных фамилий еще множество, в частности, образованных от русских православных имен, которые иноязычны по происхождению. Но в нем достаточно материалов, чтобы охарактеризовать состав русских современных фамилий.

Удивительное чувство возникает при знакомстве со словником, несмотря на то, что это обычный перечень фамилий, кажется, что читаешь историю народа во всей его многоликости. Ведь история — это не только события и даты, но и дух, и судьба народа, и отношение людей друг к другу, к окружающему миру. Читая подряд фамилии этого, относительно небольшого словника, чувствуешь себя в гуще народа, испытываешь ощущение большой теплоты от его близости и невольно начинаешь думать о своих предках, хотя словник включает только фамилии наших современников. Но ведь современность зиждется на далеко уходящих в глубь истории началах!

В основах фамилий закрепились именованья самого различного характера — это древнейшие формы личных имен наших предков — прозвания и прозвища, дававшиеся новорожденным по внешнему виду, времени рождения и другим признакам, это прозвания и прозвища взрослых в связи с их положением в обществе, характером поведения, местом происхождения. Именно поэтому словник читается, как книга, как сказочный мир нашего прошлого.

Известно, что основным источником семейных именованний не только у русского, но и у других народов являлось личное имя — это главное слово, с которого начинается знакомство с человеком. Личные именованья людей имеют древнейшую историю. Имя сопровождает человека на протяжении всей его жизни.

Основная масса личных имен у современного русского населения восходит к иноязычным основам. Византийский именослов, включавший греческие, еврейские, древнеримские и другие имена, вливался в наш язык после Крещения Руси. Будучи иноязычными,

непонятными по смыслу, эти имена противоречили существовавшему в те времена порядку именования у народа, и поэтому очень ограниченно употреблялись в быту, чаще всего в прозваниях по отцу, которые и перешли затем в разряд фамилий. Этот процесс, естественно, не мог быть единовременным — для этого потребовались столетия. Интенсивное применение в быту христианских личных имен следует отнести только к послепетровскому времени.

В то же время на Руси продолжали использоваться свои, самобытные имена, прозвища и прозвания, образовавшиеся от понятий и слов родного языка за весь предшествующий период его существования.

Особой системы именования людей в Древней Руси не существовало, был лишь принцип обращения к окружающей человека среде, к его языку, из которого черпались слова для выражения эмоций, связанных с появлением на свет человека, а затем для обозначения его личности в связи с местом рождения, происхождением, родом занятий. В состав этих именований вошли все виды русской лексики, включая топонимы и этнонимы. Ребенка могли назвать *Меншутка*, *Ушко*, *Третьяк*, *Зайка*, множество имен с основами *мил-*, *миз-*. Особое место занимали так называемые охранные имена, такие, как *Безобраз*, *Неклюд*, предохраняющие ребенка от «порчи» и «сглазу».

Взрослым присваивались прозвища и прозвания в связи с их положением в обществе и поведенческой характеристикой как личности. Вся эта лексика, употреблявшаяся в далекие от нас времена в виде личных имен и прозвищ, переходила в прозвания по отцу (отчество), затем в общесемейное именование (фамилии), которые со временем закрепились в паспортных формах современных фамилий.

Большую часть населения России к началу XX века составляло крестьянство. Оно, как правило, не имело в быту того порядка именований, который наблюдался в городах, где существовала паспортная система. В большинстве случаев за основу фамилии бралось название населенного места, родового прозвания первопоселенца или его племенного обозначения, либо название поселения по какому-нибудь его отличительному признаку. Каждая отдельно живущая семья имела дополнительное прозвание. Во время рекрутских наборов или при переезде крестьян в города эти деревенские именования записывались в документы и паспорта вместе с христианским именем и отчеством с традиционными суффиксами, превращаясь таким образом в современные фамилии.

Интереснейший материал по именованиям предков собрал в своей книге «Ономастикон» С. Б. Веселовский. В ней приводятся

некоторые любопытные данные, связанные с историей современных русских фамилий. Из примеров видно, что крестьяне прошлого были иногда носителями лишь одного прозвищного именованья: «*Верзило*, крестьянин, 1499 г., Владимир; *Коротыга*, крестьянин, 1546 г., Новгород», либо прозвище с дополнительным именованием такого же характера: «*Семашко Варовица*, крестьянин, 1495 г., Новгород». Также христианское имя с дополнительным прозвищем или прозванием: «*Михаил Борзик*, крестьянин, 1495 г., Новгород; *Петр Моторов*, крестьянин, 1564 г., Олонец» или древнерусское имя с дополнительным прозванием от христианского имени: «*Ненаш Мотрахин*, пушкарь, 1625 г., Зарайск».

Встречаются именованья и с двумя дополнительными компонентами разного характера: «*Ванта Никулин Бучнев*, крестьянин, 1564 г., Олонец; *Иван Арбуз Дермель*, крестьянин, вторая четверть XV в., Углич». Почти все эти именованья числятся в основах современных фамилий: *Верзилин*, *Коротыгин*, *Семашко*, *Борзиков*, *Моторов*, *Ненашев*, *Бучнев*, *Арбузов*.

Князья, бояре, служилые люди чаще всего имели личные христианские имена с прозвищем, иногда с дополнительным к нему прозванием: «князь *Дмитрий Васильевич Кропотка Смоленский*, начало XV в.; князь *Василий Константинович Краса Оболенский*, конец XV в.; *Борис Федорович Вепрь Фоминский*, боярин, вторая половина XIV в...»

Встречались также образования, ничем не отличающиеся по своей форме от современных трехчастных именованья: «*Федор Васильевич Кунаков*, дьяк, 1630 г., Мещера; *Иван Ильич Кренин*, писец, 1562 г., Обонежье; *Владимир Гаврилович Зверев*, судья, 1497 г.». Все они отражены в современных фамилиях: *Кропоткин*, *Оболенский*, *Смоленский*, *Вепрев*, *Кунаков*, *Кренин*, *Красин*, *Зверев*.

Из примеров видно, что строгой системы именованья раньше не было, она образовалась позже, в связи с указом Петра I, предписывавшего включать в документы полные христианские имена и отчества при фамильных прозваниях. Позже, даже в XX веке, в паспорта и удостоверения вносились иногда фамилии, представлявшие собой первоначальные родовые именованья в формах прозвищ и прозваний.

В практике именованья новорожденных у наших предков, кроме сложности восприятия иноязычных христианских имен, была еще одна веская причина, которая заставляла прибегать к прозвищам — это частая повторяемость в церковных календарях одних и тех же, наиболее простых в произношении, личных имен: *Иван*, *Василий*, *Михаил*, *Петр*, *Федор*. Приводим, для понимания этого, пример из «Ономастикона» С. Б. Веселовского: «князь *Иван Федорович Ярославский* по прозвищу *Засека*, XV век, у него сын князь *Иван Иванович Жировой-Засекин*, конец XV века.

У него сыновья: князь Иван Иванович *Балакирь Жировой-Засекин*, 1510 г.; князь Михаил Иванович *Мухорт Жировой-Засекин*, начало XVI в.; князь Иван Иванович *Ноздрун Жировой-Засекин*, начало XVI в.; князь Иван Иванович *Шустик Жировой-Засекин*, начало XVI в.; князь Дмитрий Иванович *Шишлан Жировой-Засекин*, начало XVI в.; князь Иван Иванович *Обода Жировой-Засекин*, начало XVI в.». В данном примере видно, что без прозвищ обойтись было невозможно, причем прозвище *Засека* превратилось в семейное именование уже во втором поколении, прозвище отца *Жировой* — в третьем поколении также стало отчеством при общем фамильном именовании *Засекин*.

Все эти прозвища и прозвания также вошли в состав современных фамилий: *Засекин, Жировов, Балакирев, Мухортов, Ноздрунов, Шустиков, Шишланов, Ободин*.

В основах фамилий встречаются образования от многих частей речи, даже междометий и частиц (*Каюков, Нехаев, Ахов, Пожалостин*), букв и буквосочетаний (*Ге, Де, Им, Ро, Е, Су, Эм*).

В основах фамилий очень часты названия предметов быта и форм жизнедеятельности со всеми их атрибутами, которые являются ценнейшим материалом для историков и этнографов. Поним мы знакомимся со многими неизвестными явлениями прошлого. Мы слышим в фамилиях *Рокотов, Ручьев, Сверчков, Суховеев, Туманов, Филинов* — живую природу России; в фамилиях *Волгин, Жигулин, Неводов, Самарин, Севрюгин* — нашу обширную речную волжскую систему с ее промыслами; в фамилиях *Баянов, Балалайкин, Гуслин, Дудолодов, Запезалов* — песенную и музыкальную Русь. А кто эти наши предки: *Бочкарев, Гончаров, Кузнецов, Иконников, Кожевников, Колесников, Шорников, Хомутов, Дегтярев*, — не то ли это крестьянство, из которого мы все вышли и которое мастерило и кормило нас в течение прошедших столетий!

Имеющийся в нашем распоряжении словник содержит около 20 тысяч современных русских фамилий, образованных от слов русского языка, употребляющихся ныне и существовавших в прошлом.

Словник состоит из двух частей: в первую часть включены «стандартные», т. е. обычные для основной части населения, фамилии с их традиционными суффиксами *-ов — -ев, -ин — -ын, -ский — -цкий* и другими (подобные суффиксы указывают на связь носителя фамилии с его предками через родительный падеж — *чей, кого, откуда*). Во вторую часть вошли фамилии, не имеющие стандартного суффикса и представляющие собой чистую основу. Нестандартных фамилий у русского народа значительно меньше. Их число, как было уже сказано, особенно сократилось в конце XIX и в начале XX веков. То же произошло

и в связи с выдачей документов во время гражданской войны, а также при массовом переселении сельских жителей в города, особенно в связи с коллективизацией сельского хозяйства в стране. С паспортизацией городского населения в 1936 году и всеобщей паспортизацией населения в 1976 году оформление фамилий условно закончилось, оставив нестандартные фамилии в качестве языкового наследия прошлого. Именно этот разряд фамилий сохранил свой древний характер.

Отбор фамилий для словника осуществлялся по юридически значимым документам нашего времени, независимо от лексического значения и стилистической направленности. В словник не включены фамилии, образованные от христианских личных имен, как иноязычные по происхождению и органически не связанные с русской лексикой. Учтены лишь те из них, которые были в употреблении до реформы патриарха Никона, либо омонимичные словам русского языка. Включены фамилии, образованные от топонимов, хотя последние и являются вторичными, образованными в свою очередь от имен тех, или данные теми, кто основал поселение.

Тематику слов-основ, от которых образовались некогда современные фамилии, перечислить невозможно из-за широты охвата лексики. Однако есть такие разряды понятий, которые включают десятки и даже сотни слов. К ним, например, относятся именованья из окружающей человека среды: названия птиц, природных объектов, бытовой лексики, например древние внутрисемейные имена, слова с негативной семантикой основ.

Солидный перечень таких имен был опубликован в книге «Ономастика. Типология. Стратиграфия» (М., 1988). Здесь мы даем дополнительно образцы фамильных записей во Дворце «Малютка» города Санкт-Петербурга, 1970—1980 годов.

Далее приводятся выборки из словника по отдельным темам.

*Фамилии, образованные от древнерусских
внутрисемейных личных имен*

Шестерина (от *Шестеря* — шестой ребенок в семье); *Першин* (от *Перша* — первый ребенок в семье); *Семагина* (*Семага* — седьмой ребенок в семье); *Четвертенков* (*Четвертенок* — четвертый ребенок в семье); *Старшов* (*Старшой* — старший в семье); *Меншун* (*Меншун* — меньший в семье); *Меншуткина* (*Меншутка* — то же значение); *Толстик* (*Толстик* — ласкательное слово-имя).

Многие из подобных личных имен имели сокращенную форму с конечным суффиксом *-ка* — *-ко*, придававшим имени звательную форму: *Рыжко* — *Рыжков*, *Жучко* — *Жучков*, *Пятко* — *Пятков*, *Комарко* — *Комарков*.

Насколько все эти внутрисемейные именованья были распространены, может свидетельствовать число фамилий, образованных от них: в словнике значатся 33 разных формы фамилий от основы *-мил-*, 22 фамилии от имени *Поздей*, 38 фамилий от основы *-сем-*, например, *Семак*, *Семуша*, образовавших фамилии *Семаков*, *Семушин* и другие.

*Фамилии, образованные от названий частей
человеческого тела*

Тело, Фигурин, Спинин, Хребтов, Бок, Боков, Ребро, Ребрин, Ребров, Позвонков, Плечев, Плечов, Рука, Рукин, Локоть, Локтев, Пяткин, Ладонин, Нога, Ногин, Колено, Коленов, Коленкин, Пятин, Пясткин, Бедро, Палец, Пальцев, Суставов, Ступнин, Грудев, Грудина, Грудин, Сердцев, Желудков (от Желудок и Желудок), Печень, Печенев, Брюхов, Брюшинин, Животов, Кишка, Кишкин, Задов, Почкин, Железин, Жила, Жилин, Копчиков, Мошонкин, Пазухов, Волос, Волосов, Локонов.

Голова, Головин, Череп, Черепов, Мозгов, Лбов, Лобов, Висков, Лицев, Рожа, Рожин, Рылов, Щека, Щекин, Бровин, Глаз, Глазов, Нос, Носов, Ноздря, Ноздрин, Губа, Губин, Рот, Ротов, Ртов, Ухо, Ухов, Ушин, Борода, Бородин, Шеев, Горлов, Глоткин, Кадыков, Зуб, Зубов, Языков.

Кроме перечисленных фамилий от этих же основ образовалось множество других форм: ласкательных, сокращенных и пр.: *Головкин, Головкин, Головушкин, Лобиков, Щечкин, Бровкин, Личиков, Глазунов, Глазков*. От основы *-нос-* — образовалось 17 фамилий, от основы *-зуб-* зарегистрировано 22 фамилии. От многих основ образовались также звательные формы с конечным суффиксом *-ко-*.

Фамилии, образованные от слова куд

Слово *куд* означает колдовство. Колдовство, заговоры были весьма распространены в сельских местностях до того, как там появились лекари и фельдшера. Однако и после их появления там многие шли за советами к знахарям. Их звали, судя по фамилиям: *Кудаев (Кудай), Куданов (Кудан), Кудапин (Кудана), Кудасов (Кудас), Кудачников (Кудач), Кудачкин (Кудачка), Кудашин (Кудаши), Кудесов (Кудес), Кудесников (Кудесник), Кудачков (Кудак), Кудиров (Кудир), Кудишин (Кудиша)*.

Приведенные в скобках прозвища своим разнообразием форм указывают на то, что это было весьма распространенное в народе явление. Естественно, что знахари в разных местах звались по-разному, отсюда можно сделать вывод, что названия, приведенные в скобках, зависели от характера говора той местности, где они возникли.

*Фамилии, образованные от названий племен и народов
Древней Руси и ее окружения*

Башкирин, Башкиров, Башкирцев (башкиры); Весев (весь); Влахов, Волохов (влахи); Воднев (воть); Вотинов, Вотинцев, Вотяков (вотяки — удмурты); Емец, Емцев (емь); Зырянов (зыряне), Комин (коми-пермь, печора), Лопарь, Лопарев (лопари, лопь); Марецкий, Мариев, Маринов (мари); Меренов, Меренищев, Мерецков, Мерян(меря); Мокшанцев (мокша); Радимов(радимичи); Сумцов (сумь); Торкин, Торейкин (торки); Цыган, Цыганков, Цыганок, Цыганов, Цыганкин (цыгане), Чудин, Чудинов (чудь) и другие.

Спорность отдельных решений законна, однако опровергнуть происхождение образования фамилии *Емцев* от *емь*, а фамилии *Емцов* от нарицательного *емец* — трудно. То же с фамилиями *Мерен* и *Меренов* — от *Мерен*, т. е. представителя племени *меря*, а *Меринов* — от нарицательного *мерин*, т. е. от прозвища. Кроме того, историческая обоснованность причисления всех этих именований к Древней Руси, не всегда верна.

*Фамилии, отражающие способы передвижения
(возница, транспортные средства, снаряжение)*

Бричкин, Бубенчиков, Буланов, Вейкин, Возжин, Вороной, Выпряжкин, Гнедаш, Гужев, Двуколкин, Извозчиков, Кауров, Кнутов, Колесников, Линейкин, Лихачев, Обозов, Овсов, Оглоблин, Поводов, Подпружников, Полозов, Попонов, Пролеткин, Рысаков, Саврасов, Санин, Хлыстов, Шорин, Шорников, Ямщиков и другие.

В наши дни во Дворце «Малютка» Санкт-Петербурга зарегистрированы фамилии новорождённых: *Сбруев, Хомутова, Одров, Кучерова, Хлыст, Каретников, Оглоблина, Коняхин, Коневалова, Коннова, Конякина, Хомутинникова, Ямщикова.*

Эмоциональное восприятие окружающего мира порождает иногда новые формы слов, что и присуще образованию прозвищ. При помощи суффиксов от слова *конь* образовались именованья людей: *Конь, Коняга, Коняха, Коняша* (возможно в основе и личное христианское имя *Конон*). От слова *глаз* найдено девять форм прозвищ: *Глаз, Глазан, Глазач, Глазей, Глазун, Глазыря, Глазатой/ый, Глазиха, Глазко*. Именно фамилии дали возможность их обнаружить.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

И́стра. Город в Московской области. Название дано по одноименной реке — *Истре* (*Малая Истра*), на которой стоит город. В прошлом — это село *Воскресенское* по названию близлежащего монастыря, основанного в XVII веке патриархом Никоном. См. *Истра* (*Большая Истра*).

и́стринцы, и́стринец, и́стринка

и́стринский, -ая, -ое

И́стра (*Большая Истра*). Левый приток Москвы-реки. Происхождение названия спорно. Практически все исследователи видят в основе его индо-европейский корень *sr-* «река» (Никонов. Указ. соч.), развивший в славянских, балтийских, германских и фракийском вставное *t* и превратившийся в *str*. Он широко представлен в европейской гидронимии и гидрографической терминологии: реки *Истрос* (древнее название Дуная), *Днестр*, *Стрый*, *Струма*. *Истра* — в Латвии и Литве и др., а также *стремнина*, *стрезень*, *струя* и т. д.

Некоторые современные исследователи (Топоров. «Baltica» Подмосковья) связывают подмосковную *Истру* с балтийской гидронимией. Интересное предположение сделал Е. М. Поспелов (Топонимика Московской области. М., 1983), о собственнорусском развитии *str* в *Истр(а)*. Он считает, что гидроним носит протетический характер по аналогии со *Стобна*—*Истобна*. Это поддерживается фонетическими особенностями диалектов данной территории, где

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4—6; 1995. №№ 1—6.

наблюдается развитие протетических гласных: *ржаной* > *аржаной*, *иржаной* и др. Аналогичное развитие он видит в таких названиях как *Осетр*, *Сестра*, что не имеет под собой достаточных оснований.

Наличие в XIV веке формы *Истерва*, которую приводит Никонов со ссылкой на Соболевского, обнаружившего ее в московских документах, дает ему основание связывать ее с прибалтийско-финским термином *jarvi* «озеро». Но скорее всего, эта форма обязана особенностям освоения ее местными финноязычными народами и не больше. Пока в источниках форму *Истерва* обнаружить не удалось.

Гидроним *Истра* имеет такие варианты: *Большая Истра*, *Истрица*. *Испра* (видимо, результат опечатки в писцовой книге); притоки Истры: *Истрица* (*Истрец*), *Истра Малая* (*Малая Истрица*, *Истрец Малый*; *Истреца Малая*).

Ичалки (Ицяло). Село в Нижегородской области. По мнению Л. Л. Трубе, в основе названия мордовское личное мужское имя *Ичалка*, который получил здесь землю от Ивана IV за то, что провел через леса его войско во время похода на Казань в 1552 году. К антропонимическому объяснению склонен и Инжеватов: *Ичал* (*Ицял*) — имя первопоселенца (Инжеватов. Указ. соч.). Несколько мешает принятию этой версии название реки *Ичалка*, на которой стоит село и которое, видимо, первично и, скорее всего, не антропонимического происхождения.

ичаловский, -ая, -ое и ичалковский, -ая, -ое

Кадницы. Село в Нижегородской области на Волге. Самое простое объяснение названия от *кадник* «мастер, изготавливающий кадки, бондарь» или *кадница* «место (селение), где изготавливали кади». Но при этом нельзя не учитывать финно-угорское *кад* «топь, трясина», хотя при этом трудно объяснить принцип номинации. Ср. река *Кадь* (Кад) в болотистых верховьях реки *Пры* в Рязанской Мещере.

каднинцы, каднинец, каднинка

каднинский, -ая, -ое

Кадам. Рабочий поселок в Рязанской области. Расположен на реке Мокше у озера Кадомец. Трудно сказать, что в данном случае первично — название озера или селения, поскольку водный объект часто приобретает уменьшительную форму в том случае, если «дает свое имя» селению, возникшему на его берегах. В основе названия, вероятно, финноязычный апеллятив *кад* «топь, зыбун, трясина», известный в коми языке (Мурзаев. Словарь народных географических терминов). Такое объяснение подкрепляется тем обстоятельством, что Кадам находится в болотистой Мещере, где и река *Кадь* (Кад) в верховьях *Пры*, притока *Оки*. А. И. Попов связывает топонимы на -дом с мерянским *едом*, *одом*, которые, по его мнению, означали какой-то вид уголья. В подтверждение он приводит известные в

северных русских диалектах слова *эдома*, *едома*, *едма* с неопределенным значением «отдаленное место», «отдаленный лес», «лесок около селения» (Попов А. И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974). Попытка объяснить название из финского *katomaa* «оставшаяся земля» в смысле «остающаяся сухой, незатопленной во время весеннего разлива рек» (Никонов. Краткий топонимический словарь) опровергается приведенной далее пословицей.

кадомцы, кадомец и кадомчане, кадомчанин, кадомчанка
кадомский, -ая, -ое

Кадомцы — сомятники, сома в печи поймали. Это обстоятельство связано с тем, что Мокша во время разлива настолько сильно затопляет дома жителей, что под водой оказываются печи. Однажды якобы с такой водой в печь попал сом, а выбраться оттуда не смог. Вода сошла, а сом остался в печи.

Кадый. Рабочий поселок в Костромской области. Не исключено, что в основе названия финноязычный апеллятив *кад* «топь, трящина, болото», известный в финских языках Европейской части России. См. *Кадницы*, *Кадам*.

кадыйцы, кадыец, кадыйка
кадыйский, -ая, -ое

Кажло́дка. Эрзянское село в Мордовской республике, в прошлом имевшее другие названия — *Кажлотка*, *Никольское*. Первое соотносится с апеллятивом *каж(ела)лотка* «холодный, как лед, овраг», «холодная родниковая речка». Это подтверждается записью в документе 1674 года о том, что земля, на которой основывается село, находится у болота Кажлятки и реки Студеной (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР). Второе название — *Никольское* — по храму в честь святого Николы (Николая), возведенному в селе. Этот принцип номинации — по храму — широко распространен в Центральной России и позже был перенесен русскими переселенцами в Зауралье и в Сибирь. В середине XIX века поблизости от этого села были деревни Большая Кажлодка (Гальцовка) и Малая Кажлодка (Зарубаты).

кажло́дковский, -ая, ое и кажло́дский, -ая, -ое

Казинка. Поселок в Липецкой области. Название, видимо, антропонимического происхождения — по фамилии *Казин*, но известные по всему Поочью гидронимы *Казин*, *Казина*, *Казинка*, *Казиновка* не дают полной уверенности в этом предположении.

кази́нцы, кази́нец
кази́нский, -ая, -ое

Кайма́р. Русское село в Мордовской республике. В XIX веке это выселок *Каймар* (*Шаверский*). В. К. Инжеватов приводит

мнение В. О. Ключевского, который считал, что *каймары* — это черемисы в марийском языке. Они были вытеснены в Вятскую губернию и там основали село с таким же названием. *Шаверский* — по соседнему селу Шаверки, выселком из которого является село Каймар. Топоним *Шаверки* соотносится с мокшанским *шазаерьхе* «обмелевшее, высохшее озеро», т. е. *Шаверки* — селение, основанное около такого озера (Инжеватов. Указ. соч.).

кайма́рцы, кайма́рец

кайма́рский, -ая, -ое

Калач. Город в Воронежской области. Существует несколько версий о происхождении этого названия: первопоселенцы ставили дома кругом, в виде калача; от *калача* — названия круглого хлеба; от татарского *кала* «крепость» и др. Более реальным надо считать то обстоятельство, что город находится у крутой излучины русла реки Толубеевки при слиянии ее с Подгорной. Это дает основание считать, что в основе топонима народный географический термин *калач* (из *колач*) «крутая излучина реки», «кольцеобразная старица в пойме реки», «озерко круглой формы, напоминающее калач». Этот апеллатив широко распространен в русских диалектах, а в гидронимии представлен довольно компактным ареалом в бассейне Дона и в Саратовском Поволжье (ср. город *Калач* в Волгоградской обл.), откуда был перенесен переселенцами в Сибирь. Как название белого хлеба круглой формы *калач* известен во многих славянских языках (Фасмер. ЭСРЯ). Как географический термин он не зарегистрирован в некоторых славянских языках, но вычленяется из гидронимов, например в бассейне Вислы: *Kořaczka*, *Kořaczbowa Rzeka* (*Hydronimia Wisły, cz I. Warszawa — Kraków — Wrocław. 1965*).

кала́чинцы, кала́чинец, кала́чинка

кала́чинский, -ая, -ое

Калининград (1938). Город в Московской области. Название дано в честь М. И. Калинина (1875—1946), советского государственного и партийного деятеля, председателя Президиума Верховного Совета СССР с 1938 по 1946 годы.

калинингра́дцы, калинингра́дец, калинингра́дка

калинингра́дский, -ая, -ое

Калиновка. Название трех селений в Мордовской республике — эрзянский поселок, мокшанская и русская деревни. Все три названия даны по зарослям (кустарникам) калины поблизости от этих селений. В республике есть еще эрзянский поселок *Калиновка Мордовская*, в названии которого содержится слово, уточняющее этнический состав населения. Топоним *Калиновка* широко известен по всей Центральной России. В основе его слово *калина*,

известное в памятниках древнерусской письменности с XII века в значении «ягоды, плоды калины» (СлРяз. XI—XVII вв.).

калиновцы, калиновец

калиновский, -ая, -ое

Калуга (1371). Город, центр Калужской области. Существует несколько версий о происхождении этого названия (Никонов. Указ. соч.). Наиболее вероятной надо считать ту, которая соотносит его со словом *калуга*, имеющим разные значения в русских диалектах и славянских языках: «топь, болото», «поемный луг, пойма, пожня», «большая лужа», «лужа после дождя» и др., а также значение «полуостров, сток, калач», зафиксированное в калужских и тульских говорах (Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969). При выяснении происхождения названия *Калуга* необходимо учитывать тот факт, что первоначально город стоял на мысу у впадения реки Калужки в Оку. Это дает нам основание считать, что город получил название по реке. В основе гидронима *Калужка* та же *калуга* «полуостров» или «рукав реки, речная излучина, огибающая полуостров» (СРНГ. Вып. 12). Ср. *рассоха* → *Рассоха* и др. Слово, обозначающее мыс при впадении одной реки в другую, часто становится названием этого притока, мыса и поселения, появившегося на нем. Соотнесение названия города *Калуга* с апеллятивом *калуга* «топь, болото» затрудняет объяснение признака номинации топонима. С большим основанием он может быть объяснен по отношению к гидрониму *Калужка*, *Калуга*, т. е. река, берущая начало из топи, болота, или река, имеющая топкие, болотистые берега. Известны и другие версии о происхождении и значении топонима *Калуга* (Никонов. Указ. соч.).

В Калуге долгие годы жил и работал основоположник современной космонавтики К. Э. Циолковский (1857—1935). В городе открыт Дом-музей Циолковского, а также Государственный музей истории космонавтики его имени.

калужане, калужанин, калужанка и калужцы, калужец

калужский, -ая, -ое

Калужане — *скорняки*. В этом прозвище отражается профессиональная занятость населения Калужского края — обработка и выделка кожи, меха. *Калужанин поужинает, а туляк ляжет и так*. Речь идет о том, что жители Калужского края обязательно едят на ночь, чего не делают туляки, т. е. жители соседнего Тульского края.

Калязин (1775). Город в Тверской области. Существует две версии, объясняющие этот топоним. По одной, в основе северное диалектное слово *каляга* «слякоть» или *калига* «грязь, гарь», по другой — *калега* «невод». Обе версии имеют одинаковую степень

достоверности в силу того, что город находится в болотистой местности Верхнего Поволжья, а рыболовство всегда было одним из важных занятий населения этих мест. Не исключено и антропонимическое происхождение — по прозвищу или фамилии.

калязинцы, калязинец

калязинский, -ая, -ое

Калязинцы — *толоконники*. В этом прозвище отражена одна из особенностей питания жителей Калязина — любовь к толокну, т. е. блюду из толченой или молотой овсяной муки с водой, молоком или маслом.

Каменка (1951). Город в Пензенской области. Это название часто встречается на территории России и, как правило, связано с реками, имеющими каменистое дно или берега, а также по залежам строительного камня поблизости от них. Поселения, возникавшие на берегах таких рек, тоже могли получать названия *Каменка, Каменское, Камни*.

каменцы, каменец

каменский, -ая, -ое

Каменногорск (1940). Город в Ленинградской области. Название дано по обилию камней и валунов на местности, где расположен город.

каменногорцы, каменногорец

каменногорский, -ая, -ое

Камешково (1951). Город во Владимирской области. Первоначально это название села и станции, расположенных поблизости от железной дороги. Вероятно, оно дано по фамилии *Камешков*, принадлежащей первопоселенцу или одному из владельцев бывшего села.

камешковцы, камешковец

камешковский, -ая, -ое

Камчатка (1922). Эрзянский поселок в Мордовской республике. Назван по полю, на котором он был основан. Поле же, по сведениям И. К. Инжеватова, получило такое название из-за отдаленности от селения, которому принадлежало, вероятно, по аналогии с полуостровом Камчатка, самой дальней северо-восточной окраиной России. В 20-е годы нашего века таких названий было несколько в Средневолжском регионе (Инжеватов. Указ. соч.).

камчатцы, камчатец

камчатский, -ая, -ое

Кантемировка (1973). Село в Воронежской области. Название дано по фамилии *Кантемир*, принадлежность которой спорна. В. А. Нионов считал, что это фамилия молдавского князя Дмитрия Кантемира, который в XVIII веке при Петре I перешел в Россию, протестуя

против турецкого господства в Молдавии. За это он получил земли в Воронежской губернии и основал село Кантемировку. По мнению исследователя воронежской топонимии В. А. Прохорова, эта фамилия принадлежала Константину Кантемиру, главнокомандующему слободскими полками, который в 1759 году создал здесь слободу на месте села Алексеевка. По мнению Прохорова, это село до самой революции 1917 года имело два названия — *Константиновка* и *Кантемировка* (Прохоров. Вся Воронежская земля).

кантеми́ровцы, кантеми́ровец

кантеми́ровский, -ая, -ое

Карабаново (1938). Город во Владимирской области. В основе названия, вероятно, фамилия первопоселенца или одного из владельцев бывшего села — Карабанова. Происхождение этой фамилии установить трудно. Интерес в этой связи представляет такая загадка, записанная в Новгородской области: Печь — перепечь, полна печь пирогов, между пирогами карабан (небо, звезды, месяц).

караба́новцы, караба́новец

караба́новский, -ая, -ое

Кара́биха. Населенный пункт в Ярославской области. В основе названия, вероятно, диалектное *карабиха* «поле, расчищенное в лесу под пашню» (от *корябить* «царапать, раздирать что-л.», «расчищать землю в лесу от кустарника и деревьев», «скрести»), широко распространенное в среднерусских говорах и южнорусских диалектах. Вероятно, оно отражает систему подсечного земледелия. Поселение, возникшее у такого поля, пашенного участка среди леса (расцарапанного, раскорябанного), носило характер подобной расчистки земли. Суффикс *-их(а)*, оформляющий топонимы, широко распространен в верхнем, а особенно в среднем Поволжье. Не исключено, что в основе названия женское прозвище *Карабиха* от апеллятива *карабиха* «женщина, которая любит много говорить попусту; борона» (Даль).

— Карабиху в 1861 году купил русский поэт Н. А. Некрасов. На протяжении четырнадцати лет он проводил там лето.

кара́бихинцы, кара́бихинец

кара́бихский, -ая, -ое; кара́бихинский, -ая, -ое

Караваево. Поселок в Костромской области. В основе названия, вероятно, фамилия Караваев, первопоселенца или одного из владельцев. Возможно и другое объяснение. По всей России известен географический термин *каравай* с широким кругом значений, объединенных общим признаком «что-либо круглое, выделяющееся на общем фоне, на местности». Э. М. Мурзаев приводит такие значения этого слова: «бугор, горка, сопка в Приуралье», «каменный

валун в Нижнем Поволжье», «участок земли круглой формы» на Валдае и др. (Мурзаев. Указ. соч.). Возможно, что возникшее селение было связано с одним из значений слова *каравай*.

карава́евцы, карава́евец, карава́евка

карава́евский, -ая, -ое

Кара́чев (1146)*. Город в Брянской области. Топоним можно соотнести с тюркским *кара* «черный», «злой; злой дух», которое могло быть прозвищем человека, связанного с этим селением. В древнерусском языке было известно мужское имя *Карач* (Тупиков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903).

кара́чевцы, кара́чевец, кара́чевка

кара́чевский, -ая, -ое

Орел да Кромы — первые воры, да и Карачев на поддачу. Смысл этой поговорки сводится к тому, что антиправительственные элементы, преступники — воры, как их называли в XVI—XVII веках, бежали в Орел, Кромы, Карачев и другие пограничные южнорусские города, скрываясь там от наказания.

Каргонжéй (Каргонжáй). Мокшанский поселок в Мордовской республике, основанный в 30-е годы XX века переселенцами из двух соседних селений. Название часто встречается в этих местах. Его соотносят с мордовским *каргонь шяй* «журавлиное болото, место обитания журавлей». Это может значить, что поселок был основан около места, где когда-то гнездились журавли (Инжеватов. Указ. соч.). Поблизости есть такие топонимы: деревня *Каргал*, поселок *Каргале́йка*.

Каси́мов (1467). Город в Рязанской области. В ранних источниках (1152) он упоминается как *Городец*, *Городок Мещерский*, т. е. «небольшое укрепление в Мещере». Мещера или Мещерская низменность — это регион, включающий Среднее и Нижнее Поочье между реками Клязьмой и Мокшей, названный *Мещерой* по этнониму *мещера* — одному из предполагаемых финноязычных племен, проживавших здесь. Возможна и обратная зависимость — племя названо по местности его проживания. *Касимов* — от имени татарского царевича *Касыма*, получившего этот город в подарок за то, что был сторонником Москвы в Казанском ханстве.

каси́мовцы, каси́мовец, каси́мовка

каси́мовский, -ая, -ое

Каси́мовский буха́рец — прозвище касимовцев, известное в XIX веке, т. е. татарин, торгующий мелким товаром (мылом, халатами и т. п.) вразнос и к тому же нечистый на руку.

Касто́рное. Поселок в Курской области. Возможна связь названия с *кастор* «бобр», известное в русских источниках с начала XVI века (СлРяз. XI—XVII вв.), в этом случае первичным должен бы

быть гидроним. Не исключено соотнесение со словом *кастра* «укрепленный военный лагерь», встречающимся в памятниках русской письменности с XV века (СлРяз. XI—XVII вв.). В. А. Никонов считал соотнесение с *castor* «бобр» надуманным (Никонов. Указ. соч.), но ему не были известны данные памятников русской письменности. Эти версии наиболее вероятны с точки зрения номинации. Допустимо, но менее вероятно объяснение топонима через древнерусское *костра* «жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания», известное в русских источниках XVI века и восходящее к общеславянскому **castra* (ЭССЯ. Вып. 11).

касто́рненцы, касто́рненец

касто́рнинский, -ая, -ое и касто́рненский, -ая, -ое; касто́ренский, -ая, -ое

Катунки. Поселок в Нижегородской области на Горьковском море. Относительно происхождения этого названия могут быть предложены две версии: место катания с крутого берега, на котором расположен поселок (Трубе. Как возникли географические названия Горьковской области). В основе топонима можно видеть тюркское *кат* «слой, ряд», «этаж, ярус», известное еще в древнетюркском и сохранившееся в тувинском языках в значении «солнечный, безлесный склон горы» (Мурзаев. Указ. соч.). Производные от него известны в южных говорах русского языка как обозначение холмистой местности.

ка́тунцы, ка́тунец

ка́тунский, -ая, -ое

Кашин (1238)*. Город в Тверской области. Из двух гипотез, объясняющих это название, наиболее вероятной представляется та, которая соотносит его с личным именем *Каша* или с фамилией *Кашин*. Эти личные имена известны в источниках более позднего времени XV—XVII веков (Веселовский. Ономастикон). Вторая версия связывает название с обрядом *каша* — особое угощение на свадьбе; пир в доме молодоженов после свадьбы. Она не очень убедительна, так как в данном случае невозможно объяснить наличие суффикса принадлежности *-ин*. Основа *каш-*, *кашин-* довольно активна в русской топонимии. Кашин стоит на реке Кашинке; в случае если гидроним первичен, предположение об антропонимическом происхождении названия города сомнительно.

ка́шинцы, ка́шинец, ка́шинка

ка́шинский, -ая, -ое

Кашинцы — *водохлебы*, т. е. любят пить чай. *Кашинцы* собаку за волка убили да деньги заплатили. Так дразнили кашинцев за их несообразительность, наивность, неумение правильно понять ситуацию.

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ В ТОПОНИМИИ МОСКВЫ

Т. Ф. САПРОНОВА

С каждым днем растет интерес наших соотечественников к своим корням, к истории своего города, названиям улиц, площадей, переулков, отражающим в себе реалии прошлого. С этой точки зрения, особого внимания заслуживают топонимы, образованные от названий монастырей. Ведь монастыри — не только средоточие веры, основанной на аскетизме, служении евангельским истинам и нравственном самоочищении, но они были способны отразить и нападения врага, и самое главное — это крупные центры русской культуры.

В монастырях зародилась русская иконопись, подарившая миру таких выдающихся мастеров, как Андрей Рублев, Даниил Черный, Дионисий и многие другие. В монастырских стенах расцвели самобытные школы национального шитья, ювелирного искусства. Здесь же и истоки совершенства певческого многоголосия, восхищающего слушателей и поныне. Небывалого расцвета достигло церковное зодчество.

Монастыри являлись центрами письменности, оплотом просвещения. В их стенах велись летописи, осуществлялись переводы книг на русский язык. При них создавались школы, где наряду с чтением и письмом на церковно-славянском, греческом и латинском языках, арифметикой и богословием, обучали грамматике, риторике и диалектике. К началу XX века в монастырях остались помимо школ духовные училища, семинарии и академии.

Можно также отметить большое гражданское значение монастырей. Здесь создавались приюты для детей и нищих, больницы для бедных,

богадельни для престарелых и инвалидов, госпитали для раненых. Значительную роль в этом сыграли общины сестер милосердия.

В Москве первые монастыри появились задолго до утверждения ее активным центром духовной, социальной, экономической и политической жизни. За всю историю московского монашества известно более 660 монастырей и пяти женских общин, названия которых дошли до наших дней. Исключительно религиозные по своему назначению были кремлевские монастыри. Большое количество монастырей располагалось на протяжении стен *Белого города* и рядом с воротами в этих стенах. Так, близ Арбатских ворот стоял *Воздвиженский* монастырь, у Тверских ворот — *Страстной*, у Никитских — *Никитский*, далее *Петровский*, *Рождественский*, *Сретенский*. В Москву с дальних сторон приходило много богомольцев, которые останавливались в гостеприимных обителях. Построенные в виде крепостей, эти монастыри также выполняли оборонительную функцию.

С начала XV века размещение некоторых монастырей определялось их военным значением. Монастыри-сторожи: *Спaso-Андрониев*, *Новоспасский*, *Симонов*, *Свято-Данилов*, *Донской* и *Новодевичий* — составляли южный оборонительный пояс столицы. Со временем Москва настолько расширила свои границы, что сторожевые монастыри, опоясывающие город полукольцом, оказались на ее территории, а дороги, ведущие к ним, превратились в улицы и переулки, носящие их имена.

Монастыри — одни из самых древних сооружений в Москве. К сожалению, не все сохранились до сегодняшних дней. Вместе с уничтожением монастырей с карты Москвы исчезли и образованные от них названия улиц и переулков. Сохранившиеся монастыри являются сегодня кладезями истории и культуры не только Москвы, но и всего государства Российского. Именно это позволяет выделить московскую топонимию по названиям монастырей как древнейшую среди топонимических групп, а также указать на ее особенную языковую и историческую ценность.

В современной Москве осталось не так много топонимов, получивших свое название по монастырям, поэтому сведения об улицах и переулках Москвы приведены в соответствии с названиями, указанными в справочнике «*Вся Москва*» за 1917 год. Безусловно, охватить все топонимы, связанные с монастырями, в одной статье не представляется возможным, тем более, что о старомосковских названиях, связанных с православием, на страницах журнала уже рассказывал доктор филологических наук М. В. Горбаневский в статье «На Покровке я молился...» (Русская речь. 1990. №№ 5, 6). Поэтому остановимся лишь на некоторых, наиболее интересных.

Одним из таких топонимов является *Андреевская* набережная, получившая свое название по мужскому *Андреевскому монастырю*

что в Пленниках. Монастырь был основан в 1648 году Федором Михайловичем Ртищевым и свое название получил по церкви Андрея Стратилата. Монастырь имел еще уточнение в Пленцах. Слово *пленица* означало «связка плотов». Такое уточнение монастырь получил потому, что около него складывались сплавлявшиеся по Москве-реке в виде плотов бревна. Позднейшее наименование в *пленниках* появилось в результате искажения подлинного (Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1992. Т. 1). Уточняющая часть названия монастыря в топонимии не отразилась. Таким образом, в названии набережной зафиксировалось лишь имя святого Андрея Стратилата.

*Андроньевская площадь ** (звездочкой обозначены не существующие ныне названия улиц и переулков на карте Москвы), ныне известная москвичам как площадь Прямикова, а также *Андроньевские Большая ** и *Малая ** улицы, проезд * и набережная свое название получили по мужскому Спасо-Андроникову (Андроньевскому) монастырю. Он был основан святым Алексием, митрополитом Московским, в 1360 году по возвращении из путешествия в Константинополь. Он дал обет в память чудесного избавления от бури на Черном море. По прибытии в Москву Алексей пригласил ученика святого Сергия Радонежского, Андроника (Андрония), и поручил ему создать Спасскую обитель, а затем сделал его игуменом (Паламарчук. Указ. соч.). Топонимы включают лишь вторую часть названия монастыря — имя игумена Андрония.

В 1990 году в Китай-городе вновь появился *Богоявленский* переулок, названный в свое время по *Богоявленскому* мужскому монастырю. Второй по древности московский монастырь был основан в 1296 году князем Даниилом Александровичем, сыном Александра Невского. Свое название монастырь получил по деревянной церкви Богоявления с приделом Благовещенья, на месте которой он был основан. Название монастыря перешло в топоним *Богоявленский* переулок (Паламарчук. Указ. соч.).

Интересна история возникновения двух московских топонимов: улицы *Воздвиженки* и *Крестовоздвиженского* переулка * (совр. переулок Янышева). Названия эти даны по *Крестовоздвиженскому* монастырю на *Острове*. В XV веке на месте этого монастыря находился дом одного из потомков именитой фамилии Ховриных — Владимира Григорьевича Ховрина, любимца князя Василия Темного. После ослепления Василия Темного боярин Владимир, угнетаемый горестью, отрекся от мира и на месте дома своего и бывшей тут древней приходской церкви построил в 1450 году каменную, а после этого основал монастырь, в котором и сам принял иночество.

Монастырь имел уточняющую часть на *Острове*. Слово *остров* имело значение «небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля» (СлРяз. XI—XVII вв. Вып. 13). Именно такой лес находился

недалеко от Крестовоздвиженского монастыря. Поэтому он и получил название *на Острове*. Крестовоздвиженский монастырь сгорел в 1812 году, но до 1934 года существовала *Крестовоздвиженская* церковь. Монастырь, таким образом, получил свое название по церкви, а церковь — по празднику *Воздвижения Животворящего Креста Господня*. Интересно, что переулочек отразил более полное название праздника, чем улица. Возможно, что первоначальное название улицы было *Крестовоздвиженская*. Однако по аналогии с улицами *Сретенка*, *Петровка*, *Рождественка* и т. д. ее стали называть *Крестовоздвиженка*. Это название в устной речи было сокращено до *Воздвиженки*.

До 1917 года в Москве существовало много топонимов, так или иначе связанных с названием *Данилова монастыря*: *Даниловская* улица * (совр. *Дубининская*), *Даниловская застава* *, 1-й проезд *Даниловской слободы* *, *Даниловские Большой, Малый и Средний переулки*, улица *Даниловский Вал*, *Старая Даниловская слобода* *, проезд *Даниловского кладбища*, *Даниловский переулочек* * (совр. *Павловский 1-й переулочек*); протекала река *Даниловка* *. Ныне сохранились: *Даниловская* площадь, набережная, *Даниловские 4—7* проезды, *Даниловский тупик*, улица *Даниловский Вал* и *Новоданиловская* набережная (Имена московских улиц. М., 1979). Все эти топонимы получили свое название по Данилову монастырю. Это первый по времени монастырь в Москве, основанный в 1282 году князем Даниилом Московским, сыном Александра Невского. В настоящее время здесь находится резиденция патриарха Алексия II.

В XVII веке на карте Москвы появились *Донские* улица, площадь, 1-й, 2-й и 5-й проезды. Позднее возникли улица *Донская слобода* *, *Донской Новопроектированный переулочек* *, *Донской 1-й переулочек*, *Донской 2-й Новопроектированный переулочек* *, *Донской* проезд. Свое название эти топонимы получили по *Донскому монастырю*. Он основан в 1593 году царем Федором Ивановичем в память чудесного избавления Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея (1591) на месте, где в обозе или главном стане русских, ожидавших врага, находилась походная церковь преподобного Сергия. В ней, после обнесения городских стен и стана, была поставлена икона *Донской Божьей матери*. Икона называлась *Донской* потому, что ее подарили князю Дмитрию Ивановичу донские казаки. После сражения хан бежал. В память об этом событии был основан монастырь. В XVII веке он получил название *Пресвятой Богородицы Донской, что в Обозе*. Таким образом, монастырь называли по иконе, а топонимы, связанные с ним, также зафиксировали часть ее названия — *Донской*. Появившиеся позднее *Донские* проезды названы по близлежащей *Донской* площади.

На улицу Остоженка выходят три *Зачатьевских* переулка: 1-й * (бывш. улица Дмитриевского), 2-й и 3-й. Топонимы унаследовали название *Зачатьевского женского монастыря*, надвратная церковь которого и поныне украшает одну из старейших улиц Москвы. Монастырь был воздвигнут около 1584 года царем Федором Ивановичем и женой его царицей Ириной Годуновой, тяготевшими бездетностью. Церковь, название которой отражает евангельское событие — *Зачатие Пресвятой Богородицы*, вероятно всего и дала название монастырю, что в свою очередь нашло отражение в топонимах. Интересен тот факт, что *Алексеевский* монастырь, на месте которого был воздвигнут *Зачатьевский*, вообще не дал ни одного топонима.

Современные *Большой* и *Малый Комсомольские* переулки долгое время носили названия *Большого ** и *Малого ** *Златоустовских* переулков. Свои названия они получили по *Златоустовскому монастырю*. В конце XV века Иван III воздвиг на опушке леса вначале церковь, а потом мужской монастырь, назвав его по имени своего ангела — Иоанна Златоуста. Церковь дала название монастырю, а топонимы, в свою очередь, зафиксировали имя Иоанна Златоуста.

В XVIII веке недалеко от улицы Солянка появились *Большой Ивановский ** (с 1961 г. улица Забелина) и *Малый Ивановский* переулки. Свое название они получили по женскому *Ивановскому монастырю*. Он был основан в начале или в середине XVI века по приказу Ивана III. По другой версии, основание монастыря принадлежит матери Ивана IV Елене Глинской. Свое происхождение монастырь ведет от первой церкви в Москве — храма *Рождества Иоанна Предтечи под Бором* или от церкви *Усекновения главы Иоанна Предтечи*. Получив свое название от церкви, монастырь дал его двум топонимам. Причем в них нашел отражение русифицированный вариант имени Иоанна Предтечи — Иван.

Одна из знаменитых улиц Москвы — *Ильинка*. Свое название она получила по *Ильинскому мужскому монастырю*, основанному в XVI веке и упраздненному в 1626 году. Одно из сохранившихся зданий монастыря — церковь Илии Пророка. Вероятно, именно она в свое время дала название монастырю, позднее зафиксированное в названии улицы.

В 1967 году в Москве появилась площадь 50-летия Октября. Через 20 лет ей было возвращено название *Манежной*. Но мало кто из москвичей знает о том, что площадь стала Манежной сравнительно недавно — в XIX веке. А до этого ее название было *Моисеевская ** — по женскому *Моисеевскому монастырю*. О времени основания этой обители сведений нет. Она стала известной с XVI века, когда при ней устроена была богадельня. Монастырь упразднили в 1764 году. Богадельня же и церковь

Благовещения с приделом Пророка Моисея Боговидца и Николая Чудотворца стояла до конца XVIII века. Лишь в 1789 году за ветхостью она была разобрана. Топоним же *Моисеевская* сохранил название монастыря и имя Пророка Моисея Боговидца.

Долгое время улица Герцена носила название *Большой Никитской* *. Эта улица, как и *Малая Никитская*, получила название по *Никитскому женскому монастырю*, который был основан в XVI веке (по клировым ведомостям — в 1585 году) боярином Никитою Романовым, дедом царя Михаила Федоровича, на месте бывшей прежде церкви святого великомученика *Никиты*. Название церкви перешло к монастырю, а имя Никиты-мученика через посредство названия монастыря сохранилось в топониме.

В 1990 году старейшей улице Москвы было возвращено ее исконное название — *Никольская*. Улица стала так называться по близлежащему *Никольскому греческому мужскому монастырю*, основанному в 1390. Данные об основателе этого монастыря не сохранились. Монастырь получил свое название по церкви. Таким образом, в топониме отражается имя святого Николая Чудотворца.

Названия следующей группы топонимов: *Новодевичья набережная*, площадь *Новодевичьего монастыря*, *Новодевичий проезд* — даны по *Новодевичьему женскому монастырю*, основанному в 1524 году великим князем Василием Ивановичем в память взятия города Смоленска. Монастырь назывался *Пречистыя Одигитрии Новый девичий*, по одной версии, в отличие от *Вознесенского монастыря* в Кремле, именовавшегося *Стародевичьим*. Возможно, что в названии монастыря сохранилось наименование близлежащей местности — *Девичье поле*. Однако в данном случае наиболее вероятным является предположение, указывающее на отличие этого монастыря от *Стародевичьего* в Кремле.

Улица *Петровка*, *Петровский бульвар*, *Петровские ворота*, *Петровские линии* своим названием обязаны *Высокопетровскому монастырю*. Монастырь был основан в XIV веке во имя апостолов *Петра* и *Павла* в селе *Высоком*. В связи с этим первоначально монастырь назывался *Петропавловским*. Некоторые источники связывают его появление со временем Ивана Калиты, а название — с именем сподвижника Калиты, митрополита *Петра*. Но едва ли это так. Ведь еще в XVIII веке имели хождение такие названия монастыря, как *Петропавловский* и *Петровский*. Это свидетельствует о том, что название монастыря сохраняет имена евангельских персонажей — *Петра* и *Павла*. Таким образом, в топонимах, связанных с *Высокопетровским монастырем*, сохраняется имя ученика и сподвижника Иисуса Христа — апостола *Петра*.

Улица *Покровка* — еще одна старая московская улица, получившая название по *Покровскому монастырю* в *Старых садах*, упраздненному в XVII веке. Можно предположить, что сам монастырь

стал называться так по церкви, в основе названия которой — праздник *Покрова Пресвятой Богородицы*. Об этом монастыре остались очень скудные сведения. Данных об основателе нет. По улице были названы *площадь Покровских Ворот* и *Покровский бульвар*.

В 1990 году улице Жданова было возвращено ее исконное название — *Рождественка*. Свое название улица получила по *Рождественскому женскому монастырю*, основанному, по одним источникам, в 1386 году супругой князя Андрея Серпуховского, сына Ивана Калиты, — Марией Кестуньевной. По другим источникам, основательницей монастыря была мать князя Владимира Андреевича Храброго, княгиня Мария (в схиме Марфа). Свое название монастырь получил по церкви, отразившей название христианского праздника — *Рождества Пресвятой Богородицы*, а затем «передал» название топониму *Рождественка*. Появившиеся позднее *Рождественские* бульвар, переулочек и тупик были названы по близлежащей улице.

В XVII веке одна из московских улиц получила название *Сретенка*. В том месте, где была встречена жителями Москвы икона *Пресвятой Богородицы Владимирской*, по повелению князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, в 1395 году был основан *Сретенский монастырь*. Тогда же был установлен праздник *Сретения*. По монастырю и улица получила название *Сретенки* (в XVII веке она называлась *Встретенкой*). Таким образом, топоним *Сретенка* отразил название монастыря, связанное со встречей иконы.

В этой статье рассказано лишь о некоторых топонимах, связанных с названиями монастырей. В Москве этих топонимов гораздо больше. Это и *Варсонофьевский* переулочек, *Георгиевский* переулочек, *Знаменские Большой и Малый* переулочки, *Новоспасские* (ныне *Крестьянские*) площадь и тупик, *Новоспасская* * (ныне *Краснохолмская*) набережная, *Новоспасский* переулочек, *Николо-угрешский* проезд, *Саввинские Большой и Малый* переулочки, *Симоновская* набережная, *Спасская* улица * (ныне улица *Большие Каменщики*), *Страстные* площадь (*Пушкинская* площадь) и бульвар, улица *Чудовка* *, *Угрешская Большая* улица. Все эти топонимы связаны с названиями монастырей и содержат в себе большой пласт исторической и культурной информации.

Заканчивая краткий обзор московских топонимов, получивших свои названия по монастырям, можно отметить, что в основе таких топонимов часто лежат имена святых, названия христианских праздников и евангельских событий, а также названия икон, в честь которых возводились монастыри.

Большинству улиц и переулочков Москвы возвращены сегодня их исконные названия. Да и монастыри реконструируются и передаются верующим.

ОБРАЗ СОЛНЦА В ПОЭМЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА «ГЛИНЯНАЯ КНИГА»

Г. З. ШАШКИНА

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов пишет на русском языке. Для него характерно чуткое и внимательное отношение к слову, его художественные образы, насыщенные национальным колоритом и озарённые светом знаний мировой культуры, отличаются оригинальностью и нешаблонностью.

В поэме «Глиняная книга» представляет несомненный интерес образ солнца. Семантический анализ показал, что в своём прямом значении слово *солнце* употреблено в тексте произведения один раз, все остальные случаи его использования образные, переносные. Их классификация позволила выявить четыре основных типа словоупотребления:

Солнце как мужское и женское начала, воплощающиеся в главных героях поэмы — ассирийской проститутки Шамхат и хана пришлых кочевников-ишкузов Ишпаки, перед которым пали Вавилон и Ассирия, но который не устоял перед слабой женщиной.

Солнце олицетворяется в образе прекрасной женщины в рассказе Духа Перса, бывшего возлюбленного Шамхат. Перс поведал Ишпаке о том, что в тот день, когда его продали в рабство, было очень жарко:

Это было в апреле,
два солнца стояло на небе,
на базаре — жара,
у хозяев торговля не шла.

Палящий день, невыносимая духота и зной передаёт метафора *два солнца*. В другом случае этот метафорический образ наполняется новым семантическим содержанием и выражает предчувствие необычной и прекрасной любви:

Я полжизни измерил,
но верил в судьбу свою, верил,
ибо видел на небе однажды
я символ Венеры —
два сияющих круга <...>

Затем *два солнца* превращаются в лучистые глаза красавицы,
ибо любовь и женщина неразделимы:

Я уснул и увидел во сне
два знакомые солнца.
И очнулся.
И солнца не гасли.
А солнца — в ресницах.

Счастье, которое испытали Перс и Шамхат, отдаваясь друг другу «солнечной ночью», засияло над ними уже знакомыми читателю *двумя солнцами*:

Попугаи на пальме кричали,
встречая два солнца.

Это уже не просто «горящие» глаза любимой женщины, но и чудо любви, которое дарит женщина мужчине, наконец, два встретившихся счастливых человека. Возникает образ солнца, символизирующий мужское и женское начала, которые не могут существовать друг без друга.

Следующее метафорическое словоупотребление («Спасибо,/недаром проснулся,/отдал тебе сон и два солнца») по своей структуре является метафорой-загадкой, поскольку только из предыдущего контекста мы понимаем, о каких двух солнца идёт речь. Так метафорические *два солнца* постепенно переходят (при различном семантическом наполнении в каждом конкретном случае) в метафору-загадку. А сравнение глаз Шамхат с солнцем становится устойчивым лейтмотивом, проходящим через всю поэму.

Героиня пронизана солнечным светом, даже когда пребывает в помещении: «Жало света (из дырки в крыше) дрожало,/в белеющее бедро вонзённое <...>»; она сама светится: «плоть излучала сияние в небо», её «два глаза, как два солнца»; и даже дверь, в проёме которой стоит Шамхат, превращается в солнце — автор использует здесь метафору-сравнение *солнце двери*.

Хан Ишпака, неустрашимый воин с нравом победителя, как и Шамхат, любимец своего божества — бога солнца Тенгри. Главенствующее положение выделяет хана из числа соплеменников, более того, Ишпака напрямую сравнивается со своим божеством, что подчёркивает его неординарность и незаурядность, и тем самым Ишпака мыслится как воплощение бога на земле: «<...> один на земле он,/как Тенгри на небе».

Шамхат взамен своей любви требует, чтобы пришлый кочевник поклонился её богу Шамашу. (Шамаш — по ассирийской мифологии бог солнца.) Тенгри убеждает хана не делать этого и покупать женщин за деньги, а не ценой измены своим идеалам. В порыве страсти Ишпака всё же отказывается от бога Тенгри, и это отречение выливается у него в мучительный крик: «Запирайте двери,/окна — заволочь!/Занавесьте солнце!/Объявляю ночь».

В сущности эти два человека верят одному и тому же солнечному божеству, только названному и понимаемому ими по-разному. Но для Ишпаки отречение от Тенгри предполагает почитание анти-Тенгри, анти-солнца, то есть ночи. Метафорический глагол *занавесить*, применяемый к солнцу, обозначает не только отрицание жизни и её радостей, но и отказ от своего бога, а в конечном счете — отказ от самого себя, как от личности, как от земного «подобия» бога.

И когда Ишпака осознал, что он «в ложе пустое своё влюблён», он оставил Шамхат. Единственным свидетелем его ухода было солнце-Тенгри, которое порадовалось и позлорадствовало этому решению, ибо всё получилось по его воле. И Тенгри, и солнце в поэме действуют по-человечески («Солнце билось в оливах,/смеялось, кривлялось, как Тенгри»; «плюётся», «голосит»). Тем самым выводя нас к тому, кто является ипостасью бога на земле, — хану Ишпаке.

Но Ишпака стал преступником: влюбившись в красавицу, он перестал заботиться о своих соплеменниках, которых он оторвал от родной Степи. И предводители восьми родов собрались в судейском шатре для вынесения приговора преступному хану. Прежде чем вынести обвинение, судьи испытывают Ишпаку вопросами, характер которых не вызывает сомнений в том, что конец вождя предreshён: Ишпака — наместник бога-солнца на земле — должен исчезнуть.

— Разве ты не видишь — в небе звезды?
И Луна?
(Хотя светило солнце.)

Намёк судей ясен Ишпаке:

— День как день, — ответил хмуро хан, —
если вам не нравится светило —
погасите.
Это в ваших силах...

Недавний могущественный правитель возражает своим бывшим вассалам, утверждая, что его солнце пока не закатилось, что он их господин и что ещё: «— Солнца луч блистает в небе синем». Окончательно погаснет солнце Ишпаки тогда, когда взойдёт звезда другого хана. Кто станет новым вождём, определит

ристалище — единоборство претендентов с могучим быком, победа над которым означала смещение прежнего лидера. «О, Бык уходящий», — обращаются к Ишпаке его воины. Битва происходит в час, когда солнце начинает садиться. Заход солнца означает приближение гибели быка, при этом предсмертные его муки соотносятся с мучительным состоянием Ишпаки: плачет бык — прячет слёзы и Ишпака, «ослаб он».

Умирает день (заход солнца) — погибает бык — исчезает, как вождь, Ишпака.

И солнце скрылось,
и на тёмном небе
возникла ярко новая звезда.

Конец старого вождя (заход солнца-Ишпаки) и восхождение нового лидера на степном небосклоне.

Образы Ишпаки и Шамхат переплетаются в поэме с образами пчелы и цветка, быка и коровы. «Хан, как пчела, потянулся к цветку». Сравнение хана с пчелой мотивировано кочевнической сущностью Ишпаки, ибо он, как лёгкая, подвижная пчела, путешествует по свету и собирает нектар знаний, превращая его в мёд собственной культуры. На Востоке пчела к тому же олицетворяла собой царскую мощь, силу и мудрость. А хрупкость, нежность и красоту возлюбленной издавна соотносили с прекрасным цветком.

⟨...⟩ я цветок, вкушение которого
смертельно пчёлам всем,
кроме одной. ⟨...⟩
мне суждена великая
Пчела.

В мифологии *бык* — *корова* нередко выступают символами солнечного божества. В древнем Египте *корова* рассматривалась как божественное орудие, с помощью которого солнце рождается и поднимается из океана. А *бык*, часто выступающий как земное выражение бога, имел знак своей принадлежности к божеству (солнце между рогов быка).

Солнце — как *горячий и обжигающий источник света и жизни, враждебное всему мёртвому, неживому*.

В отличие от Шамхат, «сотканной» «из нитей солнца», мудрецы, к которым обращается Ишпака в надежде вывести «секрет соблазна», страдают под «палящими» лучами светила, ибо они — носители зла, и для них солнце немилосердно и невыносимо:

А мученики на солнце
в пыли по колена стояли...

Ослепительный свет солнца извлекает из тьмы всё постыдное и злое.

Солнце как победа, счастье, как радость и красота:

Всю силу, все солнца —
в сегодня <...>

Интересно, что О. Сулейменов не использует устойчивых генитивных конструкций типа *солнце счастья, жизни, свободы* и т. д., и, вследствие этого, вся смысловая нагрузка полностью сосредоточивается на самом слове *солнце*, расширяя семантическую наполняемость его употребления.

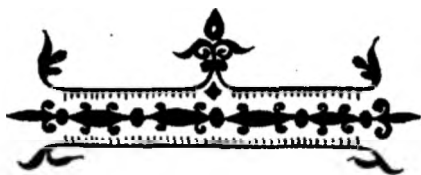
Солнце как перифраза встречается лишь в одном примере — «тёмный знак солнца», — и означает вина из виноградных гроздьев, впитавших в себя живительные солнечные лучи.

В поэме часто встречаются и метафорические обозначения самого солнца — «багровый диск», «громadne горящие шары»:

<...> глаза её — два громадных
горящих шара,
объятые мохнатыми лапами
священных скарабеев.

Таким образом, в «Глиняной книге» О. Сулейменова наряду с традиционной семантикой слова *солнце* (как источника тепла и света, как символа всего прекрасного) создаётся образ солнца как мужского и женского начала в природе.

Алма-Ата

О подвигах казаков в борьбе против войск Мамая

С. Н. АЗБЕЛЕВ,
доктор филологических наук

Сохранившиеся и введенные в науку летописные своды впервые упоминают об участии казаков в борьбе против татаро-монгольского ига в известиях 1444 года: как сообщает Никоновская летопись, вооруженные рязанские казаки пришли тогда на помощь воеводам великого князя московского Василия II и содействовали победе его войска над ордынским. Но фольклор и некоторые средневековые рукописи относят к значительно более раннему времени существенное участие рязанских и донских казаков в национально-освободительной борьбе русского народа против ордынского владычества.

Оказывается, за два с лишним столетия до знаменитого похода в Сибирь донского атамана Ермака, носивший такое же имя рязанский казак совершил подвиг, воспетый в былине.

Первая победа русских в борьбе против Мамая была одержана еще до Куликовской битвы — в 1378 году. Подробностей этого сражения, происходившего на берегу реки Вожи вблизи Рязани, в летописях сохранилось мало. Известно, что Мамай послал войско под командованием Бегича против московского великого князя Дмитрия Ивановича. Бой начался конной атакой татар на русские полки; их центром командовал сам великий князь, а на флангах — князь Данило Пронский и окольничий Тимофей. Битва завершилась бегством врагов; русские их преследовали, убили при этом многих князей и захватили брошенный неприятельский лагерь.

Население Рязанской земли бережно хранило устное предание об этой битве. Его записал сто семьдесят лет назад М. Н. Макаров. Согласно преданию, важную роль «в ратном деле 1378 года на Воже» сыграл рязанский казак Ермак: «он с своими сотнями всё время скрывался в перелесках между Вожи и Быстрицы и внимательно подстерегал врагов». Когда же московское войско стало изнемогать в битве, он «выскочил из своей засады и решил дело». Но победа досталась ценой гибели самого героя: его задавила толпа татар, обратившихся в бегство. В отличие от

предводителя Сибирского похода, погибшего в зрелом возрасте, рязанский казак был очень молод: предание всякий раз называет его имя в уменьшительной форме — «Ермачок» (Русские предания, изданные М. Н. Макаровым. М., 1838. Кн. 1. С. 71—72).

Подвигу юного Ермака посвящена былина, записанная неоднократно в разных местах России. Лучшую запись сделал от самого знаменитого певца русского эпоса Трофима Рябинина известный собиратель былин П. Н. Рыбников 130 лет назад. В этом произведении сведения о подвиге рязанского казака использованы как основа для переработки более древней былины с похожим сюжетом (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. 1. С. 35—43).

Когда стало известно о приближении татарского войска, Ермак просит послать его в бой, но князь отговаривает юношу, особенно подчёркивая его молодость, которая в былине даже преувеличивается:

Молодой Ермак, ты лет двенадцати,
На добром коне-то ты не ездывал,
В кованном седле ты не сиживал,
Да и палицы в руках не держивал,
Ты не знаешь сноровки богатырския...

Но оказалось, что князь напрасно сомневался в воинской подготовке и боевых качествах Ермака. Получив разрешение не биться с татарами, а только «повыехать в раздольице чисто поле, посмотреть на силушку поганую», молодой воин снарядился, однако, для боя:

Садился Ермак на добра коня,
Берёт с собой палицу булатную,
Берёт вострое копьё он мурзамецкое;
Он повыехал в раздольице чисто поле.

Вопреки княжескому запрету Ермак вступает в бой —

Посмотрел Ермак на силушку великую:
Его сердце богатырско не ужаснулось.
Он зовёт себе Бога на помощь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конём топтать,
Конём топтать, копьём колотить.
Бьёт он эту силушку, как траву косит...

Старшие богатыри с трудом сумели остановить юношу, который «бился целые сутки, не едаючись и не пиваючись», пока не «побил он эту силушку великую». Остатки вражеского войска обращаются в бегство, но сам герой гибнет:

Со зтих побоев со великих,
Со зтих с ударов со тяжёлых,—
Кровь-то в нём была очень младая,—
Тут молодой Ермак он преставился.

Былина сосредоточила внимание на действиях одного героя, что традиционно для таких произведений народного эпоса. Но рассказчики предания называли и двух сподвижников Ермачка — «казачьих богатырей Рогожу и Чайцу».

Сведения об участии казаков в самой Куликовской битве можно найти не только в произведениях фольклора. Как писал ещё в восемнадцатом столетии основательно изучавший историю казачества русский генерал А. И. Ригельман, «краткая Московская летопись напоминает нам, что перед сражением московского великого князя Димитрия Ивановича с Мамаем поднесена ему донскими казаками икона Донская, которая ныне в Москве в Донском монастыре находится» (Ригельман А. История или повествование о донских казаках [...] 1778 года. М., 1846. С. 6). Сам летописный текст, использованный Ригельманом, пока не найден, но более развёрнутое указание обнаружил позднее известный историк И. Е. Забелин в другом источнике. Это предисловие к «Вкладной книге» московского Донского монастыря, написанное его архимандритом в 1692 году. Как сообщал Забелин, «здесь между прочим говорится: „Того ради последи прославися образ Пресвятыя Богородицы Донский, зане в<еликому> к<нязю> Димитрию Иоанновичу Донские казаки, уведавши о пришествии благоверного в<еликого> к<нязю> Димитрия Иоанновича в междоречии Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли бяше и сей Пречистые Богоматере образ в дар благоверному и в<еликому> к<нязю> Димитрию Иоанновичу и всему православному воинству в сохранение, а на побеждение нечестивых агарян вручили“» (Забелин И. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893. С. 3—4).

Летописная повесть о Куликовской битве сообщала общую численность войск, собравшихся под знамёна Москвы, но конкретно, каков был их состав, здесь не говорилось. Более подробные сведения дошли в разных редакциях и списках так называемого «Сказания о Мамаевом побоище». Оно основывалось, очевидно, на устных сказаниях, бытовавших затем параллельно с письменными своими обработками.

В этом произведении есть сведения о деяниях Захария Тютчева (дальнего предка русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева). Разные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» рассказывают о том, как великий князь Дмитрий Иванович отправляет Захария Тютчева послом к Мамаю, уже выступившему с армией против Москвы. Мамай, едва не казнив Захария за дерзость, отослал с оскорбительным письмом к русскому князю. Захарий на обратном пути рвёт это письмо, и русские, предупреждённые гонцом Захария, берут в плен сопровождавший его отряд татар.

Более ярко изображён этот эпизод в устном героическом сказании о Куликовской битве, которое записал А. Харитонов в Шенкурском уезде около полутора веков назад и тогда же издал знаменитый собиратель фольклора и историк А. Н. Афанасьев. Это сказание повествует и об участии Захария, названного здесь Тютриным, в самой битве. Уже на обратном пути он посылает князю Дмитрию Ивановичу весть, что пора по всей Русской земле собирать войска для отпора Мамаю. «А я пойду», сообщает Захарий, «в своё место, стану собирать мохначей, бородачей — донских казаков». Эти слова можно понять так, что из среды донских казаков происходил и сам Захарий Тютчев.

Перед битвой русское войско разделили на полки; военачальники кидают жребий — «кому первому на татаровой поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами — донскими казаками».

Описывается начало боя: «Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище: перёд держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками. Палась им встречу сила Мамая безбожного: когда сила с силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась». После окончания схватки передовых полков «учали смечать: у кого сколько силы пало? У русского посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донского казака по две тысячи по двести татаровой выпало».

Бой продолжают другие русские полки. Как известно по письменным источникам, к концу сражения татары, несмотря на свои огромные потери, стали одолевать, но исход Куликовской битвы решило неожиданное для них выступление ударившего во фланг засадного полка русских, спрятанного в дубраве. Это был тактический приём, уже применённый согласно преданию, казаками Ермака-рязанца.

В устном сказании о Куликовской битве говорится: «Втёпор сила Мамая безбожного, пса смердящего, нашу силу побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками, Семён Тулик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия Ивановича сила-рать могучая Господу Богу возмóлились: „Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-Мать Пресвятая Богородица! Не попустите некрещёному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго“. Из-за тех ли тёмных лесов, зелёных дубрав выезжает сильное воинство; ударилося оно на силу Мамая безбожного». Войско Мамая не выдерживает натиска и обращается в бегство (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 377—383).

По изложению это устное сказание местами приближается к сказке, но основным своим содержанием соответствует тому, что мы находим в летописях. Можно поставить вопрос: не относятся ли к сказочным подробностям отсутствующие в сохранившихся летописях упоминания об участии казаков в событиях 1380 года?

Ответить на такой вопрос помогает другая версия сказания о Куликовской битве. Она обнаружена недавно в старообрядческой рукописи. Здесь несколько иначе назван интересующий нас герой: это «Русские земли посол князь Захарей Тютнев». Подобно устному сказанию, в этой рукописи говорится, что возвращаясь от Мамаея и побив на пути татарский отряд, Захарий «отписал грамоты и ерлыки на великое Московское государство к великому московскому князю Димитрею Ивановичу», а сам начал «собирать волных казаков».

Упоминания о казаках есть и далее, причём они названы здесь черкасскими. Например, говорится о сборе войск: «И ещё пришёл князь Захарей Тютнев с волными козаками, с черкасскими казаками на помощь к великому князю Димитрею Ивановичу».

Сказание, сохранившееся в новонайденной старой рукописи, как бы объединило в одном лице двух героев Куликовской битвы. Это Михаил Андреевич Брэнк, согласно другим источникам, убитый татарами, принявшими его за великого князя, и князь Роман Михайлович Брянский, названный в летописи одним из воевод засадного полка. В сказании говорится, что «князь Михайло Брянской» был во главе «черкасских казаков», и под его главенством «пошли оне драться против востошного царя Мамаея безбожного» (Мелихов М. В. «Сказание о Мамаевом воинстве»//Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42. С. 393—403). Это отчасти подкрепляет мысль историка казачества И. Ф. Быкадорова, полагавшего, что засадный полк состоял из казаков.

Наименования казаков в разных версиях сказания донскими и черкасскими друг другу не противоречат: в Черкасске (позже — станица Старочеркасская) долгое время был центр донского казачества, перенесённый затем в Новочеркасск.

В устном сказании участники Куликовской битвы обращаются к образу Богородицы Донской: «Дон-Мать Пресвятая Богородица!». Находящаяся сейчас в Москве икона Донской Богородицы, согласно недавнему заключению искусствоведов, — это «древняя копия с несохранившейся коломенской иконы» и «была написана Феофаном Греком между 1380 и 1396 гг.» специально для Москвы. Оригинал служила погибшая при пожаре в 1739 году икона в виде хоругви, которая находилась в русском войске на Куликовом поле, а затем сохранилась в Коломне, бывшей местом сбора войск, шедших против Мамаея (Кочетков И. А. Является ли икона «Богоматерь Донская» памятником Куликовской битвы?//Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 36—45).

Таковы сведения, находящиеся в независимых друг от друга памятниках. Произведения фольклора были записаны в XIX веке, другие свидетельства дошли до нас в рукописях XVII и XVIII веков (не знаем, к какому времени относилась рукопись летописи, использованной А. И. Ригельманом). Как известно, не сохранилось описаний знаменитой битвы 1380 года в рукописях того же времени. Подробные повествования о ней дошли только в сравнительно поздних списках — отчасти XVI, а главным образом, XVII и XVIII, и даже XIX веков. Естественно, что мы вправе доверять основному содержанию известий об участии казаков в сражении на Куликовом поле в такой же степени, в какой доверяем остальным рассказам о ней, находящимся в других источниках той же давности.

Если отсесть свойственные вообще таким произведениям поэтические домыслы, то остаётся правдоподобное историческое зерно. Донские казаки пришли на помощь москвичам, принеся с собой образ Божьей Матери: «Войско несло этот образ, в виде хоругви, во время битвы 8 сентября 1380 года, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы» (Киселёв А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М., 1992. С. 50). Можно полагать, что казаки были и в составе передового полка, принявшего на себя первый удар вражеской армии, и в засадном полку, который решил исход сражения на Куликовом поле.

Это, правда, расходится с распространённым мнением о сравнительно позднем появлении русского казачества на Дону и в других местах. Но само такое мнение основано на недостаточном внимании к заслуживающим доверия источникам. Стоит в данной связи напомнить, что прямых предшественников русского казачества историки с полным основанием видели в так называемых бродниках, сведения о которых в летописях относятся к временам Киевской Руси: бродники обитали в Причерноморье, были православными, носили славянские имена (Мавродин В. В. Славянорусское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в 10—15 веках//Учён. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 11. С. 7—49; Волынкин Н. М. Предшественники казачества — бродники//Вестник Ленинградского ун-та. Л., 1949. № 8. С. 55—62). Было достаточно аргументировано и мнение, что татаро-монгольское нашествие не привело к исчезновению бродников, что православное восточно-славянское население продолжало жить в речных поймах по Дону (и даже — Тереку), когда эти земли уже входили в территорию, непосредственно подчинённую Золотой Орде (Гумилёв Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966. С. 173—180).

Санкт-Петербург

СЕЛЕДКИ МАЛЫЕ

А. Н. ШУСТОВ

Просторечное словечко *салак(г)а* для прозвания юнцов, неопытных в каком-либо деле, известно довольно давно, хотя словарная фиксация его относится чуть ли не к началу 1970-х годов. Смысл этого арготизма в общем понятен, а вот объяснение происхождения вызывает затруднения. Попытки докопаться до его корней делались неоднократно; писала о *салак(г)е* и «Русская речь». В целом следует согласиться с мнением одного из авторов о том, что «переносное значение слова могло родиться в матросской среде Балтийского (...) флота, где салага была хорошо известной реалией» (Русская речь. 1979. № 1). Однако вывод его — «история слова весьма проста» — представляется излишне категоричным, поскольку в тексте статьи он не аргументирован автором. Пока еще никто не дал четкого ответа: когда же появилось это прозвище и почему именно *салак(г)а*, а не какая-нибудь другая рыбешка?

Попробуем ответить на эти вопросы.

Русские корни этой «салачной» истории уходят в самое начало XVIII века во времена Петра I. В 1717 году сподвижник царя Я. В. Брюс выпустил в свет собственный перевод книги В. Севела «Искусство нидерландского языка», куда включил солидную «Роспись родам многих имен», т. е. — русско-голландский словарь существительных. Интерес к нидерландскому языку объяснялся в России в первую очередь острой необходимостью создания отечественного флота с использованием зарубежного опыта. Напомним, что и сам Петр I в конце XVII века ездил на практику в Голландию. Тогда в русский язык вошло около полутора тысяч голландских слов (правда, до наших дней сохранилось их лишь около 15 процентов).

Русско-голландский лексикон Брюса интересен еще и тем, что толкование иностранного слова дано в его левой, русской, части. На странице 199 находим нидерландское существительное *sprot* и читаем одно из его значений, данное Брюсом: «Селедка малая...».

Здесь пока остановимся и осмыслим, что же это такое — *селёдка малая*.

Большое семейство сельдевых рыб, имеющих промысловое значение, в частности, на Балтике, включает в себя несколько видов, отличающихся небольшими размерами — салака, килька, шпрот(а)... Научное название их — шпротоподобные или обыкновенные сельди (Жизнь животных. М., 1971. Т. 4. Ч. I. — Рыбы).

Сельдь. Как общеродовое название происходит из древнескандинавских языков — **silada* у многих народов она имеет сходные написания: *sild* (исландск., норв., датск.), *sill* (шведск.) *silli* (финск.), *seli* (ижорск.), *śledź* (польск.), *silke* (латышск.), *silkis*, *silka*, *silke* (литовск.). и т. д. (Линдберг Г. У. и др. Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны. Л., 1980).

Эти практически одинаковые названия весьма осложняют задачу определения конкретного источника, откуда слово *сельдь* могло проникнуть в русский язык. Единого мнения у лексикографов пока нет. Видимо, в данном случае правильнее говорить о некоем «осредненном» заимствовании — одновременно из группы родственных балтийских языков. В конечном итоге следует согласиться с мнением А. Г. Преображенского, что балтийцы и славяне изначально приняли это название из языка «аборигенов восточного побережья Балтийского моря» (Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 2).

В русском языке существительное *сельдь* фиксируется уже в конце XV века, позже оно вошло в «Лексикон трехязычный...» Ф. Поликарпова (1704), один из первых русских словарей. А форма *селедка*, по мнению составителей 17-томного словаря русского литературного языка (см. т.13), впервые отмечается в «Российском Целлариусе» Ф. Гёльтергофа (1771). Как видим, у Я. Брюса она зафиксирована значительно раньше, а это значит, что она возникла практически одновременно (или не намного позже) с исходной формой — *сельдь*. Карельское *selotku* — явное позднее заимствование уже из русского.

Поскольку нас интересуют «рыбные прозвища», то здесь уместно напомнить, что сплющенное туловище сельди послужило основанием для сравнения с ней тощих людей.

Салака. Эта рыба является подвидом балтийской сельди, отличаясь от нее величиной тела. Нередко ее именно так и воспринимают — как некрупную (чуть ли не второсортную) сельдь: салака на Финском заливе — мелкая разновидность сельди (Никольский А. М. Гады и рыбы. СПб., 1902. С. 722).

Названия салаки в разных языках явно связаны с родовым словом *сельдь* и также имеют сходные написания: *sill* (шведск.), *silli* (финск.), *silk*, *salakas* (эстонск.), *salatti* (карельск.) ... В финском

языке имеется еще и другое название — *silakka* (уменьшит. от *silli*, т. е. маленькая селедочка), которое не следует путать с финским же словом *salakka*, обозначающим уклею — рыбу другого семейства (карповых), хотя внешне она немного похожа на салаку и поэтому иногда ее также называют *салагой* и *селедкой* (Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972).

Существительное *salakka* и сходные с ним встречаются во многих языках финской группы для названий не только уклеи, но также плотвы и ряпушки, очень распространенных в водоемах Карелии (см. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1979. Т. 4). При «обрусении» значения обоих этих слов (*silakka* и *salakka*) слились, и наш язык отобрал форму *са*-(а не *си*)-лака. Таким образом, утверждения, встречающиеся в некоторых отечественных словарях, что в качестве исходного для русской салаки использовано лишь финское слово *salakka*, следует считать устоявшимся недоразумением. А. Г. Преображенский хоть и ссылается на финское *salakka*, но в статье «Сельдь» своего этимологического словаря все же разделяет *salakka* (уклейка) и *silakka* (салакуш/к/а).

В петровские времена салаку в России называли «по-прибалтийски» *стремлинг* (заимствованное из шведск. или немецк. — *stromling*). Это промысловое название ее сохранялось вплоть до начала XX века: «Салака — по-местному стремлинг — ловится в неимоверном количестве повсюду в Балтийском море»; «В прежнее время стремлинг ловили главным образом неводами у самых берегов» (Гейнemann Б. А. Рыболовство на Балтийском море у русских берегов. СПб., 1904. С. 9, 10). И лишь где-то в первой половине XVIII века по-русски эта рыба получила свое второе имя: салакуша (уменьш. *салакушка*) — во всяком случае оно вошло уже в «Рукописный лексикон...» В. Н. Татищева (изд. ЛГУ, 1964).

Правда, в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» читаем о событиях 1704 года: «Трюмы у него до верху, чай, забиты угрями копчеными, рыбой камбалой, салакой, ветчиной ревельской». Однако это не что иное, как один из анахронизмов писателя, встречающихся в этом произведении, хотя... Слово *салага* зафиксировано в расходной книге одного из русских монастырей на Свирь уже в начале XVII века (Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5. С. 193), но оно еще долго не было в широком языковом обиходе и к тому же означало совсем другую рыбу.

Будучи олонекским губернатором, поэт Г. Р. Державин в 1785 году совершил экспедицию по Карелии. Тогда же в путевом дневнике он наряду с другими видами вылавливаемых в местных водоемах рыб назвал и салаку («Поденная записка» впервые опубликована в кн.: Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии. Петрозаводск. 1958). Записанное Державиным слово явно

позаимствовано им из местных саамских («лоплянских») говоров. В той же «Записке» у него встречаются и другие разговорно-просторечные названия рыб: *корюха*, *ряпуха*, *лох* ...

Лох — это финское *loh* — лосось. Русские словари рано «приметили» лоха: это «рыба в иных местах лось (лосось. — А. Ш.) и голец называемая. Окладом сходствует на семгу» (Словарь ручной натуральной истории. М., 1788. Ч. I.) Об этой рыбе интересно авторское примечание к поэме Ф. Н. Глинки «Карелия» (1828): «Лохами называют здесь рыбу из рода лососей; сии же лохи, побыв несколько месяцев в водах Белого моря, получают вкус и наименование семги, которой во множестве ловится в Архангельской губернии и, кажется, в особенности близ города Онеги». Мы попутно несколько задержались на характеристике этой рыбы, поскольку название *лох* и сегодня часто употребляется рыбаками этого региона. Оно также имеет жаргонный, уничижительный смысл: телохранители важных персон — это «лохи, хоть и из бывших» (Октябрь. 1994. № 12).

Судя по дневниковой записи Державина, слово *салака* широко использовалось в речи «аборигенов» Прионежья. Однако в письменной, литературной речи того периода чаще всего встречалась форма *салакуш(к)а*. Так она зафиксирована и в словаре современника Державина Нордстета. Эта же форма встречается у писателей XVIII века: в пьесе И. А. Крылова «Трумф» Совет царя Вакулы, выпив штоф хлебного вина (водки), «развел салакуш банку». В таком виде включена она и в другие словари. Лексикограф первой трети XIX века Ф. Рейф «не знал» слова *салака* — у него приведена лишь традиционная *салакуша*. Аналогично — и в обстоятельном толковом словаре В. И. Даля. И даже — у А. Г. Преображенского (начало XX века!), хотя уже в середине прошлого столетия в ходу были не только *стремлинг* и *салакуша*, но и *салака* (см., например, Земледельческую газету. 1861. 28 янв.). Очевидно, *салака* рассматривалась как разговорный, просторечный вариант, а *салакуша* — как литературный. В рыбацком языковом обиходе обе формы до сих пор равноправны.

Преобразование первоисточника *салак(г)* в *салакушу* с использованием суффикса *-уш(а)* не совсем ясно. Но, видимо, можно провести некоторую параллель с изменением названия другой рыбы, которое также было заимствовано из финской языковой группы практически одновременно с салагой: *ряпукса* (*ряпуса*) → *ряпуга* → *ряпуха* → *ряпуша* → (уменьш.) *ряпушка*. Уменьшительная форма *салакушка* фигурирует сегодня наравне с *салачкой*.

Русские имели с Карелией давние соседские связи: новгородцы проникли туда еще в XI—XII веках, а более планомерное освоение края началось в петровские времена — самое начало XVIII века. Широкому вхождению некоторых карельских названий

рыб в русский язык безусловно способствовало присоединение Финляндии к России в 1809 году, когда языки населявших Карельский перешеек народов стали доступнее более широким слоям русских людей, тем более, что вскоре после этого Карелия стала местом «ближней ссылки». В результате в языке жителей Олонецкой губернии оказалось немало заимствованных слов — и в том числе: *салага* (плотва, уклейка), *сельга* (сельдь) *килѐц*... (Словарь областного олонецкого наречия... СПб., 1898).

Существительное *салага*, как видим, в Карелии означало не нынешнюю салаку/сельдь, а совсем другую рыбу: «Слово уклейка даже не знакомо рыбакам, которые дают этой рыбе имя салаги или салакушки. Судя по тому, что под таким же именем известен на Водле елец, можно думать, что название салаги или салакушки прилагается ловцами вообще к небольшим рыбкам, мало им известным» (Пушкарёв Н. Н. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900. С. 36).

Вот почему это название было легко передано и стремлингу, внешне похожему на уклейку. Читая тексты XVIII и начала XIX веков, встречая в них слово *салак(г)а*, мы не всегда можем быть уверены, что речь идет именно о салаке/сельди; это может быть какая-то другая рыбешка. Приведенные выше ссылки на монастырскую книгу и Державина — характерные тому примеры. Отсюда, кстати, и два разных, но похожих финских слова: *salakka* (уклейка) и *silakka* (салака/сельдь), о которых говорилось ранее.

Уклейка и похожие на нее рыбки («салаги») были очень распространены в озерной Карелии и являлись одним из основных местных пищевых продуктов. В словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН в Петербурге зафиксировано любопытное свидетельство, полученное в дореволюционный период из Финляндии: «Салака — небольшая рыба, употребляемая финляндцами в пищу, отчего самих финляндцев в шутку называют салакой». Не финнов, а — собирательно — жителей Финляндии!

Несколько слов о вариантах написания *салаГа* (*салаГушка*).

Такое произношение более свойственно вепсскому языку и ливвиковскому диалекту карельского языка в Прионежье (ср. *сельдь* — *сельга* и др.), из которых это слово и было заимствовано русскими соседями еще в XVII веке. Сегодня равнозначны обе фонетические формы, хотя в бытовом обиходе чаще встречается *салаКа*.

Слово *салаКа* похоже на русские существительные с отрицательным суффиксом *-ак-а*: *забияка*, *зевака*, *кривляка*., что облегчило в свое время его оценочное применение. К тому же оно — типично «рыбное»: в русском языке огромное количество названий рыб оканчивается на *-ка*.

«Озвонченная» *салаГа* также не противоречит русским языковым

нормам. Однако следует отметить, что форма на *-га* значительно менее употребительна для названий рыб (*бельдюга, горюга, минога, навага, севрюга, семга* да еще *рянуга* и *сорога* [плотва], заимствованные одновременно с *салагой* — вот, пожалуй, и все) и поэтому более «нейтральна», более «удобна» для названия юнцов — ведь мужскому роду в русском языке не свойственно окончание I склонения на *-ка*, а от *-га* возможны образования с чередованием согласных (г → ж): *салага* → *салажонок, салажий, салажня*.

Коль скоро речь у нас идет о жаргонном прозвище для малолеток, то *салаГа* несколько «предпочтительнее» *салаКи* потому, что придает кличке своеобразный «надрыбный», «терминологический» оттенок: это не просто мелкая рыбешка (какая-то мелюзга!), а — нечто «специфическое», особая (хоть и «ущербная») категория подростков.

Килька. Эта очень распространенная мелкая рыба, представляющая особый вид сельдевых, в свою очередь разделяется на несколько подвидов, из которых нас будут интересовать *тюлька* и *шпрот*. Образ жизни всех этих рыб совершенно схож с сельдью. Название *килька* обычно связывается с финским *kilo*, эстонским *kilu*, шведским *kille*. Правда, в финском есть еще и синоним для названия другого вида — *kilohaili* (*kilo* — килька + *haili* — разновидность салаки, т. е. своеобразная «килько-салака»).

Заимствованное из финского (или эстонского) языка слово *килька* вошло не только в русский, но и в другие европейские языки (англ., немецк., франц.) для названия как самой кильки — *kilka*, так и тюльки — *kilkas*. Но чаще килька в западноевропейских языках называется *шпротом*. В словацком, например, килька — это *šprotka obyčajna* (обыкновенный шпрот), а в польском, наоборот, — шпрот имеет синоним *kilka*. Латинское название кильки «двойной шпрот»: *sprattus sprattus* (Словарь названий животных. Рыбы. М., 1984).

Вхождению в русский язык слова *килька* способствовала и переогласовка уже знакомых «селедочных» слов из прибалтийских языков: *silka, silke..*, и традиция названия рыб с окончанием на *-ка*. Версию кильки как мелкой селетки, доставляемой из города Килья (Казанский Б. В мире слов. Л., 1958), следует считать курьезом. Не говоря уже о том, что немецкое *Kiel* в данном случае означает «клин» т. е. не имеет ничего общего с рыбой, напомним, что существительное *килька* известно в русском языке по крайней мере за сто лет до того, как был налажен ее массовый промысел в Германии.

Также нет оснований производить *кильку* от слова *киль*, обозначающего продольный брус под днищем корабля. Уж очень несопоставимы эти «объекты». К тому же немецкое, шведское

(*kiel*) и финское (*koli*) слова, обозначающие корабельный киль, никак не связаны с названием рыбки на этих языках. В немецком, например, *Killoströmling* или просто — *Strömling* обозначает сразу трех рыб: кильку, салаку и шпрота. Тем более безосновательно считать их исходными для русского: ведь далеко не у одной лишь кильки форма тела напоминает киль.

Словарь Академии Российской (ч. 3, 1814), впервые включивший это слово в свой состав, увязывает кильку с салакушей. Еще столетие назад килька и в русском языке обозначала не только собственно кильку, но и шпрота (Словарь русского языка. СПб., 1909. Т. 4. Вып. 3). Есть даже мнение, что килька — это промысловое название шпрота, который отличается «брюшными шипами, образующими киль» (Взоров В. И. Рыбные товары. 1954).

Интересно, что в прошлом веке в Олонецкой губернии бытовало еще и слово килёц (и прилаг. килёчный), также означавшее нескольких рыб: небольшого сига, ельца, голавля.

Следует отметить, что подобно тому как слово салак(г)а используется ныне для названия подростков, так и слово килька с конца прошлого века употреблялось в качестве прозвища: «Ты не пленен ли горничной Настей?... А хороша! хоть бы и не тебе, ревельской кильке» (Лесков. На ножах). Ревельской называлась килька, которую вылавливали у берегов Эстонии и на восточном берегу Рижского залива. Эстония издавна была основным поставщиком этой рыбки на российский рынок. Та же килька, которую ловили западнее Риги, до революции называлась еще брейтлингом (немецк. *Breitling* — одно из названий салаки).

Сегодня тоже иногда можно услышать в разговорной речи слово килька для характеристики детсадовских малолеток, видимо, по аналогии с уничижительным синонимом малявка, изначально обозначавшим опять-таки мелкую рыбешку, малька.

Шпрот. Очередная рыбка того же семейства. Шпроты бывают различные, но только балтийскую разновидность их часто называют еще и килками.

В этом значении существительное *шпрот* имеет голландско-датское происхождение: *sprot*. Современные нидерландские лексикографы сравнивают свое слово со средневековым ниже- (северо-)немецким *Sprot*, среднеанглийским *sprott* и связывают его с глаголом *spruitten* «прорасти, пускать побеги, ростки», а также существительным *spruit* «побег, отросток; отпрыск, потомок». Английские же лингвисты категоричны: «Источник неизвестен» (The Oxford Dictionary of English Etymology. 1985).

Кроме названия этой рыбки, слово *sprot* у голландцев имеет и другие значения: уже известное нам «сеledка малая» и «рыбий выводок, мальки» (Vries J. Etymologisch woordenboek. Antwerpen, 1963).

Характерно, что почти все прибалтийские языки практически не употребляют слово *sprot* для названия этой рыбы, используя в качестве основы «селедочный» корень; да и в нидерландском наряду со *sprot* есть другие синонимы: *blik*, *sardijn*. В финском языке шпрот — это уже знакомый нам синоним кильки — *kilohaili*. Зато другие западно-европейские языки (англ., немецк., франц.), подобно русскому, «приняли» это название. В английском (*sprat*) оно имеет несколько значений: морская рыба, о которой сейчас идет речь; собирательно — любая мелкая рыба этого вида; небольшой кусочек чего-либо; шестипенсовик («медный грош») и др. «Миниатюрность» этой рыбки англичане подчеркивают и в своей пословице: *To throw a sprat to catch a mackerel* — Выбросить шпрота ради того, чтобы поймать скумбрию (т. е. пренебречь малым ради большого).

Из среднеанглийского (*sprott*) слово это вошло в немецкий язык: *Sprotte* «килька, салака» и *Sprotten* «шпрот» (увязывать его с немецким *Sproß* «потомок» [см. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971] нет никаких оснований; сами немецкие лексикографы и не предлагают этого). Есть оно и в новолатинской научной терминологии: *sprattus*. Однако значение его в этих языках зачастую «расплывчато» — так называются не только шпрот, но и салака, сардина.

В русский язык слово *шпрот* вошло из голландского. Немецкое заимствование маловероятно, поскольку эта рыба не экспортировалась в Россию из Германии, а также из-за наличия в немецком второго слога, который русским незачем было «отсекать», давно уже имея готовый «краткий» образец первоисточника. К сожалению, пока нам не удалось найти примеры, иллюстрирующие ранние случаи употребления слова *шпрот*, — словарные фиксации его относятся к более поздним временам. Это можно объяснить некоторой «экзотичностью» и специфичностью шпрота, которого русские объединяли с салакой/килькой — ведь даже и в наши дни мало кто знает о существовании рыбы (а не консервов!) с таким названием.

Закусочные шпроты-консервы первоначально изготавливались в основном в Риге, отчасти в Ревеле (Таллине) и Митаве (Клайпеде). Их делали из балтийского кильки/шпрота, а позже — из некрупного стремлинга-салаки, тюльки, хамсы, что, впрочем, никак не отразилось на названии продукта, хотя иногда и встречалась маркировка «сардины» (это рыбка того же семейства). А ныне, кажется, есть уже и шпроты из мойвы. Впрочем, дальневосточная *мойва* тоже иногда зовется *салакушкой*.

Равнозначность кильки и шпрота была произвольно обыграна В. В. Маяковским: «— Сколько стоит эта килька?— Эта лососина

стоит 2.60 кило,— 2.60 за этого *шпрота*-переростка?» (диалог из пьесы «Клоп»; курсив мой.— А. Ш.).

Разобравшись с «ихтиологией», вернемся к лексикону Я. Брюса и прочтем второе значение слова *sprot*, данное составителем: «...также и отрок, или что молодое». Отрок — это мальчик, подросток. Вот откуда изначально пошли наши нынешние *салак(з)и*!

Очевидно, еще во времена Петра I молодых матросов (новобранцев), а, может быть, и недорослей называли на голландский манер *с(ш)протами*. Кстати, некоторая аналогия есть и в английском языке: одно из значений слова *sprat* «мальш» (Аракин В. Д. и др. Англо-русский словарь. М., 1954). Солидный Оксфордский словарь английского языка, фиксирующий несколько значений слова *sprat*, отмечает, что применительно к людям оно давно уже употребляется с уничижительным оттенком: When his disguise and he is parted, tell me what a sprat you shall find him «Когда он сбросит свою маску, скажи мне, какого шпрота [пустышку, ничтожество] ты найдешь в нем» (The Oxford English Dictionary. 1989. V. XVI).

Видимо, тогда же, в петровское время, произошло и изменение звучания начального согласного в слове *sprot* (с → ш); ведь именно в этот период голландские существительные *slujs* и *sloep* по-русски передавались как *шлюз* и *шлюпка* (зафиксированы в том же лексиконе Брюса 1717 года, хотя параллельно с этим употреблялась и форма *слюз*, *слюзный*).

С развитием флота в русском языке название *шпрот* было заменено другим голландским — *юнга* (*jongen* — мальчик), что по существу было одно и то же, поскольку в нидерландском языке *sprot* — это еще и *jonge harring*, т. е. «молодая сельдь». Иноземное слово *юнга* легко вписывалось в один ряд с русско-славянскими: *юный*, *юноша*, *юница* ... А старое прозвище *шпрот* значительно позже было «воскрешено» и «уточнено» применительно к изменившимся реалиям, — заменено более распространенным, «домашним» видом (и именем) рыбы — *салак(з)а*, а уж затем приобрело расширительную сферу применения.

Итак, гипотетически источником арготизма *салак(з)а* является голландское слово *sprot*, имевшее соответствующее значение. Время вхождения понятия в русскую жизнь — первая четверть XVIII века.

И на этом, кажется, можно поставить точку?

Санкт-Петербург

ОТ ДОКИ ДО НЕУЧА

Л. Е. КРУГЛИКОВА,
кандидат филологических наук

Слова, характеризующие человека по уровню знаний или наоборот — незнаний, были известны на Руси еще с XI века.

Доминантой синонимического ряда, «человек, обладающий обширными знаниями» является существительное *знаток*. В процессе исторического развития оно претерпело семантические изменения. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» это слово датируется 1662 годом и имеет значение «тот, кто знает кого-л., хорошо осведомлен о чем-л. как очевидец, свидетель», а для передачи интересующего нас значения в то время использовалось существительное *знатец*, которое уже в XVIII веке было вытеснено словом *знаток*.

У однокоренного существительного *знахарь* наблюдается обратный процесс. В XV веке оно могло обозначать знающего человека, а также того, кто выступает в качестве свидетеля при земельных спорах. В XVI — у него появляется значение «лекарь-самоучка», сохранившееся до нашего времени, а интересующее нас значение продержалось до XIX века. Тот же корень *-зна-* (*-знај-*) есть у существительных *знайка*, *многознайка*, *всезнайка*, *всезнай*, известных с XIX века.

Слово *знайка* в XIX веке имело отличающееся от нынешнего значение. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводится такое определение: «знатель, знающий о чем, про что, особ. о вине, преступлении; свидетель, видок,

очной, притомный». Это дает ключ к пониманию целого ряда однотипно построенных пословиц, содержащих в себе компоненты *знайка*, *незнайка*: *Знайку в (на) суд ведут, незнайка дома сидит; Незнайка на печи сидит, а знайку на веревочке ведут; Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит; Незнайка лежит, знайка далеко бежит...* Во всех этих случаях речь идет о свидетеле, который должен давать показания в суде. В настоящее время эти пословицы воспринимаются несколько по-иному.

Лексемы, восходящие к глаголу *знать*, пришли на смену существительным, образованным от других, ныне архаичных, глаголов. Среди старинных языковых единиц лишь две, бытовавшие в XII веке, имеют затемненную внутреннюю форму. Это — *выклец* и *ныр*. Первая мотивирована древнерусским причастием на -л — *выкльый* от глагола *выкнуть* «учиться, усваивать», вторая воспринимается сейчас как немотивированное образование.

Более живучими были существительные, образованные от глагола *ведать*: *ведий* (XI в.), *ведец* (XI—XVII вв.), *вежа* (XII—XIV вв.), *ведок* (XIV в.), *ведалец*, *ведомец* (XVII в.), *ведатель* (XVIII—XIX вв.). Заметим, что слово *ведомец* происходит не непосредственно от глагола *ведать*, а от существительного *ведом* (*ведомо*), имевшего в древнерусском языке следующие значения: «узнанность, опознанность; известность», «знания, осведомленность в чем-л.; сведения о чем-л.», «весть, известие, сообщение» (ср. современные предложно-падежные сочетания *без ведома*, *с ведома*, где сохранилось данное существительное). В «Словаре русского языка XVIII в.» *ведом* (*ведомо*) фиксируется с пометой, указывающей на выпадение из употребления и приводится иное значение «лицо, знающее о чем-л.», т. е. оно служит для обозначения очевидца, свидетеля как когда-то уже упоминавшиеся *знаток*, *знахарь*, *знайка*: «А буде из большого дому боярского кто сворует что, то того дому всем дворовым людям будет ведомцам, кои ведали да молчали, такая ж казнь».

Лексемы *уметь* (XI—XIV вв.), *уметелин* (XIV в.), *многоуметь* (XV в.) обязаны своим появлением глаголу *уметь*, который в древнерусском языке наряду с другими имел и значение «знать».

Граница между старым и новым видом синонимического ряда «человек, обладающий обширными знаниями» проходит через XVIII век. Именно в это время входит в обиход существительное *дока*, нарушившее определенное единообразие анализируемого нами ряда. По данным синонимических словарей, *дока* восходит к жаргону семинаристов: *дока* от латинского *doctus* «знающий, сведущий», «умелый, ловкий, искусный». Но ведь есть и другое мнение. Так, авторы коллективной монографии «Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века» (М., 1981) пишут,

что *дока* «мастер, знаток, делец» — диалектное слово широкого ареала (Ворон., Псков., Самар., Вят., Казан., Тамб., Влад.). В литературный обиход входит в значении «знаток, способный на какие-н. дела». Они же приводят наблюдение, что у писателей первой трети XIX века это слово представлено шире, чем в XVIII веке, и главным образом в авторской речи: «Попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат... состязаться здесь» (Гоголь. Мертвые души). По нашему мнению, тот факт, что это существительное сначала встречалось преимущественно в авторской речи, свидетельствует о его недиалектном происхождении в значении «мастер, знаток», как и то, что в XIX веке оно употреблялось шире, чем в XVIII. К тому же в диалектах это слово имеет более узкое значение «колдун, знахарь»; «колдунья, знахарка». С этой семантикой оно бытует и в произведениях устного народного творчества. Вспомним хотя бы сказку «Дока на доку» из сборника А. Н. Афанасьева.

Большинство языковых единиц, входящих сейчас в синонимический ряд «человек, обладающий обширными знаниями», появились в XIX—XX веках.

В XIX веке, по всей видимости, было заимствовано из латинского языка через посредство французского существительное *эрудит*.

Слово *энциклопедист* также появилось в XIX веке, а в XVIII — оно известно лишь в значении «представитель группы передовых французских мыслителей, объединившихся вокруг «Энциклопедии», издававшейся в конце XVIII века Дидро и Д'Аламбером».

В XIX веке в значении «человек, обладающий обширными знаниями» стало употребляться существительное *профессор*. Интересный пример иронического использования этого слова наряду с лексемой *знаток* мы нашли в книге М. И. Пыляева «Старый Петербург» (СПб., 1889), где автор приводит рассказ А. М. Тургенева о том, какие тот претерпел страдания, когда его готовили к дежурству при дворе в один из первых дней царствования императора Павла: «Меня посадили на скамью посередине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров, немного чем менее сажени ростом, начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом {...} Я попросил дежурного вахмистра остановить на несколько минут действие г. костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и г. профессор оболванивания голов по форме благоволил объявить вахтмейстеру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнул, услышав приговор костюмера о голове моей...»

Близкая по исходному значению лексема *академик* приобрела переносное значение на наших глазах: «Среди них [мужчин]

самый известный, самый удачливый, местный академик среди медвежатников — Иван Васильевич, наш новый знакомый» (Тендряков. Онега).

Во второй половине XX века интересующее нас значение приобрело слово *зубр*.

К концу XIX века появляется фразеологизм *кладезь премудрости* (*мудрости, учености* и т. п.), по всей видимости, представляющий собой кальку французского выражения *un puits de science* (дословно «колодец науки»). В картотеке Словаря XVIII века (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН) имеется единственный пример использования этого оборота, причем в переведенном с французского языка произведении: «Гофмейстер его, как говорят, кладезь науки» (Ж. Мемье. Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума). Первый пример употребления данного фразеологизма непосредственно в русском языке находим в романе П. Д. Боборыкина «Ходок» (1895), посвященном русской интеллигенции: «Ведь вы госпожа Ветлугина, известная своими работами? — Она, она, — ответил за нее Малышев. — Анна Егоровна, кладезь учености». Подтверждением вхождения данного фразеологизма в русский язык именно в это время служит, во-первых, отсутствие его, как и вообще переносного значения у слова *кладезь*, в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (СПб., 1822) и «Словаре церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847). Во-вторых, перевод выражения *C'est un puits de science* как «это бездна учености, весьма ученый человек» в «Полном французско-русском словаре, составленном Н. Макаровым» (СПб., 1870), вероятно, был сделан под влиянием известного русскому языку с начала XIX века оборота *бездна премудрости* «обширные и глубокие знания, сведения и т. п.»

Признаки, лежащие в основе переноса наименований у фразеологизмов *бездна премудрости* и *кладезь премудрости* (и соответственно слов *бездна, кладезь*), несколько отличны: в первом случае — это «большое количество чего-л.», во втором — «неиссякаемый источник чего-л.». Если метафорическое значение у слова *бездна* известно с XVI века, то у старославянского по происхождению существительного *кладезь* только с XIX. Формированию последнего способствовало наличие у *кладезь*, кроме значения «колодец», еще и «источник, родник».

В XX веке появляется фразеологизм *ходячая (живая) энциклопедия* (*справочник, библиография* и т. п.). По поводу его происхождения существуют разные точки зрения. В «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» (М., 1987) он подается как собственно русский. Ю. П. Солодуб возводит его к немецкому обороту *ein lebendiges Konversationslexikon*, буквально — «живой энцикло-

педический справочник» (Солодуб Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования [на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица]: Автореф. дис. М., 1985. С. 25). От того же источника, по его мнению, происходят соответствующие фразеологизмы и в других языках.

В XX столетии, вероятно, под влиянием оборота *ходячая (живая) энциклопедия (справочник, библиография и т. п.)* возник фразеологизм *ходячий университет*.

Начиная примерно с 60-х годов XX века в разговорной речи стала употребляться новая фразеологическая единица — *справочное бюро*: «Принимал профессора-геофизика: не человек — справочное бюро. Все знает» (Кожевников В. Северное сияние).

Полузнайка, недоучка (разг.), *недоуч* (устар.), *школяр* (устар., разг., пренебр.) — этими словами называют «человека, обладающего недостаточными знаниями». Все языковые единицы, входящие в этот синонимический ряд, обладают ярко выраженной внутренней формой, которая в первом слове прямо указывает на недостаточность знаний, во втором и третьем — на причину этого, а в четвертом — на школьный (низкий) уровень знаний. Все они появились сравнительно недавно: *недоуч* — в XVIII веке, *недоучка, школяр* — в XIX, *полузнайка* — в XX. В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой слова *полузнайка, недоучка* помещены в синонимический ряд с доминантой «невежда».

Синонимический ряд «невежественный, несведущий человек» на протяжении семи веков (XI—XVII) был представлен только лексемами с приставкой *не-*: в XI—XIII веках он состоял из слов *невежда, невежа, некнижник, неуметель, невеглас (невеиглас, невеголос)*, в XIV веке к ним добавляется *неуч*, а в XV еще и *неуч*. Три из указанных существительных *невежда, неуч, неуч* сохранились до нашего времени, причем одно из них — *невежда* — является доминантой синонимического ряда. Однокоренное с ним исконно русское слово *невежа* в XVII веке приобретает значение «грубый, невоспитанный человек», которое сохранилось до наших дней. Смешение значений данных слов до сих пор является распространенной речевой ошибкой.

Однокоренным со словом *невежда* является и существительное *невеглас (невеиглас, невеголос)*. По данным этимологических словарей, оно образовалось путем сложения сокращенной формы 3 лица, ед. числа, настоящего времени глагола *ведать* и существительного *глас (голос)*. Таким образом, в буквальном смысле это слово обозначает того, кто не знает голоса, а в переносном смысле — того, кто не знает дел, вещей, о которых говорят. Интересно, что в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» в

качестве существительного данная единица зафиксирована только с приставкой *не-*, лексема же *веглас* подается как прилагательное, причем лишь в данном виде, без каких-либо вариантов.

Слова *неук*, *неуч*, внутренняя форма которых указывает на отсутствие образовательной подготовки, появились почти одновременно — соответственно в XIV и XV веках. Вариант *неука* датируется только 1673 годом. Лексема *неук* дошла до наших дней, хотя сейчас и воспринимается как устаревшая. Интересно, что этого слова нет ни в «Словаре Академии Российской», ни в «Словаре церковнославянского и русского языка», а в Словаре В. И. Даля оно зафиксировано лишь в значении «невъезженная, ни в упряжь, ни подверх, скотина, особ. лошадь». Весьма своеобразно в этих словарях подается и значение существительного *неуч*: Словарь В. И. Даля — «невежа, грубиян; не знающий или не соблюдающий обычаев вежливости, приличия: *неучтивый человек*», Словарь 1847 года — «невежа, неук, грубиян», Словарь 1822 года «невежда, грубиян, неучтивый». Если употребление в одном значении слова *невежа*, в другом — *невежда* вполне объяснимо, то использование в словарной статье в Словаре 1847 года лексемы *неук*, отсутствующей в этом справочнике, не совсем понятно.

Взаимосвязь «грубый, невежливый» и «невежественный, несведущий» проявляется и в том, что прилагательное *грубый* в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» зафиксировано с обоими значениями, причем второе из них появилось раньше — в XII веке, в то время как первое датируется только XVII. Существительное *грубиян* в этом словаре отсутствует, а в «Словаре русского языка XVIII в.» фиксируется в обоих значениях: «невежливый, неучливый человек», «неуч, невежда».

Еще одно существительное с приставкой *не-* *незнайка* — впервые зафиксировано в Словаре В. И. Даля. Оно широко употребляется в произведениях устного народного творчества.

Три существительных: *митрофан*, *митрофанушка*, *недоросль* — обязаны своим появлением комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1783).

В анализируемый синонимический ряд входит и заимствованное в XVIII веке из латинского через посредство французского существительное *профан*.

У существительного *дилетант* «тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки, обычно не обладая углубленными знаниями» в наши дни появился оттенок значения «человек, у которого отсутствуют необходимые специальные знания»: «Мне, в общем, все понятно. Дело вели абсолютно непрофессиональные люди, дилетанты» (Смена. 1992. 5 дек.). Оно еще не зафиксировано в словарях, хотя у однокоренных

слов *дилетантизм*, *дилетантский* подобный оттенок указывается. Появление этого оттенка, вероятно, стало возможным ввиду того, что сейчас данное гнездо слов характеризует занятие наукой или искусством без специальной подготовки как явление отрицательное, нежелательное. Для XIX и начала XX веков было свойственно неоценочное употребление данных лексем.

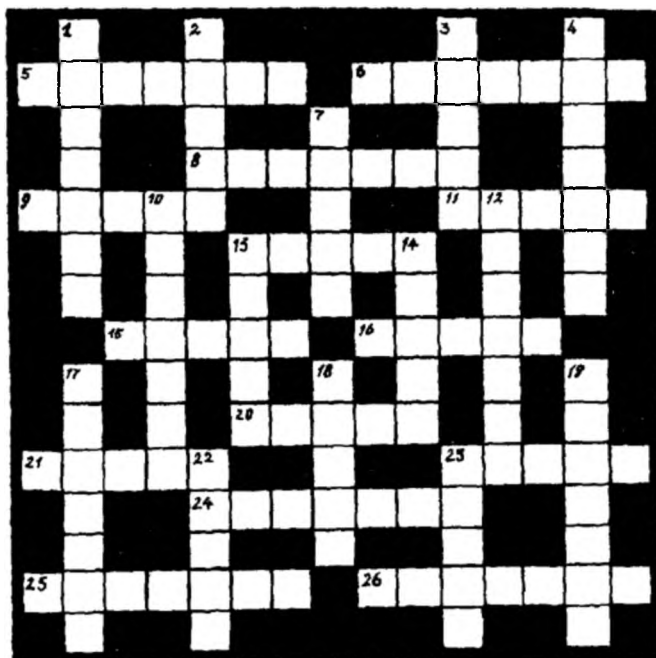
Наконец, интересующее нас значение находим у трех словообразовательных метафор с корнем *-прост-*, появившихся в XVIII веке: *простец*, *простачина*, *простак* (*протыак*). Последнее существительное начиная с XIX века приобретает несколько иное значение — «недогадливый, несообразительный человек», расходясь тем самым по семантике с однокоренным словом *простец*. Лексема *простачина* вообще выходит из употребления.

Таким же древним является противопоставление множеств «человек, обладающий обширными знаниями» и «невежественный, несведущий человек». Ряд словоформ, занимающий как бы промежуточное положение между ними: «человек, обладающий недостаточными знаниями», — начинает формироваться лишь в XVIII веке, что отражает ход развития языка: от общих наименований к частным, детализированным.

Появление в XV веке у глагола *знать* значения «иметь специальные познания в какой-л. области» привело к замене слов с корнем *-вед-* (*-веж-*, *-вежд-*) образованиями с корнем *-зна-* (*-знај-*). До нашего времени дошло лишь одно существительное, восходящее к ранее широко распространенному глаголу *ведать*: *невежда*.

Как можно было заметить, подавляющее большинство языковых единиц, входящих ныне в ряд словоформ «характеристика человека по уровню знаний», появилось в XVIII—XX веках. Исключение составляют лишь три слова: *невежда*, *неуч*, *неук*. При этом наибольшее число таких слов приходится на XIX век. Пополнение шло прежде всего за счет слов с метафорическим значением и фразеологизмов, т. е. путем усиления экспрессивности.

В количественном отношении синонимический ряд «человек, обладающий обширными знаниями» в настоящее время чуть ли не в два раза превосходит антонимичный ему синонимический ряд «невежественный, несведущий человек», что является нетипичным: обычно отрицательных характеристик больше. Определенным образом эту ситуацию нейтрализует ироническая эмоционально-экспрессивная окраска некоторых положительных характеристик.

По горизонтали: 5. Римское соответствие греческой Афине. 6. Фамилия или прозвище, занесенное Собакевичем в список проданных крестьян. 8. Юношеское стихотворение А. С. Пушкина. 9. Персонаж романа В. Лациса «Сын рыбака». 11. Она горела на столе, она горела. 13. Персонаж древнегреческой мифологии, убедившийся, что своего ума к чужой коже не пришьешь. 15. Эпизод в пьесе, повести, романе. 16. Псевдоним В. В. Набокова. 20. Вся — колчан упругих стрел. 21. Завоеватель Руси. 23. Место ссылки А. И. Герцена. 24. Под ней снег утренний хрустит. 25. Под этим именем Державин воспел любимую жену. 26. Советский поэт, известный своим остроумием.

По вертикали: 1. Древний сборник индийских религиозных гимнов. 2. Столица европейского государства, где жила М. Цветаева. 3. Кто повесил на священный дуб Золотое руно, позже похищенное аргонавтами? 4. Незаконченное произведение Ф. М. Достоевского. 7. Старинная стихотворная форма. 10. Стихотворная форма «Ада» Данте. 12. Произведение Л. Сейфуллиной. 13. Имя героя серии рассказов для детей В. Драгунского. 14. Героиня трагедии Шиллера. 17. Повесть Ч. Айтматова. 18. Элегия В. А. Жуковского. 19. Художник XVIII в., автор портретов Сумарокова и Майкова. 22. Человек, череп которого держал в руках Гамлет. 23. Персонаж повести В. Г. Короленко «В дурном обществе».

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ

Когда мы приходим в художественный музей, выставочный зал, среди различных картин в особую группу выделяются портреты — изображения людей, выполненные в разные эпохи, разными мастерами, и каждый неповторим и самоценен. Но только ли пространственным изображением может называться портрет? Мы ведь не только видим человека, но и слышим его. И здесь мы вправе говорить о языке как об особом пространстве. Книга М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Русский речевой портрет» (М., 1995) предлагает новую возможность восприятия мира — через языковое пространство. В нём каждый человек имеет свою собственную, неповторимую «форму», которую можно отличить от других «форм» — это языковая личность.

Работа авторов — фонохрестоматия — приведенная в письменную форму устная речь носителей русского литературного языка. Книга снабжена набором аудиокассет. Перед каждым текстом помещен комментарий, из которого мы можем узнать некоторые факты из жизни человека, тему разговора, выбранную неслучайно, значимую не только для постижения личности говорящего, но и для понимания целого поколения, особенности интонации, произношения некоторых слов и т. п. И на основании всего этого авторы делают вывод о принадлежности того или иного человека к какому-либо варианту литературной нормы (московскому или петербургскому, «новому» или «старому»). В текстах учтены все особенности современной разговорной речи (паузы, самоперебивы, высокочастотные стяженные лексикализированные варианты, наложение реплик).

Но особое внимание авторов привлекли все-таки не индивидуальные речевые черты личности, а типичные, классифицирующие, которые помогли бы решить одну из основных задач работы: показать динамику орфоэпической нормы, ее сегодняшнее лицо, зафиксировать сегодняшний день, а через это составить речевой портрет поколения, который складывается из пестрых, неповторимых индивидуальных речевых портретов.

Здесь мы встречаем портреты представителей различных профессий, различных возрастных, социальных групп, мужчин и

женщин, москвичей и петербуржцев. И каждый портрет неповторим и самоценен.

Запись речи А. Б. Шапиро, сделанная С. С. Высотским — это уникальный портрет русского лингвиста. Почему именно этот человек привлек внимание художника, и он решил запечатлеть его? А. Б. Шапиро принадлежал к старомосковской интеллигенции, и поэтому его речевой портрет имеет огромную культурологическую ценность, так как зафиксирована речь, судя по которой можно очень много сказать о старомосковской орфоэпической норме.

Речевые навыки А. Б. Шапиро формировались в конце XIX — начале XX века, поэтому в его речи можно уловить особенности старомосковского произношения: это ассимилятивное смягчение в некоторых группах согласных, например, [с'т']иль, и[з'в']естно; в первом предударном слоге после твердых согласных [а], после мягких согласных в безударной позиции характерен «икающий» вариант; произношение возвратных частиц: *одевала*[с]. Это то, что позволяет отнести его речевую манеру к какому-либо общему типу.

При этом портрет Шапиро насыщен и глубоко индивидуальными штрихами. Например, для него характерны некатегоричность суждений, недидактичность. Об этом говорит обилие вводных слов (*пожалуй, знаете ли, по-моему*), употребление слов с общеоценочной семантикой, смягчающей отрицательные оценки, более ровный мелодический рисунок фразы. А последняя реплика Шапиро («Вот просто скажу нет»), где речь идет об игре одной молодой актрисы, буквально «оживляет» речевой портрет, придает ему уникальность и своеобразие.

В комментарии к тексту представлены графики движения основного тона. Все это те речевые черты, которые являются «внутренним содержанием» человека, реализующегося в речевом пространстве. И благодаря этим чертам портрет А. Б. Шапиро невозможно спутать с портретом, например, З. С. Паперного или Л. В. Успенского.

Сами темы разговоров, подобные атрибутам человеческой фигуры на холсте, уже позволяют наметить языковой облик человека.

Особого внимания заслуживает речевой портрет Л. В. Успенского — писателя, филолога, русского языковеда, прекрасно владеющего словом. Здесь даже устная речь содержит элементы художественного повествования. Портрет выполнен в экспрессивно-выразительной манере, ярким сочетанием индивидуальных особенностей и типичных черт, где каждый штрих несет определенную информацию, являясь «проводником» настроения.

Такими яркими, отличающими речевую манеру Л. В. Успенского от всех других чертами можно назвать образность речи, умение

«подать» слово, найти нужное значение и выделить его с помощью интонации. Произносительные детали позволяют отнести облик Л. В. Успенского к «старшему» поколению носителей литературной нормы.

Кроме того, в его образе сочетаются московский вариант и петербургский. Например, типичной чертой Л. В. Успенского является тенденция к смягчению в сочетании согласных, но непоследовательная: [з'д'] *есть*, но ро[с'л'] *и*.

Очень яркая черта, придающая неповторимость и своеобразие облику Л. В. Успенского, — произношение [ш'ч'] вместо [ш'] в словах типа *щука* — [ш'ч'] *ука*. В сфере вокализма Л. В. Успенскому свойственно петербургское «еканье». Оба варианта нормы — московский и петербургский — сосуществуют в речевом облике Л. В. Успенского. Речевой портрет Л. В. Успенского напоминает импрессионистическую манеру письма: крупными, выразительными мазками создается полотно, наполненное особым настроением. Этому способствует и тема беседы — в основном, животные, где говорящий проявляется и с духовно-нравственной стороны, что насыщает его портрет теплыми и мягкими тонами. То же можно сказать и о портрете З. С. Паперного. Это то, благодаря чему оба портрета выделяются из всех остальных, способствуя созданию контраста между эпохами, стилями...

Такую же манеру представляет и следующая запись: речевой портрет двух женщин, участников беседы о ленинградском мюзик-холле. По жанру это диалогизированный рассказ-унисон, кроме того, дополненный зрительным рядом, который мы не видим, но все штрихи портрета с ним соотносимы. Запись интересна, во-первых, с содержательной стороны, т. к. речь идет о постановках известного балетмейстера Касьяна Голейзовского, а во-вторых, она особенно ярко передает чисто женские черты повествования (обилие эмоционально-оценочных слов, усиление положительных оценок, экспрессивность).

Эти женщины принадлежат к одному поколению, они коренные петербурженки. Мы можем определить, что они — носители «старшей» орфоэпической нормы. Это проявляется и в традиционно мягких сочетаниях согласных — [з'м'] *ея*. Но некоторые штрихи говорят о расшатывании нормы: [сн'] *ектакль*, где смягчения нет. Особое произношение слова *дождь* является настолько интересным, что его можно обозначить как самое яркое пятно, особенно сильно освещенное место портрета, на которое невозможно не обратить внимание. Таким же акцентом можно назвать и произношение ряда иноязычных слов [рэ] *жиссеры*, [прэ] *мьера*, или воспроизведение звуков, совершенно не типичных для русского языка. Подобные «инкрустации» почти не встречаются у носителей современной литературной нормы. Этим и ценен настоящий

портрет. Он содержит утраченное речевое явление, которое позволяет установить эпоху, поколение, к которому принадлежат информантки.

В конце сборника помещены тексты, которые представляют даже не речевые портреты, а скорее всего «жанровые сцены» в языковом пространстве — непринужденные разговоры множества людей. Такая «мозаика» создает довольно интересный узор на языковом полотне. Спонтанность, раскованность, свободный порядок расположения частей высказывания по принципу ассоциативного присоединения делают такие «жанровые сцены» и достоянием прошедшего времени, и свидетельством сегодняшнего дня. Это своеобразная хроника времени, фиксация литературной нормы, ее настоящее.

Специальными художественными приемами создания речевого полотна такой разновидности явились частые смены реплик, тематические разрывы, вкрапления ситуативного характера. Особенно много индивидуальных черт в сфере словоупотребления. По ним мы можем судить, кто перед нами: адвокат или художник, сын или отец, женщина или мужчина.

Проследить, как литературная норма действует в современных условиях, в устной, «непрепарированной» речи, помогают именно такие полилоги — «жанровые сцены» в языковом пространстве.

Это и было основной задачей авторов. Но для ее решения они выбрали очень интересный и необычный подход: показать динамику нормы через реализацию человека в речевом пространстве, зафиксировав его речевую личность, создав «речевой портрет». И такой подход обещает большие перспективы в развитии лингвистики, в частности, в изучении устной речи носителей русского литературного языка, делает качественно новый виток в развитии науки о языке.

О. М. Подольская

«ПЕЧАЛЬ РЕСНИЦ, СΙΑЮЩИХ И ЧЕРНЫХ...»

В. П. ВОМПЕРСКИЙ,

доктор филологических наук

XX век, 50-е — 60-е годы — важный период в развитии отечественного языкознания. Именно в эти годы в Москве проходит Международный съезд славистов, начинает издаваться научно-популярный журнал Института русского языка АН СССР «Русская речь», в трудах В. В. Виноградова, Б. В. Томашевского, С. И. Ожегова, А. И. Ефимова, С. А. Копорского, Б. А. Ларина, К. И. Былинского, В. Г. Костомарова и др. формируется проблематика культуры русской речи.

В эти годы появляются много книг о стилистике и писательском труде, написанных крупными мастерами слова: «Золотая роза» К. Г. Паустовского (1955), «Писатель, искусство, время» К. А. Федина (1957, 1961), «Правильно ли мы говорим? Заметки писателя» Б. Н. Тимофеева (1961 и 1963), «Живой как жизнь» К. И. Чуковского (1962), «Судьбы родного слова» А. К. Югова (1962).

Это время в стране не знает ни одного сколько-нибудь заметного печатного издания, которое не публиковало бы статей, брошюр, заметок писателей, ученых, критиков по вопросам культуры речи. Именно этой проблематике была посвящена дискуссия на страницах газеты «Известия» (1960—1961). Открывалась она письмом читателя В. Чуракова «О родном нашем языке».

Первым из писателей откликнулся К. Г. Паустовский, который

напечатал 30 декабря 1960 г. статью «Живое и мертвое слово». Оценивая русский литературный язык через призму норм и вкусов языка русской поэзии, он писал: «Певучесть и звонкость этого языка доходят порой до предела, до совершенства, тревожа любое, даже самое холодное сердце». И в подтверждение этой мысли К. Г. Паустовский привел стихотворение без указания имени автора:

Печаль ресниц, сияющих и
 черных,
Алмазы слез, обильных,
 непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных,
 смирненных —
Все помню я... Но нет уж в мире
 вас...

В тот же день мне позвонил доктор исторических и географических наук Д. М. Лебедев и осведомился, не знаю ли я, кому принадлежат эти поэтические строки, процитированные К. Г. Паустовским. Я ответил, что никогда ранее не встречал этого стихотворения, но думаю, что автор принадлежит к поэтам «серебряного века» и написано оно в конце XIX— начале XX столетия. Вопрос Д. М. Лебедева, крупного ученого в области истории географических открытий, автора книг и статей по проблемам освоения Сибири, Тихоокеанского побережья и Антарктиды, человека очень образованного, хорошо знающего родной язык и литературу, разжег во мне интерес к этому стихотворению, и я решил доискаться имени его автора. Вначале просмотрел всего Тютчева и Бунина, но не обнаружил этого текста. Обратился за помощью к своему однокашнику В. Н. Турбину, замечательному знатоку русской поэзии. Он сказал, что поиски идут в правильном направлении, но посоветовал посмотреть еще стихи поэтов Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова и их окружения. Но и это не дало никаких результатов.

Тогда я решил обратиться к профессору С. М. Бонди, самому высокому у нас авторитету в области истории поэзии, знаменитому пушкинисту. Он внимательно выслушал меня, попросил еще раз прочитать загадочное стихотворение и сказал: «Я не знаю автора, никогда не читал этого стихотворения. Оно мне просто не встречалось». — «Сергей Михайлович! Если Вы отказываетесь дать совет по этому вопросу, то кто же другой может дать?» Ответ был неожиданным: «Позвоните К. Г. Паустовскому». Я как-то не представлял, что может быть и такое, весьма простое решение вопроса.

Узнал номер домашнего телефона Константина Георгиевича —

звоню. Подходит его литературный секретарь и говорит, что К. Г. сейчас в доме творчества в Ялте, в Крыму, и будет в Москве через месяц. Звоню через месяц: «К. Г. уехал в Тарусу, будет через 10 дней». Через положенные 10 дней набираю номер телефона, подходит Константин Георгиевич. Я представляюсь и рассказываю о сути дела. Возникает такой диалог:

— В. П., это стихотворение И. А. Бунина.

— Но я смотрел собрание сочинений И. А. Бунина в издании Маркса и в приложении к журналу «Огонек». Это ведь самые полные собрания текстов поэта...

— Там оно не было опубликовано. Это стихотворение написано позднее, в 1922 году, за границей и впервые было напечатано в Советском Союзе в Большой серии библиотеки поэта. Я взял его оттуда.

— К. Г.! Чем Вас привлекло это стихотворение И. А. Бунина?

— Я не знаю такого другого стихотворения в русской поэзии. Даже «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...» А. А. Фета меркнет перед этим совершенством.

Я сейчас же поехал в библиотеку им. В. И. Ленина, заказал нужные мне книги и обнаружил, что К. Г. Паустовский действительно узнал об этом стихотворении из Большой серии библиотеки поэта (Л., 1956), но опубликовал его частично. Полностью оно выглядит так:

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, —
Все помню я... Но нет уж в мире вас,
Когда-то юных и блаженных!
Откуда же являешься ты мне?
Зачем же воскресаешь ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?
27.VIII.1922

Впервые это стихотворение напечатано в Собрании сочинений И. А. Бунина (Берлин, изд-во «Петрополис», т. VIII, 1935), но я нашел более раннюю его публикацию: журнал «Современные записки». Париж, 1924. Кн. XX.

Позвонил еще раз К. Г. Паустовскому, рассказал о своих поисках. Он поблагодарил меня и заметил, что самая яркая и очень мудрая характеристика русского языка содержится в раннем стихотворении И. А. Бунина «Слово». Оно хорошо известно, но я не могу не процитировать его в этой заметке:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письма. И
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.
7.1.15
Москва

Стихотворение И. А. Бунина злободневно. Размышляя о современной ему модернистской литературе, он говорил в 1918 году: «... испорчен русский язык... утеряно чутье к ритму и органическим особенностям русской прозаической речи, опошлением доведен до пошлейшей легкости... стих» (Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. Пг., изд. т-ва А. Ф. Маркса, 1915).

После смерти К. Г. Паустовского статья «Живое и мертвое слово» была опубликована дважды: в его сборнике «Наедине с осенью» (М., 1972) и в сборнике «Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства» (М., 1972), но без указания имени И. А. Бунина. Что касается стихотворения «Печаль ресниц, сияющих и черных...», то оно стало печататься во всех собраниях сочинений И. А. Бунина начиная с девятитомного собрания сочинений 1965—1967 гг.